

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 31 (1–4),

№ 3

2023

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2023. Т. 31(1–4). № 3

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [С. М. Никитюк](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 03.10.2023. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписной индекс:

[Интернет-каталог «Пресса по подписке»](#) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий,](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никитюк Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, начальник академии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: academy@apu.fsin.gov.ru (главный редактор).

Асташова Надежда Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация, e-mail: nadezda.astashova@yandex.ru.

Афанасьев Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: vafanassyev@gmail.com.

Васюков Виталий Федорович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация, e-mail: vvf0109@yandex.ru.

Вахнина Виктория Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vikavahnina@mail.ru.

Воробьев Сергей Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: galievfarkhat@mail.ru.

Горностаев Станислав Викторович, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: stanislavrz@yandex.ru.

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: grishkoaleksandr@vandex.ru.

Епифанов Станислав Станиславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ess-rzn@mail.ru.

Еремкина Ольга Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: olgaeremkina@mfil.ru.

Каплунов Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

Кисляков Павел Александрович, доктор психологических наук, доцент, профессор факультета психологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pack.81@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Nikitjuk Sergej Mihajlovich, Candidate of Law, Head of the Academy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: academy@apu.fsin.gov.ru (editor-in-chief).

Astashova Nadezhda Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russian Federation, e-mail: nadezda.astashova@yandex.ru.

Afanas'ev Vladimir Nikolaevich, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Statistics and Econometrics, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: vafanassyev@gmail.com.

Vasjukov Vitalij Fedorovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, Orel, Russian Federation, e-mail: vvf0109@yandex.ru.

Vahnina Viktorija Vladimirovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: vikavahnina@mail.ru.

Vorob'ev Sergej Mihajlovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Galiev Farit Hatipovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: galievfarkhat@mail.ru.

Gornostaev Stanislav Viktorovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: stanislavrz@yandex.ru.

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: grishkoaleksandr@vandex.ru.

Epifanov Stanislav Stanislavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Operational Investigative Activities, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ess-rzn@mail.ru.

Eremkina Ol'ga Vasil'evna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: olgaeremkina@mfil.ru.

Kaplunov Andrej Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: and-kaaplunov@yandex.ru.

Kisljakov Pavel Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Faculty of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pack.81@mail.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: irina_mikhaylova@list.ru.

Николюк Вячеслав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: nvv56@mail.ru.

Омелин Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: v.omelin@mail.ru.

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru.

Поникаров Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: minrs@yandex.ru.

Романов Алексей Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: a.romanov@365.rsu.edu.ru.

Серова Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и международной деятельности, Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация, e-mail: olgaserova1974@mail.ru.

Суворова Ольга Вениаминовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: olgavenn@yandex.ru.

Ульянина Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, руководитель центра, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: lelia34@mail.ru.

Чепик Ольга Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор института по кафедре бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ovchepik@yandex.ru.

Чепик Сергей Георгиевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, анализа и учета, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: sgchepik@yandex.ru.

Черемисова Ирина Валерьяновна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: irinarusa@inbox.ru.

Южанин Николай Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: yuzhanin15@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Komarov Sergej Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Mihajlova Irina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation, e-mail: irina_mikhaylova@list.ru.

Nikoljuk Vjacheslav Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, e-mail: nvv56@mail.ru.

Omelin Viktor Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: v.omelin@mail.ru.

Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Extreme Psychology for Research, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru.

Ponikarov Vladimir Anatol'evich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru.

Romanov Aleksej Alekseevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.romanov@365.rsu.edu.ru.

Serova Ol'ga Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and International Affairs, Pskov State University, Pskov, Russian Federation, e-mail: olgaserova1974@mail.ru.

Suvorova Ol'ga Veniaminovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, e-mail: olgavenn@yandex.ru.

Ul'janina Ol'ga Aleksandrovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Center, Federal Coordination Center for Providing Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: lelia34@mail.ru.

Chepik Ol'ga Viktorovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Institute at the Department of Accounting, Analysis, Finance and Taxation, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ovchepik@yandex.ru.

Chepik Sergej Georgievich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Analysis and Accounting, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sgchepik@yandex.ru.

Cheremisova Irina Valer'janovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: irinarusa@inbox.ru.

Juzhanin Nikolaj Vjacheslavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: yuzhanin15@mail.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 324** *Корнеев С. А., Захарова С. С.* Отзыв на диссертацию С. М. Р. Симбагаева «Штраф как вид уголовного наказания: проблемы законодательной регламентации и практики применения»

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

- 332** *Поникаров С. В., Поникаров В. А., Мельниченко Д. С.* Некоторые аспекты публично-правовой и уголовно-правовой классификации правоохранительной деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы
- 339** *Кокорев Е. В.* Особенности правовой регламентации деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 352** *Воробьев С. М., Зокирзода З. Х., Бобохонов Ф. А.* Конфискация имущества в Конституции и Уголовном кодексе Республики Таджикистан: сравнительно-правовой анализ
- 361** *Шабанов В. Б.* Особенности режима особых условий пенитенциарных учреждений при экстремистской, террористической и военной опасности
- 365** *Воробьев Ю. А.* Муниципальные ведомства по делам общественного порядка в Германии: новый вектор развития региональных органов самоуправления

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 374** *Реент Ю. А.* К вопросу о трудовой мобилизации поволжских немцев в годы Великой Отечественной войны
- 389** *Кутякин С. А.* Арестантская община и ее лидеры – «бродяги» в местах лишения свободы России во второй половине XIX – начале XX в.

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 398** *Деренова Н. С.* Административно-правовая составляющая в предупреждении наркопреступлений

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 403** *Кузьмина И. А., Лончакова Т. А.* Организация ревизии трудовой деятельности и оплаты труда осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы
- 414** *Татаров К. Ю.* Социальная защищенность осужденных к принудительным работам

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 422** *Тюгаева Н. А., Ванюшина А. Ю.* Внутриличностный конфликт осужденного и метод «взрыва»: понятие и взаимосвязь
- 434** *Рогов А. В., Горностаев С. В., Воронин Р. М.* Психологические особенности русскоязычных осужденных-иностранцев (граждан Украины, отбывающих наказание в виде лишения свободы)
- 446** *Сухов А. Н.* Образование и наука: социально-психологический аспект
- 458** *Халилов Р. Н.* Региональный опыт деятельности ветеранской организации в сфере воспитательной работы с личным составом исправительного учреждения
- 466** *Хохрин С. А.* Личность осужденного, совершившего преступление в период отбывания наказания
- 477** *Гаврина Е. Е., Заргаров А. В.* Влияние профессиональной ответственности на формирование репутации курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний

ПЕРСОНАЛИИ

- 489** *Романов А. А., Ганишина И. С.* Великий педагог и великий психолог К. Д. Ушинский (к 200-летию со дня рождения)
- 503** *Назаркин Е. В.* К 85-летию Виктора Владимировича Кулькова

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Рецензия

УДК 343.271:049.32

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.324-331

ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ С. М. Р. СИМБАГАЕВА «ШТРАФ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ»

Сергей Александрович Корнеев¹, Светлана Сергеевна Захарова²

^{1,2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

¹kornei_lam@mail.ru

²svetlanaza@yandex.ru

Аннотация. В настоящем отзыве отражены основные положения диссертационного исследования Саид-Магомеда Рамзановича Симбагаева «Штраф как вид уголовного наказания: проблемы законодательной регламентации и практики применения», представленного на соискание ученой степени кандидата юридических наук (5.1.4. Уголовно-правовые науки). В частности, определяется актуальность работы, степень обоснованности, достоверность и новизна научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, а также их теоретико-практическая значимость. Особое внимание обращено на ряд сформулированных автором предложений, научная составляющая которых не вызывает сомнений: определение сущности штрафа и его места в системе наказаний; необходимость отказа от кратного исчисления штрафа и повышение его нижней границы при расчете в денежном выражении; сформулированная автором позиция относительно понимания иных доходов при назначении штрафа; рекомендации по совершенствованию санкций статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации; оригинальное решение проблемы соотношения штрафа с иными наказаниями; предложения по совершенствованию действующего законодательства в части регламентации штрафа. Сделан вывод о том, что представленное исследование является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задач, имеющих существенное значение для развития наук уголовного и уголовно-исполнительного права, законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, система наказаний, штраф, иные меры уголовно-правового характера, судебный штраф

Для цитирования

Корнеев С. А., Захарова С. С. Отзыв на диссертацию С. М. Р. Симбагаева «Штраф как вид уголовного наказания: проблемы законодательной регламентации

и практики применения» // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 324–331. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.324-331.

SCIENCE FORUM

Review

REVIEW OF S. M. R. SIMBAGAEV'S DISSERTATION "FINE AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND PRACTICE OF APPLICATION"

Sergej Aleksandrovich Korneev¹, Svetlana Sergeevna Zaharova²

^{1,2}Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

¹kornei_lam@mail.ru

²svetlanaza@yandex.ru

Abstract. This review reflects the main provisions of the dissertation research of Said-Magomed Ramzanovich Simbagaev "Fine as a type of criminal punishment: problems of legislative regulation and practice of application", submitted for the degree of Candidate of Legal Sciences (5.1.4. Criminal Law Sciences). In particular, the relevance of the work, the degree of validity, reliability and novelty of scientific provisions, conclusions and recommendations formulated in the dissertation, as well as their theoretical and practical significance are determined. Special attention is paid to a number of proposals formulated by the author, the scientific component of which is beyond doubt: the definition of the essence of the fine and its place in the system of penalties; the need to abandon the multiple calculation of the fine and increase its lower limit when calculating in monetary terms; the position formulated by the author regarding the understanding of other income when imposing a fine; recommendations for improving sanctions by a Special article parts of the Criminal Code of the Russian Federation; an original solution to the problem of the ratio of a fine with other punishments; proposals for improving the current legislation regarding the regulation of fines. It is concluded that the presented research is an independent scientific and qualification work, which contains the solution of tasks that are essential for the development of the sciences of criminal and penal enforcement law, legislation and practice of its application.

Keywords: criminal liability, punishment, system of punishments, fine, other measures of a criminal nature, judicial fine

For citation

Korneev, S. A. & Zaharova, S. S. 2023, 'Review of S. M. R. Simbagaev's dissertation "Fine as a type of criminal punishment: problems of legislative regulation and practice of application', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 324–331, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.324-331.

В настоящее время в теории уголовного права актуализированы проблемы, связанные с кризисом уголовного наказания в целом и с изоляционными мерами государственного принуждения в частности, перегруженностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, судебных органов, ресоциализацией и социальной адаптацией осужденных, постпенитенциарным контролем над лицами, отбывшими назначенное судом наказание и т. д. [1, с. 165; 2, с. 139]. Вследствие этого внимание представителей высших органов государственной власти обращено на гуманизацию действующего уголовного законодательства, несмотря на фрагментарные ужесточения, вызванные социально-экономическими, а равно политическими обстоятельствами последних лет. Заявленный процесс находит свое отражение в увеличении количества видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, полной или частичной декриминализации ряда преступных деяний, утративших свою общественную опасность, расширении института иных мер уголовно-правового характера, реализации наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и, как следствие, в частичном отходе от лишения свободы.

В то же время заявленный вектор гуманизации уголовного законодательства не является безупречным и окончательно проработанным в теоретико-прикладном плане и требует всестороннего изучения. В связи с этим представленное диссертантом исследование [3], посвященное законодательной регламентации и практике применения штрафа как вида уголовного наказания, обладает высокой степенью актуальности и вписывается в общую канву гуманизации действующего уголовного законодательства. Несмотря на то что штраф-наказание, равно как судебный штраф, – иная мера уголовно-правового характера, неоднократно выступал предметом доктринальных исследований, в том числе фундаментального характера [4]. Ряд теоретических и организационных вопросов, связанных с регламентацией указанных категорий в уголовно-правовой науке и законодательстве, порядком их назначения и применения, до сих пор остались неразрешенными.

Объект и предмет диссертационного исследования определены весьма удачно, что обеспечило достижение заявленных целей диссертационного исследования, – разработка и научное обоснование положений относительно закономерностей формирования и перспектив развития отечественного законодательства о штрафе как виде уголовного наказания; повышение эффективности использования штрафа на практике с сопутствующим обоснованием предложений по совершенствованию уголовного и смежного законодательства в части регламентации штрафа, порядка его замены при неуплате, а также конструирования санкций правовых норм.

Диалектический метод научного познания в совокупности с современными частнонаучными методами соответствует особенностям выбранного объекта и предмета исследования, это обуславливает всесторонность, полноту и качество представленной диссертации.

Большинство сформулированных выводов и предложений являются достоверными и обоснованными. Представляется, что данный результат достигается путем верной постановки целей и задач диссертации, использования значительного количества фундаментальных исследований проблемы наказания и наказуемости, системы наказаний (Е. В. Благов, И. М. Гальперин, В. К. Дуюнов, В. Ф. Лапшин, Н. А. Лопашенко, Т. В. Непомнящая, С. В. Познышев, Н. Д. Сергиевский, В. М. Степашин, А. В. Сумачев, И. Я. Фойницкий, М. Д. Шаргородский, А. Я. Эстрин и др.) и специализированных научных работ,

касающихся анализа современного законодательства о штрафе как уголовном наказании (О. В. Грицай, С. Ю. Гусаков, Р. О. Долотов, Д. С. Дядькин, А. В. Бриллиантов, А. В. Звонов, В. П. Кашепов, М. Ф. Мингалимова, Т. В. Непомнящая, И. А. Подройкина, Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Уткин, С. С. Шестало и др.).

Содержание диссертационного исследования свидетельствует о серьезном анализе нормативной базы, включающей в себя, кроме источников национального законодательства, уголовное законодательство зарубежных стран в части правовой регламентации наказания в виде штрафа (Болгарии, Дании, Норвегии, Польши, Республики Корея, Турции, Франции, ФРГ, Чехии, Швейцарии, Швеции, США).

Отдельного внимания заслуживает эмпирическая база диссертационного исследования, включающая в себя:

- отчетность Верховного Суда РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Федеральной службы судебных приставов;
- решения Конституционного Суда РФ по отдельным вопросам, связанным с наказуемостью преступлений;
- постановления Пленума Верховного Суда РФ, в которых даются рекомендации о порядке и правилах назначения наказания и исполнения приговоров;
- результаты анализа более 300 судебных актов (приговоров, постановлений и определений) по уголовным делам, рассмотренным судами РФ, в которых в качестве основного или дополнительного наказания был назначен штраф;
- материалы обобщений судов общей юрисдикции по проблемам замены штрафа другими видами наказаний в случае злостной неуплаты;
- обзоры, справки, отражающие результаты деятельности судов, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы судебных приставов;
- результаты эмпирических исследований других авторов.

Апробация результатов исследования подтверждается количеством опубликованных материалов по заявленной теме диссертации: 8 работ, из которых 4 являются научными статьями, опубликованными в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных положений диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата или доктора юридических наук. Кроме того, отдельные теоретические выводы и практические рекомендации, полученные при проведении исследования, были представлены автором на всероссийских и международных научно-практических конференциях. Некоторые результаты исследования внедрены в практическую деятельность государственных органов законодательной и исполнительной власти.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном исследовании проблем назначения и исполнения штрафа как вида уголовного наказания с учетом изменившегося уголовного, уголовно-исполнительного законодательства и тенденций современной судебной практики, которое позволило автору определить новое место и роль штрафа в системе наказаний, сформулировать теоретически обоснованные направления оптимизации правовой регламентации штрафа, способные повысить эффективность его использования на практике. Положения, выносимые на защиту, обладают высокой степенью актуальности, оригинальны по своему содержанию, востребованы в теоретико-прикладном значении.

Представляется, что наиболее удачными, аргументированными и заслуживающими поддержки являются следующие авторские выводы:

– исключение слова «злостность» из норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части регламентации штрафа [ст. 46 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и ст. 32 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ)]. Таким образом подтверждается позиция законодателя о том, что неуплата штрафа в срок влечет за собой определенные негативные правовые последствия, независимо от причин такой неуплаты;

– закрепление в уголовном законе единых правовых последствий неуплаты штрафа. С опорой на зарубежный опыт автором обосновывается необходимость двухэтапного механизма реагирования на такую неуплату: 1) в случае неуплаты в установленный в приговоре срок – принудительное взыскание; 2) при невозможности взыскания – замена иным более строгим наказанием;

– иные авторские выводы и предложения, имеющие существенное значение для развития наук уголовного и уголовно-исполнительного права в части назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа.

Рассмотренные выше обстоятельства свидетельствуют о завершеном и самостоятельном исследовании Саид-Магомеда Рамзановича Симбагаева. Большинство предложений автора, безусловно, заслуживает одобрения и поддержки. Вместе с тем отметим, что отдельные положения работы представляются недостаточно проработанными, вызывают критическую оценку и могут стать основанием для дискуссии с автором.

Так, в заключении ретроспективного анализа штрафа как вида уголовного наказания [3, с. 17–37], определяемого источниками отечественного уголовного законодательства, соискатель, аргументируя репрессивную составляющую рассматриваемой меры государственного принуждения в сравнении с иными видами наказания, не связанными с лишением свободы, и, как следствие, необходимость изменения места штрафа в ст. 44 УК РФ, прибегает к опыту зарубежных стран [3, с. 37–38]. Представляется, что данное решение не в полной мере соответствует логике построения параграфа диссертационного исследования и требует авторского пояснения и (или) содержательного уточнения.

Кроме того, диссертант склонен анализировать штраф в качестве основного вида наказания, применяемого в отношении совершеннолетнего лица, при этом штраф, назначаемый несовершеннолетнему, порядок его исчисления, пределы, а также штраф как дополнительный вид наказания остаются без особого авторского внимания.

В целом разделяя точку зрения автора о репрессивной сущности штрафа наравне с другими видами наказаний, не связанными с лишением свободы, полагаем весьма смелой точку зрения соискателя об изменении построения системы наказаний (положение № 2, выносимое на защиту). Во-первых, данное решение свидетельствует о существующем нарушении правил законодательной техники при построении норм уголовного закона. Во-вторых, денежное взыскание за совершенное преступление, назначаемое с учетом имущественного положения осужденного и его семьи, а также возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода, вряд ли следует считать более серьезной карательной мерой государственного принуждения, чем привлечение осужденного к труду в рамках реализации обязательных или исправительных работ. В-третьих, полагаем, что автору необходимо дополнительно проработать вопрос о применении института замены наказаний при предложенной им системе. Исходя из позиции диссертанта, исключается возможность замены штрафа другими видами на-

казаний, кроме принудительных работ и лишения свободы, что, в свою очередь противоречит позиции законодателя.

При проведении сравнительного анализа штрафа-наказания с иными видами штрафов, регламентированными как УК РФ, так и источниками иных отраслей российской системы права, мы установили, что умозаключения автора являются дискуссионными. Так, по мнению соискателя, институт судебного штрафа учитывает интересы потерпевшего, тем самым и достигается цель восстановления социальной справедливости [3, с. 57]. Однако, учитывая позицию Верховного Суда РФ, следует отметить, что в настоящее время согласие (несогласие) потерпевшего на прекращение уголовного дела и освобождение лица от уголовной ответственности в порядке, установленном ст. 251 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), не имеет определяющего значения¹.

Кроме этого, диссертант склонен к отождествлению целей штрафа-наказания и судебного штрафа [3, с. 57]. Представляется, что освобождение от уголовной ответственности в целом и с назначением судебного штрафа в частности – это отказ государства в лице компетентных органов от официального порицания (осуждения) лица, совершившего преступление, выраженного в форме обвинительного приговора суда, что влечет за собой прекращение уголовно-правового отношения, возникшего вследствие совершения преступления. В связи с этим исправление осужденного вряд ли можно считать конечным результатом судебного штрафа.

Небезупречной, на наш взгляд, является авторская формулировка основания назначения штрафа как вида уголовного наказания: юридический факт в виде совершения правонарушения, характеризующегося более высокой общественной опасностью [3, с. 60]. Безусловно, речь идет о составах с административной преюдицией, однако данное положение является затруднительным для понимания без учета контекста диссертационного исследования.

В положениях № 1, 3–5, выносимых на защиту, соискатель предлагает отказаться от расчета штрафа в суммах, кратных предмету преступления. Данное решение является дискуссионным и требует авторского пояснения, так как противоречит основным положениям противодействия коррупции на территории РФ. Кроме того, могут возникнуть ситуации, в которых размер полученной взятки или коммерческого подкупа будут значительно превышать размер штрафа в абсолютном исчислении, а также в размере заработной платы за определенный период. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос об установлении предельно допустимого размера штрафа, исчисляемого в кратном размере и услышать мнение соискателя по этому поводу.

В положении № 8, выносимом на защиту диссертант обосновывает позицию по изменению ч. 5 ст. 72 УК РФ касательно исчисления сроков наказания и зачета наказаний. Так, соискатель предлагает установить следующее соотношение между штрафом и содержанием под стражей: штраф в размере 50 тыс. руб. равен 1 месяцу содержания под стражей. Заявленная сумма обусловлена среднемесячной заработной платой в России в 2021 году [3, с. 142].

Полагаем, что среднемесячный расчет заработной платы по России не может быть положен в основу соразмерности штрафа мере пресечения в виде заключения под

¹ См.: Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 762 УК РФ) // Официальный сайт Верховный Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 10.01.2023).

стражу, так как в этом случае необходимо учитывать статус лица (подозреваемый, обвиняемый), наличие у него работы на момент заключения под стражу, а также тяжесть совершенного им деяния. Более того, велика вероятность возникновения проблем теоретико-прикладного характера в случаях, когда сумма назначенного штрафа будет значительно меньше суммы, складывающейся или исчисляемой временем нахождения лица под стражей. Данный факт будет являться основанием истребования денежных средств в качестве компенсации у государства от осужденного к наказанию в виде штрафа.

Все высказанные замечания носят частный характер и не влияют на общую положительную оценку работы, отвечающей всем требованиям, предъявляемым к подобного рода исследованиям.

Диссертация содержит решения, представляющие интерес для науки российского уголовного и уголовно-исполнительного права, правотворчества и правоприменения. Работа отличается аргументированностью ряда основных положений, обоснованностью и практической значимостью некоторых рекомендаций, корректностью суждений по дискуссионным вопросам. Автореферат отражает основные положения диссертации. В опубликованных автором работах нашли свое отражение полученные в ходе исследования выводы и результаты. Изучив рукопись диссертационного исследования, автореферата и опубликованные работы, подтверждаем, что диссертация Саид-Магомеда Рамзановича Симбагаева «Штраф как вид уголовного наказания: проблемы законодательной регламентации и практики применения» написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку уголовного и уголовно-исполнительного права, в полной мере апробирована.

Таким образом, диссертация С. М. Р. Симбагаева является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задач, имеющих существенное значение для развития уголовного и уголовно-исполнительного права, соответствующего законодательства и практики его применения. Диссертационное исследование на тему «Штраф как вид уголовного наказания: проблемы законодательной регламентации и практики применения» в полной мере соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Список источников

1. Гукасян А. П. Основные детерминанты рецидивной преступности, обусловленные «кризисом» уголовного наказания, и пути их преодоления // *Общество и право.* 2010. № 3(30). С. 155–165.
2. Хилюта В. В. Наказание и уголовно-правовое воздействие: поиск оптимальной модели противодействия преступности // *Российский журнал правовых исследований.* 2019. № 3. С. 138–147.
3. Симбагаев С. М. Р. Штраф как вид уголовного наказания: проблемы законодательной регламентации и практики применения : дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2022. 236 с.
4. Мурашова А. В. Дифференциация штрафа в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2021. 231 с.

References

1. Ghukasyan, A. P. 2010, 'The main determinants of recidivism caused by the "crisis" of criminal punishment, and ways to overcome them', *Society and Law*, iss. 3(30), pp. 155–165.
2. Khilyuta, V. V. 2019, 'Punishment and criminal legal impact: the search for an optimal model of countering crime', *Russian Journal of Legal Research*, iss. 3, pp. 138–147.
3. Simbagaev, C. M. P. 2022, *Fine as a type of criminal punishment: problems of legislative regulation and practice of application: PhD thesis (Law)*, Grozny.
4. Murashova, A. V. 2021, *Differentiation of fines in criminal law: PhD thesis (Law)*, Kursk.

Информация об авторе

С. А. Корнеев – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права;

С. С. Захарова – кандидат юридических наук, доцент, доцент института по кафедре уголовного права.

Information about the author

S. A. Korneev – candidate of Legal Sciences, Lecturer of the Department of Criminal Law;

S. S. Zaharova – candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute at the Department of Criminal Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 20.07.2023.

The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 20.07.2023.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

Научная статья

УДК 343.81:34.07

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.332-338

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Сергей Владимирович Поникаров¹, Владимир Анатольевич Поникаров², Дмитрий Сергеевич Мельниченко³

^{1, 2, 3} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

^{1, 2} minrs@yandex.ru

³ melnichenkods@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме публично-правовой и уголовно-правовой классификации правоохранительной деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы, которые выполняют правоохранительные функции в сфере борьбы с преступностью. Приводится классификация правоохранительной деятельности подразделений пенитенциарного спецназа. Рассматривается публично-правовая деятельность подразделений спецназа при проведении спецоперации по пресечению захвата заложников, массовых беспорядков. Статья содержит рекомендации по применению оружия сотрудниками специального назначения уголовно-исполнительной системы в конкретных ситуациях. Кроме того, определены меры, направленные на совершенствование правоохранительной деятельности данных подразделений.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, правонарушения, меры безопасности, специальная операция, спецназ, осужденные, оружие

Для цитирования

Поникаров С. В., Поникаров В. А., Мельниченко Д. С. Некоторые аспекты публично-правовой и уголовно-правовой классификации правоохранительной деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 332–338. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.332-338.

© Поникаров С. В., Поникаров В. А., Мельниченко Д. С., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ADMINISTRATIVE PRACTICE

Original article

SOME ASPECTS OF THE PUBLIC LAW AND CRIMINAL LAW CLASSIFICATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF SPECIAL PURPOSE UNITS OF THE PENAL SYSTEM

Sergej Vladimirovich Ponikarov¹, Vladimir Anatol'evich Ponikarov², Dmitrij Sergeevich Mel'nichenko³

^{1, 2, 3} Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

^{1, 2} minrs@yandex.ru

³ melnichenkods@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of public law and criminal law classification of law enforcement activities of special purpose units of the penal enforcement system that perform law enforcement functions in the field of combating crime. The classification of law enforcement activities of the penitentiary special forces units is given. The article considers the public-legal activity of special forces units during a special operation to stop hostage-taking, mass riots. The article contains recommendations on the use of weapons by special purpose officers of the penal system in specific situations. In addition, measures aimed at improving the law enforcement activities of these units have been identified.

Keywords: law enforcement, offenses, security measures, special operation, special forces, convicts, weapons

For citation

Ponikarov, S. V., Ponikarov, V. A. & Mel'nichenko, D. S. 2023, 'Some aspects of the public law and criminal law classification of law enforcement activities of special purpose units of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1-4), iss. 3, pp. 332–338, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.332-338.

Роль подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы заключается в обеспечении безопасности учреждений и органов пенитенциарной системы России, а также в проведении различного рода режимных, надзорных и других правоохранительных мероприятий [1, с. 65–72]. При этом спецназовцы выполняют многие виды правоохранительной деятельности (от применения оружия до предотвращения и пресечения любых преступлений), например:

- пресечение преступлений на пенитенциарных объектах;
- ликвидация массовых беспорядков;
- устранение хулиганских противоправных действий;
- освобождение лиц, захваченных в качестве заложников;
- участие в специальных операциях.

Рассмотрим классификацию правоохранительной деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы. По системе и характеру предназначения все виды правоохранительной деятельности осуществляются:

- 1) подразделениями пенитенциарного спецназа;
- 2) ими же, но совместно с другими подразделениями уголовно-исполнительной системы;
- 3) отделами специального назначения с родственными (схожими) органами Федеральной службы войск национальной гвардии и МВД России.

В научной литературе специальным операциям посвящено достаточное количество публикаций. Особый интерес представляют работы таких авторов, как А. А. Жижко, А. А. Баев, С. А. Старостин, В. Г. Громов, И. Н. Нуштин. В них рассматривается конкретная тактика проведения спецопераций вне исправительных учреждений [2, с. 18]. Однако названные авторы не исследуют тактику деятельности отрядов специального назначения по пресечению чрезвычайных ситуаций в исправительных учреждениях.

Ликвидация массовых беспорядков, освобождение заложников и другие подобные действия следует охарактеризовать как специальные операции. Под организацией деятельности подразделений пенитенциарного спецназа в спецоперациях, проводимых в исправительных учреждениях, следует понимать: во-первых, последовательные, заранее продуманные и спланированные действия оперативно-тактических групп; во-вторых, совокупность вариантов, средств и приемов достижения намеченной цели. Каждая спецоперация отличается способами, приемами, методами, временем и местом ее проведения. Рассмотрим конкретную деятельность подразделений спецназа при пресечении захвата заложников в исправительном учреждении.

На организацию и тактику деятельности подразделений спецназа при проведении спецоперации по пресечению захвата заложников в исправительном учреждении влияет ряд условий: место проведения операции (санитарная часть, штрафной изолятор, общежитие, жилая или производственная зона); личность заложника (пол, возраст); количество заложников; личность преступника (пол, возраст, судимость, психическое состояние); количество преступников и их вооружение; требования, выдвигаемые преступниками; время и объем информации о местонахождении заложников и преступников; поведение родителей и родственников заложника (их готовность оказать помощь или, наоборот, препятствовать проводимым мероприятиям); время суток (день, ночь), погодные условия; подготовленность личного состава к решительным действиям в соответствии со сложившейся ситуацией и пр.

Личный анализ (один из авторов сам проходит службу в спецназе) перечисленных условий показывает, что операциям, связанным с пресечением захвата заложников, штурмом помещений или отдельных зданий, следует уделять самое пристальное внимание. При этом необходимо: 1) хорошо организовать штурм; дисциплина среди бойцов должна быть высокой; 2) тщательно продумать необходимость применения слезоточивого газа, его воздействие на окружающих; 3) во избежание перекрестного огня определить сектор обстрела; 4) экипировать бойцов оперативно-тактических групп в соответствующее снаряжение для выполнения поставленной задачи в зависимости от времени года, погоды, времени суток, отдаленности объекта штурма; 5) изучить планы (схемы) местности, объектов жилой и производственной зон: а) внутренние и внешние планы объектов – подходы к объекту и выходы из него; пожарные лестницы, вентиляционные шахты, расположение дверей, окон; подходы к объекту по крышам соседних зданий или через подвальные, канализационные сооружения; б) конструкции и особенности объекта: является ли он пуленепробиваемым; защищены ли окна решетками; имеется ли в здании (помещении) дневальный; как укреплена входная дверь, насколько сложна

система замка; в какую сторону открываются окна и двери; имеется ли сигнализация, место нахождения приборов для отключения всех видов коммунального снабжения; имеется ли телефонная связь, электричество, схема внутренних коммуникаций; в) наличие иных особенностей объекта: имеются ли собаки или другие животные; какова степень опасности для посторонних граждан, проживающих в зоне проведения операции и прилегающей к ней территории; какова возможная реакция средств массовой информации (СМИ) и граждан на деятельность спецназа.

Наряду с перечисленными условиями, влияющими на организацию и тактику деятельности спецназа уголовно-исполнительной системы, следует учитывать: а) к какой категории относятся преступники, какова их преступная деятельность в прошлом, были ли они судимы ранее и за какие преступления; б) есть ли сведения о том, что преступники нападали на сотрудников правоохранительных органов (являлись ли боевиками, террористами); в) имеются ли сведения о том, что преступники ранее применяли или носили при себе оружие; г) имеют ли они опыт применения взрывчатых и химических веществ. Очень важно также подготовить приспособления и снаряжение для спецопераций, в том числе: 1) аптечки для оказания первой медицинской помощи; 2) сигнальные или карманные фонари; 3) защитное снаряжение (бронежилеты, каски, защитные козырьки или очки, перчатки, противогазы).

Практика показывает, что захват заложников в исправительном учреждении является крайне опасным преступлением и требует высокой выучки от спецподразделений, проводящих спецоперацию. В связи с этим до выхода на исходные позиции групп боевого порядка руководитель операции должен лично проинструктировать группы захвата и прикрытия. Кроме того, необходимо проинструктировать группу, на которую возложено устранение препятствий для проникновения к преступникам, применение светошумовых гранат и слезоточивого газа.

Сотрудники этих групп должны уяснить главные задачи: 1) сохранить жизнь и здоровье заложников, освободить их от преступников; 2) задержать преступников с минимальным причинением им вреда, если вообще такое возможно; 3) обеспечить сохранность материальных ценностей; 4) не допустить потерь среди личного состава. Инструктаж нужно провести и с теми, кто будет находиться в засаде вблизи ворот, дорог, железнодорожных переездов, лесных участков, в других местах на возможных маршрутах следования преступников. При этом особое внимание обращается на координацию действий групп по слежению и контролю за передвижением преступников. На момент пресечения захвата заложников определяется численность групп блокирования, ведения переговоров, захвата, прикрытия и применения спецсредств, эвакуации, оцепления.

К сожалению, нормативные акты (например, Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»), регламентирующие деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, не отражают тактических аспектов, процедуры деятельности отрядов специального назначения (в том числе в специальной операции по пресечению захвата заложников). Как правило, в федеральных законах не указывается, каким образом следует проводить спецоперации. Следовательно, сотрудники спецназа нуждаются не только в планировании деятельности при чрезвычайных ситуациях, но и в документах, определяющих их организацию и тактику при проведении специальных операций в исправительных учреждениях [3, с. 28].

Отметим, что техника также должна быть защищена специальными приспособлениями, чтобы разъяренная толпа осужденных не могла взобраться на автомашины и бронетранспортер (БТР) и не воспрепятствовала их продвижению. Так, в следственном изоляторе (СИЗО) города Сухуми (август 1990 г.) при ликвидации массовых беспорядков осужденные взобрались на БТР и накрыли его одеялами, поэтому бронетранспортер не выполнил свою задачу, а проводимая спецоперация не дала сразу ощутимого результата. Чтобы подобное не происходило, целесообразно на автотранспорт прикреплять маскировочную сетку (в натяжном состоянии) либо другие приспособления, желательно при этом применять шумовые гранаты, стрельбу холостыми патронами.

Анализ спецопераций, деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы при пресечении массовых беспорядков говорит о том, что боевой порядок построения сил и средств отрабатывается заблаговременно на оперативно-тактических учениях совместно с другими специальными подразделениями из различных правоохранительных подразделений и органов. В этом заключается сущность деятельности данного правоохранительного органа в сфере борьбы с преступностью.

Таким образом, организация и тактика деятельности отрядов специального назначения уголовно-исполнительной системы в спецоперациях представляет собой последовательные, заранее спланированные действия оперативно-тактических групп, которые в результате исполнения совокупности вариантов средств и приемов достигают поставленные цели.

Самым важным аспектом деятельности рассматриваемых подразделений является применение оружия в рамках специальной операции. Интервьюирование практических сотрудников показало, при каких обстоятельствах допустимо применение оружия (всего опрошено 145 чел. из различных регионов и подразделений уголовно-исполнительной системы).

Обстоятельства, при которых возможно (допустимо) применение оружия :

- 1) при защите граждан от нападения, угрожающего их жизни или здоровью, если иначе их защитить нельзя – 56 чел. (38,19 %);
- 2) для отражения группового нападения на служебные и административные здания учреждений и органов пенитенциарной системы, а также при нападении и на иные важные объекты во время массовых беспорядков, сопровождающихся погромами, разрушениями, поджогами и другими подобными действиями – 13 чел. (9,03 %);
- 3) отражение нападения на специально охраняемые объекты (например, лесопилки, больницы для осужденных) – 29 чел. (20,14 %);
- 4) для отражения нападения преступника, когда жизнь работника уголовно-исполнительной системы подвергается непосредственной опасности – 3 чел. (2,29 %);
- 5) при нападении на конвой, если так атака не могла быть отражена иными мерами – 14 чел. (9,72 %).

Законодательство устанавливает возможность применения оружия прежде всего при защите граждан от нападения, угрожающего их жизни или здоровью. Например, сотруднику нанесены телесные повреждения (сломаны челюсть, нос, выбит глаз, получен удар острым предметом – ножом, отверткой или стамеской в живот и т. д.). Кроме того, сотрудники имеют право применять оружие, когда они стали очевидцами тяжких преступлений: убийство; бандитизм; разбой; изнасилование, если иначе нельзя предотвратить совершаемое. Так, правильно было применено оружие оперуполномоченным

колонии-поселения С. при защите жизни граждан, подвергшихся нападению со стороны группы граждан, вооруженных ножами и находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Все его попытки пресечь избиение граждан не увенчались успехом. В тот момент, когда хулиганы сбили С. с ног, он вынужден был прибегнуть к крайней мере и произвел предупредительный выстрел вверх, но правонарушители не прекратили избиение, и тогда он произвел прицельные выстрелы и ранил двух нападавших. Прокуратура признала применение оружия законным.

Во всех случаях, когда имеет место посягательство на жизнь или здоровье граждан, сотрудник уголовно-исполнительной системы обязан принять все меры для их защиты. Это в полной мере относится к случаям не только бандитских, разбойных и других нападений, но и так называемых бытовых преступлений, то есть совершаемых в домах, квартирах, общежитии из разбойных или хулиганских побуждений.

Для отражения нападения на учреждения и органы пенитенциарной системы законодательство предоставляет сотрудникам уголовно-исполнительной системы возможность применять оружие. Правомерным применение оружия при защите указанных объектов будет при условии, если имело место групповое нападение или оно совершилось во время массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами, разрушениями, поджогами и другими подобными действиями. Оружие может быть применено как при побеге осужденного из мест лишения свободы (тюрьмы, исправительной колонии), так и при побеге из места предварительного заключения – следственного изолятора, из зала суда, при этапировании под конвоем. Применение оружия является правомерным действием, если другими способами задержать преступника, совершившего побег из-под стражи, было невозможно. Если преступник уже задержан и при этом не оказывал вооруженного сопротивления, то применение оружия не допускается.

Подводя итог рассмотрению деятельности отрядов специального назначения уголовно-исполнительной системы предложим некоторые меры по ее совершенствованию: 1) необходимо правильно применять нормы, которые регламентируют деятельность подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы; 2) следует заранее планировать действия оперативно-тактических групп с учетом всех условий; 3) средства, приемы и методы должны использоваться для достижения поставленной задачи на основе реально складывающейся обстановки; 4) особое внимание требуется уделять тем условиям, которые возникают в процессе применения оружия и специальных средств.

Список источников

1. Поникаров В. А., Поникаров С. В. Эволюция публично-правового надзора за осужденными // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 3(46). С. 65–72.
2. Старостин С. А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях (правовые и организационные аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 32 с.
3. Шалыгин В. В. Организация и функционирование подразделений специального назначения // Вопросы организации управления. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2011. С. 28.

References

1. Ponikarov, V. A. & Ponikarov, S. V. 2022, 'Evolution of public-legal supervision of convicts', *Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, iss 3(46), pp. 65–72.

2. Starostin, S. A. 2000, *Management of Internal affairs bodies in emergency situations (legal and organizational aspects): PhD thesis (Law)*, Moscow.

3. Shalygin, V. V. 2011, 'Organization and functioning of special purpose units', in *Questions of Management Organization*, p. 28, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa.

Информация об авторах

С. В. Поникаров – преподаватель кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе;

В. А. Поникаров – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права;

Д. С. Мельниченко – старший преподаватель кафедры огневой подготовки.

Information about the author

S. V. Ponikarov – lecturer of the Department of Regime Organization and Supervision in the penal system;

V. A. Ponikarov – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Financial Law;

D. S. Mel'nichenko – senior lecturer of the Department of fire training.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 22.06.2023; принята к публикации 20.07.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 22.06.2023; accepted for publication 20.07.2023.

Научная статья

УДК 343.911:343.81

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.339-351

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Евгений Викторович Кокорев¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, evg.kokoreff2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8586-0274>

Аннотация. В статье затрагивается проблема выявления и раскрытия преступлений прошлых лет, установления лиц, виновных в их совершении, которая не теряет своей актуальности с конца 60-х годов XX века. Ежегодный рост числа нераскрытых преступных деяний не придает уверенности обществу в способности государства обеспечить его безопасность, способствует снижению уровня правопослушного поведения, развитию чувства безнаказанности как у лиц, уже совершивших преступление, так и у обычных граждан. Оперативные подразделения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, являясь полноправными субъектами осуществления оперативно-розыскной деятельности, активно вовлечены в процесс выявления и раскрытия данных преступлений. Правовая регламентация такой работы оказывает непосредственное влияние на итоговый результат. В статье особое внимание уделяется значению правовой основы как фундаментальной (базовой) составляющей всего процесса правового регулирования деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет. В ходе проведенного исследования автором были успешно использованы как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение), так и частнонаучные методы. Основой стал сравнительно-правовой метод, который активно применялся при изучении нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы выявления и раскрытия преступлений прошлых лет в местах лишения свободы. Анализ и обобщение изученного материала позволило сформулировать ряд выводов, включающих в себя конкретные предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовая основа, преступления прошлых лет, оперативные подразделения, уголовно-исполнительная система

Для цитирования

Кокорев Е. В. Особенности правовой регламентации деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по выявлению и рас-

© Кокорев Е. В., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

крытие преступлений прошлых лет // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 339–351. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.339-351.

Original article

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF OPERATIONAL UNITS OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM FOR THE DETECTION AND DISCLOSURE OF CRIMES OF THE PAST YEARS

¹ Evgenij Viktorovich Kokorev

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, evg.kokoreff2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8586-0274>

Abstract. The article touches upon the problem of identifying and solving crimes of the past years, identifying the persons responsible for their commission, which has not lost its relevance since the late 60s of the twentieth century. The annual increase in the number of unsolved criminal acts does not give confidence to society in the ability of the state to ensure its security, contributes to a decrease in the level of law-abiding behavior, the development of a sense of impunity for both persons who have already committed a crime and ordinary citizens. Operational units of institutions and bodies of the penal enforcement system, being full-fledged subjects of operational investigative activities, are actively involved in the process of identifying and disclosing these crimes. The legal regulation of such work has a direct impact on the final result. The article pays special attention to the importance of the legal framework as a fundamental (basic) component of the entire process of legal regulation of the activities of operational units of the penal enforcement system for the identification and disclosure of crimes of the past years. In the course of the research, the author successfully used both general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison) and special (private scientific) methods. The basis was the comparative legal method, which was actively used in the study of regulatory legal acts regulating the identification and disclosure of crimes of previous years in places of deprivation of liberty. The analysis and generalization of the studied material allowed us to formulate a number of conclusions, including specific proposals for improving legislation in this area.

Keywords: legal regulation, legal basis, crimes of the past, operational units, penal enforcement system

For citation

Kokorev, E. V. 2023, 'Features of the legal regulation of the activities of operational units of the penal enforcement system for the detection and disclosure of crimes of the past years, *Man: crime and punishment*, vol. 31(1-4), iss. 3, pp. 339–351, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.339-351.

Одним из существенных условий, влияющих на эффективность работы оперативных подразделений по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет, является правовая регламентация такой деятельности. Правовое регулирование всегда способствова-

ло обеспечению законности и соблюдению правопорядка в государстве, упорядочивая различные общественные отношения посредством установления нормативно-властных предписаний (правовых норм). Система норм, содержащихся в нормативных правовых актах, которые регламентируют деятельность оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС), оказывает целенаправленное воздействие на весь процесс раскрытия таких преступлений. В свою очередь, пренебрежение правовыми нормами может привести к необоснованности и несвоевременности принятия тех или иных организационных (управленческих) или тактических решений, негативно отразиться на итоговых результатах данной деятельности.

Значение нормативного закрепления полномочий, сил, средств и методов осуществления специальными субъектами оперативно-розыскной деятельности (ОРД) при установлении фактов совершения ранее не известных (латентных) преступлений, изобличение виновных лиц и привлечение их к ответственности, определение мест хранения похищенного, восстановление нарушенных прав граждан трудно переоценить. Особенно, когда речь идет об исправительных учреждениях. Раскрытие преступлений прошлых лет, к которым причастны лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, принципиально отличается от аналогичной деятельности в отношении обычных граждан. Оно производится на ограниченной территории, среди криминогенно зараженных лиц, оказывающих постоянное противодействие оперативным подразделениям. Время такой работы ограничено не только давностью привлечения к уголовной ответственности, но и сроком их нахождения в исправительном учреждении. В таких условиях строгое соблюдение сотрудниками оперативных подразделений норм действующего законодательства во многом определяет дальнейшие перспективы использования результатов ОРД в следственной и судебной практике.

Основой законодательного регулирования ОРД послужили материалы проведенных научных исследований В. Г. Боброва, В. Т. Вербового, Д. В. Гребельского, И. М. Гуткина, И. И. Карпеца, Л. Н. Калининича, И. А. Климова, А. Г. Лекаря, В. А. Лукашова, В. В. Сергеева, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова и других авторов. В этих трудах были сформулированы фундаментальные положения, касающиеся определения сущности и правовой основы названной деятельности, которые нашли свое отражение в дальнейших исследованиях видных ученых. Рассмотрим различные подходы к понятию правовых основ ОРД более подробно.

В. Г. Бобров, В. А. Лукашов, С. А. Смирнов отмечают, что правовая основа представляет собой взаимосвязанную систему норм, посредством которых обеспечивается регламентация правовых, организационно-структурных, функциональных и оперативно-тактических вопросов применения сил, средств и методов ОРД в борьбе с преступностью, а также порядок контроля над обоснованностью их исполнения. К. К. Горяинов к правовой основе ОРД относил совокупность законодательных и иных нормативных актов, на которых она базируется [1, с. 41]. С. С. Галахов пришел к выводу о том, что правовая основа составляет фундаментальную, базовую часть всего механизма правового регулирования ОРД [2, с. 69]. Д. В. Гребельский правовые основы ОРД рассматривал в широком и узком смыслах. В широком – это система официальных норм и правил, которые регламентируют различным образом деятельность оперативных подразделений. В узком – система предписаний, непосредственно регулирующих организацию и тактику ОРД. В. М. Аتماжитов считает, что правовую основу ОРД составляет система правовых норм, содержащихся в нормативных правовых актах, которые создают определенные предпосылки (условия) либо напрямую регламентируют порядок осуществления специальных организационных

мер и оперативно-розыскных действий [3, с. 19]. С. А. Бажнов, в целом разделяя взгляды В. М. Аتماжитова, отмечает, что границы государственно-властного вмешательства в общественные отношения, возникающие в связи с преступным поведением граждан, очерчивают пределы правового регулирования ОРД. С. В. Назаров говорит о том, что правовая основа ОРД представляет собой важнейшую часть всего процесса правового регулирования, которая создает необходимые условия для регламентации общественных отношений между государством и гражданами в связи с необходимостью защиты прав и интересов личности, общества и государства от преступных посягательств.

Перечисленные авторские позиции находят свое отражение в выводах, сделанных А. Ю. Шумиловым о том, что «правовая основа ОРД, представляя собой совокупность основных законодательных и иных нормативных правовых актов, является базовой, фундаментальной частью правового регулирования возникающих в ней общественных отношений» [4, с. 40–41]. Высказанное мнение подтверждается сложившимся в отечественной теории ОРД устойчивым пониманием правовой основы как совокупности законодательных и иных нормативных правовых актов, имеющих многоуровневую структуру [5, с. 52].

Нормативные правовые акты, регулирующие правоотношения в данной сфере, обладают различной юридической силой, поэтому видится закономерным их разделение на несколько уровней. Нормы, содержащиеся в них, имеют как непосредственное, так и опосредованное отношение к процессу выявления и раскрытия преступлений прошлых лет оперативными подразделениями УИС. Эффективность такой деятельности напрямую связана с внешним оформлением их полномочий, функций и задач в нормативных правовых актах. В настоящее время существует достаточно широкий круг правовых источников, затрагивающих различные сферы правоотношений, в том числе оперативно-розыскные. Изучение, анализ, выделение и обобщение отдельных норм и положений различных отраслей законодательства поможет наиболее правильно выстроить работу оперативных подразделений учреждений и органов УИС, определить эффективные пути решения организационных и тактических вопросов, возникающих в ходе выявления и раскрытия преступлений прошлых лет в местах лишения свободы, будет способствовать развитию нормативно-правового регулирования, обеспечению законности и легитимности при осуществлении ОРД.

Если обратиться к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Федеральный закон «Об ОРД»), то согласно его ст. 4 правовую основу ОРД составляют: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «Об ОРД» и другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, а также нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). В соответствии с данными положениями, мы можем выделить три основных уровня правового регулирования ОРД в УИС:

- 1) конституционный (Конституция РФ, федеральные конституционные законы);
- 2) федеральный [федеральные законы, подзаконные нормативно-правовые акты (указы и распоряжения Президента РФ, постановления Правительства РФ)];
- 3) ведомственный (акты федеральных органов исполнительной власти, в том числе закрытого характера).

Отдельно необходимо затронуть международно-правовое регулирование ОРД. Как мы видим, международные правовые акты напрямую в правовую основу ОРД не входят, но занимают особое место в вопросах осуществления правоохранительной деятель-

ности. В соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Согласно п. 6 ст. 7 Федерального закона «Об ОРД» одним из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) являются запросы международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами РФ, а п. 3 ст. 14 предусматривает обязанность оперативно-розыскных органов выполнять данные запросы.

В качестве примера можно привести следующие наиболее значимые, на наш взгляд, международные правовые акты, которые имеют отношение к вопросам выявления и раскрытия преступлений, в том числе совершенных в прошлые годы и оставшихся нераскрытыми:

– Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., которая провозгласила право любого человека на защиту от произвольного вмешательства в его личную и семейную жизнь, посягательств на неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции, честь и репутацию (ст. 12);

– Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам, принятая Советом Европы 20 апреля 1959 г., закрепила необходимость безусловного выполнения странами-участницами судебных поручений по уголовным делам и оказание необходимой правовой помощи;

– Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 г., устанавливает прямой запрет на незаконное вмешательство в личную жизнь человека (ст. 17);

– Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная странами – участницами СНГ в г. Минске 22 января 1993 г., в соответствии с которой заинтересованные стороны обязаны оказывать друг другу правовую помощь путем выполнения процессуальных и иных действий. В рамках данного документа был также четко определен порядок оказания такой помощи и рассмотрен ряд вопросов, касающихся формы и содержания поручений;

– Конвенция против транснациональной организованной преступности, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 15 ноября 2000 г., предусматривающая широкую взаимную помощь государств-участников в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве в связи с совершенными преступлениями (ст. 18);

– Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств – членов ШОС (Шанхайской организации сотрудничества) в борьбе с преступностью, подписанное в г. Ташкенте 11 июня 2010 г., согласно которому стороны сотрудничают в предупреждении, пресечении, выявлении и раскрытии преступлений по направлениям, указанным в ст. 1 и ст. 3 соглашения;

– постановление Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности № 8-14 от 26 ноября 2015 г., утвердившей рекомендации по сближению и гармонизации законов государств-членов. Одной из основных идей данного документа является создание такой системы законодательного и нормативного правового регулирования ОРД, которая будет отражать общие принципы и ценности, признаваемые всеми участниками организации, а также обеспечит эффективное взаимовыгодное сотрудничество в сфере оперативно-розыскного противодействия преступности и иным угрозам.

Не вдаваясь в детали содержания данных международных документов, можно сделать вывод о том, что в большинстве своем они носят универсальный характер, предусматривают целый комплекс эффективных взаимовыгодных мер: обмен информацией, исполнение запросов, оказание практической помощи, проведение совместных учений, научных исследований и пр. Международные правовые акты занимают особое место в российской правовой системе, оказывая непосредственное влияние на состояние правопорядка как в нашей стране, так и во всем мире.

Переходя непосредственно к рассмотрению национальных законодательных основ, регламентирующих осуществление ОРД, начнем с Конституции РФ – особого нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой. Это Основной Закон государства, который провозглашает и закрепляет права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Непосредственно не регламентируя ОРД, Конституция РФ содержит основополагающие, принципиальные положения, имеющие непосредственное отношение к защите прав и интересов граждан от преступных посягательств, имеет первостепенное значение в правовом регулировании процесса выявления и раскрытия преступлений прошлых лет. Такое ее значение определено рядом содержащихся в ней положений.

Во-первых, ОРД основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации (ст. 2, 15), а права и свободы человека и гражданина (ст. 17–64) признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ. При этом не должны нарушаться права и свободы других лиц. Все равны перед законом и судом (ст. 19). Данными положениями непосредственно обеспечивается охрана прав и свобод граждан от преступных посягательств. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены на основании судебного решения (ст. 23, 25) или федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 25, ч. 3 ст. 55), в частности, при проведении некоторых ОРМ [6, с. 42–47].

Во-вторых, нормы Конституции РФ способствуют развитию целого комплекса мер борьбы с преступностью, создают предпосылки для реализации принципа неотвратимости наказания, в том числе с помощью оперативно-розыскных подразделений. Гарантируется государственная и судебная защита прав и свобод граждан (ст. 45, 46). Права потерпевших от преступных посягательств и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство должно обеспечить потерпевшим доступ к правосудию и возмещение причиненного вреда (ст. 52, 53).

В-третьих, Конституция РФ создает предпосылки для издания органами государственной власти законодательных актов, регламентирующих правоохранительную деятельность (ст. 76, 90, 104, 105, 115). При этом определяются полномочия государственных органов в сфере противодействия преступности, в частности Правительства РФ, которое осуществляет необходимые меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка (ст. 114). Применительно к УИС данные меры осуществляются непосредственно ФСИН России, которая совместно с другими субъектами ОРД издает в соответствии с Конституцией РФ специальные нормативно-правовые акты.

Основополагающим нормативным правовым актом, регламентирующим осуществление ОРД, является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», который определяет содержание ОРД, осуществляемой на территории Российской Федерации, и закрепляет систему гарантий законности при проведении ОРМ. К органам, осуществляющим ОРД, непосредственно относится ФСИН России, в лице своих оперативных подразделений (ст. 13). При этом они решают определенные Федеральным законом «Об ОРД» задачи, одной из которых является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 2).

При решении поставленных задач на оперативные подразделения возлагаются определенные обязанности (ст. 14 Федерального закона «Об ОРД»): защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также обеспечение безопасности общества и государства; исполнение в пределах своих полномочий поручений в письменной форме дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, а также запросов международных правоохранительных организаций; информирование органов, осуществляющих ОРД, о ставших им известными фактах противоправной деятельности и оказание этим органам необходимой помощи. В таком виде данная статья оставляет без внимания другие правоохранительные органы, которые ОРД не осуществляют, но имеют прямое отношение к борьбе с преступностью (органы прокуратуры, следственного комитета, суды). В связи с этим ч. 4 ст. 14 Федерального закона «Об ОРД» следует дополнить следующим положением: *«информировать правоохранительные органы, в том числе осуществляющие оперативно-розыскную деятельность на территории Российской Федерации, о ставших им известными фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции этих органов, и оказывать этим органам необходимую помощь»*. Это позволит активизировать информационные потоки по вопросам выявления и раскрытия преступлений прошлых лет, в том числе с участием оперативных подразделений учреждений и органов УИС.

Анализ перечисленных норм позволяет сделать вывод о том, что оперативные подразделения учреждений и органов УИС непосредственно вовлечены в процесс выявления и раскрытия преступлений, в том числе прошлых лет. Основываясь на положениях Федерального закона «Об ОРД», они выстраивают свою работу в строгом соответствии с действующим законодательством РФ.

Нормы уголовного права, очерчивая сферу действия субъектов ОРД, всегда вызывали определенный интерес. Связь уголовного права и ОРД рассматривали в своих работах М. П. Карпушин, А. Г. Лекарь, Г. К. Синилов и др. Из современных авторов значительный вклад в развитие уголовно-правового обеспечения ОРД внес Г. С. Шкабин [7, 8].

К законодательным уголовно-правовым актам, регулирующим основные группы общественных отношений, возникающих в ОРД относится Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), который определяет материальные признаки, понятие и категории преступлений, на выявление, предупреждение и раскрытие которых направлена ОРД (ст. 8, 14, 15), устанавливает сроки давности освобождения от уголовной ответственности в зависимости от категории совершенного деяния, а также предусматривает приостановление таких сроков, если лицо, уклоняется от следствия или суда (ст. 78), содержит нормы, касающиеся институтов крайней необходимости (ст. 39) и обоснованного риска (ст. 41), которые используются при проведении некоторых ОРМ (оперативный эксперимент, проверочная закупка, оперативное внедрение, контролируруемая поставка), указывает на об-

стоятельства, смягчающие наказание, в частности, на явку с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличение других соучастников преступления, розыск имущества, добытого в результате преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61), назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ч. 1 ст. 64), а также предусматривает в ряде случаев полное освобождение от уголовной ответственности (ст. 75). Кроме этого, УК РФ устанавливает ряд уголовно-правовых запретов, которые выступают гарантией соблюдения законности при осуществлении ОРД (ст. 137, 138, 138.1, 139, 283, 285, 286, 293, 299, 303, 310 и др.). Таким образом, несмотря на то что нормы уголовного права напрямую не регулируют оперативно-розыскные отношения, они непосредственно определяют существенные ориентирующие направления ОРД, влияют на выбор проведения конкретных ОРМ, их содержание, выступают гарантом соблюдения оперативно-розыскными органами требований действующего законодательства.

Деятельность оперативных подразделений учреждений и органов УИС по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет неразрывно связана с осуществлением уголовного судопроизводства. Именно результаты ОРД в большинстве случаев способствуют выявлению таких преступных деяний, становятся основой проведения следственных действий, а конкретные нормы уголовно-процессуального законодательства, оказывают влияние на организацию и осуществление ОРМ по документированию преступной деятельности. Без оперативно-розыскной составляющей невозможно представить себе успешную работу по раскрытию преступлений прошлых лет, привлечению виновных лиц к уголовной ответственности.

Изучение норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) показывает, что некоторые из них содержат положения, имеющие прямое или косвенное отношение к ОРД. В частности, одним из основных терминов, используемым в УПК РФ, является понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» – это сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда (п. 36.1 ст. 5). В свою очередь, положения ст. 11 Федерального закона «Об ОРД» указывают на возможность представления результатов ОРД в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также их использования для подготовки и осуществления следственных и судебных действий и в доказывании по уголовным делам.

Статьи 12, 13 УПК РФ гарантируют защиту прав граждан на неприкосновенность жилища, соблюдение тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Проведение данных мероприятий возможно только на основании судебного решения. Данные нормы коррелируются с положениями ст. 5 Федерального закона «Об ОРД», которая концентрирует внимание на соблюдении прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД.

Статьи 37, 38, 41 УПК РФ наделяют полномочиями прокурора, следователя и дознавателя выдавать письменные поручения и указания о проведении ОРМ и отдельных следственных действий органу дознания.

Статья 73 УПК РФ устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (событие преступления, время, место, способ и другие обстоятельства его совершения, виновность конкретного лица, характер и размер причиненного вреда, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание и др.), информация о которых преимущественно собирается оперативными подразделениями. При этом результаты

ОРД могут использоваться в доказывании по уголовному делу и относятся к категории «иные документы» (п. 6 ч. 3 ст. 74 УПК РФ). Они содержат в себе сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации.

Статья 208 УПК РФ устанавливает основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия в случаях, когда:

- лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено;
- подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам;
- место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует;
- временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях.

Приостановив предварительное следствие, следователь продолжает работу, принимая меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, его места нахождения, без проведения следственных действий (ст. 209 УПК РФ). В такой деятельности оперативные подразделения должны стать важным связующим звеном и в тесном взаимодействии решать поставленные задачи, обеспечивая возможность комплексного использования полученных сведений в процессе досудебного и судебного производства по конкретному уголовному делу.

Статья 84 УИК РФ определяет задачи ОРД в исправительных учреждениях, одной из которых является содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение. Несмотря на то что в дефиниции статьи данная задача фактически стоит на последнем месте, ее значение трудно переоценить. Эффективность деятельности оперативных подразделений учреждений и органов УИС по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет непосредственно влияет на общий уровень законности и правопорядка в стране, способствует предупреждению совершения новых преступлений, восстановлению нарушенных прав, таким образом, выполняя функцию общей превенции. В свое время А. К. Гаврилов отметил, что преступники, оставаясь неразоблаченными, не попадают под влияние исправительно-трудового (или общественного) воздействия, а это существенно увеличивает вероятность рецидива с их стороны. Сам факт раскрытия действует как предостерегающий сигнал для всех неустойчивых граждан. Если бы раскрывалось каждое совершенное преступление, то общее дело профилактики значительно выиграло бы [9, с. 8–9].

На наш взгляд, ст. 84 УИК РФ нуждается в определенной корректировке в части, касающейся деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение. При буквальном толковании данной нормы сотрудники оперативных подразделений учреждений и органов УИС не проявляют инициативы в этом направлении деятельности. Слово «содействие» сбивает с толку и ориентирует преимущественно на работу по предоставлению ответов на различные запросы, поручения органов внутренних дел и Следственного комитета РФ, которые в большинстве своем носят характер отписок и не несут в себе оперативно-значимой информации, которая может помочь в изобличении преступников. Кроме того, сами осужденные могут быть не причастны к совершению нераскрытых преступлений прошлых лет, но обладать ценными сведениями о виновных лицах. Далеко не

всегда оперативные сотрудники учитывают данную особенность в своей работе. В силу этого формулировку задачи ОРД по оказанию содействия в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение, указанной в ч. 1 ст. 84 УИК РФ, необходимо изменить. На наш взгляд, наиболее оптимальным будет ее следующее изложение: *«Выявление и раскрытие преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение, установление информации об иных лицах, которые могут быть причастны к их совершению, а также оказание необходимой помощи в данной деятельности правоохранительным органам»*. Это позволит в большей степени сосредоточить собственные усилия оперативных сотрудников на решении поставленной задачи, а не ждать получения ориентирующей информации от коллег из других правоохранительных органов.

Ряд законов и подзаконных нормативных правовых актов также определенным образом затрагивают вопросы осуществления деятельности оперативных подразделений учреждений и органов УИС по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет:

– Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» закрепляет за учреждениями УИС право в пределах своей компетенции осуществлять ОРД и оказывать содействие другим оперативным службам в выявлении и раскрытии преступлений (ст. 13, 14);

– Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» регулирует порядок и определяет условия содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, устанавливает гарантии соблюдения их прав и законных интересов. В местах содержания под стражей предусмотрена также возможность проведения ОРМ в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений;

– Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» предусматривает обязательную дактилоскопическую регистрацию граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, которые являются подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными по уголовным делам, а также лиц, подвергнутых административному аресту (ст. 9). Органы УИС проводят дактилоскопическую регистрацию осужденных (ст. 11). Полученная дактилоскопическая информация направляется в органы внутренних дел. Доступ к такой информации также имеют оперативные подразделения учреждений и органов УИС (ст. 14);

– Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», согласно пп. 1, 3 ч. 1 ст. 7 которого обязательной геномной регистрации подлежат лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений; лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений. Целями получения и использования геномной информации являются предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, а также выявление и установление лиц, их совершивших (п. 1 ч. 2 ст. 14). Нередко преступники оставляют на месте совершения преступлений различные биологические следы. Такая регистрация и дальнейшая их проверка по федеральной базе геномной информации помогают находить преступников среди лиц, которые уже отбывают наказание в виде лишения свободы за совершение других преступлений, раскрывать преступления спустя долгие годы. Сравнение генетических профилей, содержащихся в базе, с образцами биологических материалов, изъятых с места происшествия, позволяет использовать

результаты проведенных молекулярно-генетических экспертиз в качестве доказательств по уголовным делам.

Более подробно рассматривает порядок проведения обязательной государственной геномной регистрации в местах лишения свободы постановление Правительства РФ от 24 июня 2023 г. № 1027 «О некоторых вопросах реализации Федерального закона О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (вместе с «Положением о проведении государственной геномной регистрации»). Основанием для проведения соответствующей процедуры в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, является вступивший в законную силу приговор, на основании которого физическое лицо признано виновным в совершении преступления и направлено для отбывания наказания в учреждение, исполняющее уголовные наказания (п. «а» ст. 4 Положения). Обязанность по проверке таких лиц, получению биологического материала и его направлению в экспертно-криминалистическое подразделение органов внутренних дел ложится на руководителя исправительного учреждения (ст. 9 Положения).

Нередко бывает так, что некоторые осужденные проходят обязательную геномную регистрацию за несколько месяцев, недель, а то и дней до освобождения. Кто-то вообще не успевает ее пройти. Это происходит в силу различных причин: халатность сотрудников, отсутствие необходимых наборов, информационных карт, реагентов, высокая стоимость данной процедуры, перевод в другое исправительное учреждение, условно-досрочное освобождение и пр. Для того чтобы исключить подобные случаи, необходимо установить конкретный срок, в течение которого лица, прибывшие в исправительное учреждение, должны пройти обязательную государственную геномную регистрацию. В связи с этим мы предлагаем внести изменения в п. «б» ст. 9 настоящего Положения и изложить его в следующей редакции: «получение биологического материала от лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений, с соблюдением мер по удостоверению личности в срок, не превышающий шести месяцев с момента их прибытия в исправительное учреждение». Установление конкретного срока прохождения осужденными обязательной государственной геномной регистрации поможет в дальнейшем избежать дополнительных трудностей в определении местонахождения лиц, чья причастность к каким-либо преступлениям будет установлена уже после их освобождения из мест лишения свободы;

– Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314. ФСИН России организует осуществляемую учреждениями уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскную деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7). Директор ФСИН России определяет нормы и порядок расходования финансовых средств на проведение мероприятий, связанных с осуществлением оперативно-розыскной деятельности (ст. 11);

– приказ Минюста России от 1 апреля 2015 г. № 77 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Федеральной службы исполнения наказаний», согласно которому территориальный орган самостоятельно осуществляет и организует в подведомственных учреждениях оперативно-розыскную деятельность (ст. 15);

– распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года». В целях эффективного функционирования учреждений и органов УИС и обеспечения безопасности их деятельности предполагается повышение эффективности осуществления оперативно-розыскной деятельности (разд. 17).

Составляя федеральный уровень правового регулирования ОРД в УИС, перечисленные нормативные правовые акты не затрагивают в полной мере вопросы, касающиеся организации и тактики проведения конкретных оперативно-розыскных и иных мероприятий в местах лишения свободы, в том числе, направленных на выявление и раскрытие преступлений прошлых лет. Это прерогатива документов с соответствующими грифами, которые в открытой печати не публикуются. Они и образуют ведомственный уровень. Он включает в себя разнообразные нормативные правовые акты ведомственного и межведомственного характера. В настоящее время подавляющее большинство из них носят строго «закрытый» характер, так как содержащиеся в них сведения относятся к государственной тайне. Издание таких актов позволяет более детально регламентировать конкретные аспекты оперативно-розыскных правоотношений, возникающих в ходе деятельности оперативных подразделений, в том числе при выявлении и раскрытии преступлений прошлых лет. При этом их содержание должно полностью соответствовать требованиям Конституции РФ и федерального законодательства. Данные нормативные правовые акты, хотя и относятся к ведомственному уровню правового регулирования, фактически имеют первостепенное значение для организации и тактики деятельности оперативных подразделений учреждений и органов УИС. Очевидно, что многие из них требуют существенной доработки и внесения изменений в отдельные положения. Но это предмет отдельных научных изысканий в соответствующих источниках.

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время в теории ОРД сложилось устойчивое понимание правовой основы как совокупности законодательных и иных нормативных правовых актов, являющейся базовой, фундаментальной частью всего механизма правового регулирования.
2. Выделяются следующие основные уровни правового регулирования ОРД в УИС: конституционный, федеральный, ведомственный. Кроме того, отдельное место отводится положениям международных правовых актов, которые напрямую в правовую основу ОРД не входят.
3. Дальнейшее изучение правовой основы деятельности оперативных подразделений учреждений и органов УИС по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет позволит определить наиболее эффективные пути ее дальнейшего совершенствования, максимально использовать имеющиеся возможности оперативно-розыскных сил, средств и методов для решения поставленных задач, а также своевременно корректировать применяемые правовые нормы в соответствии со складывающейся обстановкой.

Список источников

1. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2012. 690 с.
2. Галахов С. С., Галахова А. В., Берсанов Ш. Р. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности в сфере предупреждения преступлений: конституционные и уголовно-правовые источники // Научный портал МВД России. 2009. № 1. С. 67–74.
3. Парфенов А. В., Аتماжитов В. М., Лапунова Ю. А., Ханнанов Р. Р. Правовые основы организации оперативно-розыскной деятельности : курс лекций. М. : Академия управления МВД России, 2021. 104 с.
4. Шумилов А. Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». 7-е изд., перераб. и доп. М. : ИП И. И. Шумилова, 2007. 375 с.
5. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2020. 762 с.

6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). М. : Проспект, 2021. 128 с.

7. Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 409 с.

8. Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения : монография. М. : Юриспруденция, 2018. 272 с.

9. Гаврилов А. К. Раскрытие преступлений на предварительном следствии (правовые и организационные вопросы). Волгоград, 1976. 208 с.

References

1. Goryainov K. K., Ovchinsky, V. S. & Sinilov, G. K. (eds) 2012, *Theory of operational investigative activity: textbook*, 2nd edn, INFRA-M, Moscow.

2. Galakhov, S. S., Galakhova, A. V. & Bersanov, S. R. 2009, 'The legal basis of operational investigative activities in the field of crime prevention: constitutional and criminal law sources', *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1, pp. 67–74.

3. Parfenov, A. V., Atmazhitov, V. M., Lapunova, Yu. A. & Hannanov, R. R. 2021, *Legal foundations of the organization of operational investigative activities: a course of lectures*, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.

4. Shumilov, A. Yu. 2007, *Commentary on the Federal Law "On Operational Investigative Activities"*, 7th edn, IP I. I. Shumilova, Moscow.

5. Goryainov K. K., Ovchinsky, V. S. & Sinilov, G. K. (eds) 2020, *Theory of operational investigative activity: textbook*, 4th edn, INFRA-M, Moscow.

6. *Scientific and practical commentary on the Federal Law "On Operational Investigative Activities" (article-by-article)* 2021, Prospect, Moscow.

7. Shkabin, G. S. 2018, *Criminal law support of operational investigative activities: theoretical, applied and legislative aspects: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.

8. Shkabin, G. S. 2018, *Criminal law support of operational implementation: monograph, Jurisprudence*, Moscow.

9. Gavrilov, A. K. 1976, *Disclosure of crimes during the preliminary investigation (legal and organizational issues)*, Volgograd.

Информация об авторе

Е. В. Кокорев – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права

Information about the author

E. V. Kokorev – adjunct of the Faculty of training of scientific and pedagogical personnel.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 16.12.2022; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 20.07.2023.

The article was submitted 16.12.2022; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 20.07.2023.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Научная статья

УДК 343.272(575.3)

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.352-360

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА В КОНСТИТУЦИИ И УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Сергей Михайлович Воробьев¹, Зафар Хайрулло Зокирзода², Фаридун Алмашоевич Бобохонов³

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, sergey.vorobev.78@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0734-7456>

^{2,3} Педагогический институт Таджикистана в Раштском районе, г. Гарм, Раштский район, Таджикистан

² zafar.khayrullozoda@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5787-5061>

³ farodil_ff@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5414-054X>

Аннотация. В статье освещен проведенный авторами сравнительно-правовой анализ норм Конституции и Уголовного кодекса Республики Таджикистан о конфискации имущества и в результате определено их соотношение. Установлено, что конфискация имущества считается одним из видов уголовного наказания и восходит к Конституции Республики Таджикистан. Уголовный кодекс Республики Таджикистан содержит обширную регламентацию наказания в виде конфискации имущества.

Ключевые слова: наказание, конфискация, имущество, сравнительно-правовой анализ, конституция, уголовный кодекс

Для цитирования

Воробьев С. М., Зокирзода З. Х., Бобохонов Ф. А. Конфискация имущества в Конституции и Уголовном кодексе Республики Таджикистан: сравнительно-правовой анализ // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 352–360. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.352-360.

ABROAD

Original article

CONFISCATION IS A RECOGNITION IN THE CONSTITUTION AND THE LEGAL CODE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: FAIR-CORRECT ANALYSIS

Sergej Mihajlovich Vorob'ev¹, Zafar Hajrullo Zokirzoda², Faridun Almashoevich Bobohonov³

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, Russia, sergey.vorobev.78@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0734-7456>

^{2,3} Pedagogical Institute of Tajikistan in Rasht district, Garm, Rasht district, Tajikistan

² zafar.khayrullozoda@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5787-5061>

³ farodil_ff@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5414-054X>

Abstract. The article highlights the comparative legal analysis carried out by the authors of the norms of the Constitution and the Criminal Code of the Republic of Tajikistan on the confiscation of property and, as a result, their correlation is determined. It is established that the confiscation of property is considered one of the types of criminal punishment and dates back to the Constitution of the Republic of Tajikistan. The Criminal Code of the Republic of Tajikistan contains extensive regulation of punishment in the form of confiscation of property.

Keywords: punishment, confiscation, property, comparative legal analysis, constitution, criminal code

For citation

Vorob'ev S. M., Zokirzoda Z. H., Bobohonov F. A. 2023, 'Confiscation is a recognition in the Constitution and the Legal Code of the Republic of Tajikistan: fair-correct analysis', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 352–360, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.352-360.

Конституция Республики Таджикистан (Конституция РТ) является правовым актом наивысшей юридической силы, определяющим основы конституционного и государственного строя, правовой статус человека и гражданина и устройство государственных органов. Она была принята на референдуме 6 ноября 1994 г. и является основным источником уголовного права. Это первая ступень уголовно-правового регулирования, определяющая основные принципы уголовного права. Действующий Уголовный кодекс Республики Таджикистан (УК РТ) основан на положениях Конституция РТ и Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ.

По мнению Т. Ш. Шарипова и А. И. Сафарова, конституционные нормы имеют двойственную природу права: во-первых, они регулируют общественные отношения, являющиеся предметом конституционного права (основы конституционного строя, общеправовой статус гражданина, правовой статус высших органов власти и др.); во-вторых, конституционные нормы регулируют правовые отношения, ставшие источником для

уголовного права [1, с. 218]. В юридической литературе высказываются следующие мнения о соотношении уголовного и конституционного права:

– Конституция РТ является фундаментальным правовым источником в сфере законодательства РТ [2, с. 3–4];

– Конституция РТ выступает основой для правовых институтов уголовного права Республики Таджикистан [3, с. 40–42; 4, с. 94–95; 5, с. 142–143].

Конфискация имущества впервые была закреплена в Конституции РТ, принятой в 1994 г. Ранее институт конфискации имущества не находил отражения в Конституции СССР. В силу этого не было необходимости закреплять институт конфискации имущества на конституционном уровне. Конфискация имущества в начале появления Советского Союза была направлена на противодействие врагам и ослабление политических врагов Советского государства [6, с. 109].

В 1950-х и 1970-х годах специалисты по советскому уголовному праву приводили доводы в пользу неэффективности конфискации имущества и призывали исключить ее из Уголовного кодекса СССР. Так, А. Г. Михайлянц утверждал, что классовые враги социалистического государства побеждены тем, что советская власть полностью восстановлена и нет необходимости в использовании наказания в виде конфискации имущества [7, с. 35].

Вопрос о наказании в виде конфискации имущества часто становился предметом исторических споров в 1960-х и 1970-х годах. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола изучили стоимость конфискованного имущества на основании отчетов Главного управления государственных доходов Наркомфина СССР за 1930 год [8, с. 523]. В. Н. Иванов обосновывал нецелесообразность этой меры. Он писал, что «конфискация имущества... по-прежнему направлена не только против самого обвиняемого, но и... прежде всего против его семьи» [9, с. 100–101]. В. Смольников и В. Шанин предлагали предоставить суду право применять конфискацию имущества только в случаях осуждения за государственные и тяжкие корыстные преступления [10, с. 41]. По мнению Ю. А. Демидова, для советского уголовного права неприемлемы такие меры уголовной репрессии в целях пополнения доходов государства [14, с. 160].

В результате этих споров законодатель отказался от применения конфискации имущества в качестве основного наказания. Основы уголовного права СССР и союзных республик (1958 г.) предусматривали конфискацию имущества в качестве дополнительного наказания, которое могло быть назначено за государственные преступления и тяжкие умышленные преступления в случаях, предусмотренных законом.

Однако существовали и другие точки зрения. Например, Н. А. Стручков считал конфискацию имущества мерой как уголовно-правового, так и процессуального характера [11, с. 249]. А. Н. Игнатов писал, что отмену конфискации имущества как вида наказания более всего поддерживали коррупционеры, грабители и наркоторговцы [12, с. 28]. Аналогичной точки зрения придерживается Э. В. Мартиненко. Он утверждал, что «отмена конфискации имущества является привилегией для олигархических инвесторов, которая позволяет им сохранить свое преступно нажитое имущество» [13, с. 24]. В силу этого было бы неправильно ограничивать наказание таких лиц только лишением свободы без передачи их имущества государству [15, с. 156]. В 1920-х годах С. О. Мокринский рассматривал конфискацию имущества в отношении лиц, которые владели крупными активами или средствами для совершения преступления или жизнеобеспечения, для преступной деятельности, и ее непосредственные последствия [16, с. 131–134].

И. Аминов, Б. Бенедиктов и другие отмечали, что в первые годы после пролетарской революции конфискация имущества была одной из форм экспроприации буржуазной собственности. Однако конфискация имущества судами применялась тогда не против политических врагов, а только против тех, кто совершил определенные опасные общественные действия [17, с. 114–122].

М. М. Исаев, П. Г. Мишунин, М. Д. Шаргородский подчеркивали необходимость всеобщей конфискации имущества как меры борьбы с явлением частной собственности [18, с. 130–131; 19]. Существует и противоположное мнение. Так, В. Н. Иванов считал, что конфискации подлежит только имущество, добытое или приобретенное преступным путем, и следует избегать конфискации имущества осужденных как меры, не соответствующей целям и принципам уголовного наказания [9, с. 100–101].

В. Смольников и В. Шанин указывали на необходимость сохранения всеобщей конфискации имущества в случае совершения опасного государственного преступления (измена Родине, шпионаж и т. д.) или тяжкого корыстного преступления (кражи, мошенничества и пр.). Кроме того, должна быть предусмотрена конфискация всего имущества, приобретенного преступным путем, а также орудий и средств совершения преступления [10, с. 41–43]. А. Г. Михайлянц ввел понятие специальной конфискации орудий и средств совершения преступления, предметов, добытых преступным путем [20, с. 8]. Н. А. Стручков пишет, что специальная конфискация ограничивается взысканием предметов, связанных с совершенным преступлением [11, с. 249].

Следует отметить, что ч. 4 ст. 20 Конституции РТ запрещает полную конфискацию имущества осужденного. С учетом этих требований в ч. 3 ст. 48 УК РТ отмечено, что конфискация имущества применяется только в качестве дополнительного наказания, в ч. 1 ст. 57 УК РТ конфискация имущества определяется как принудительная и безвозмездная мера изъятия и передачи государству имущества осужденного на основании приговора суда.

Несмотря на то что Конституция РТ запрещает полную конфискацию имущества осужденных, в ч. 7 ст. 57 УК РТ имеются следующие положения: «За преступления, предусмотренные подпунктом «а» пункта 1 настоящей статьи, суд может назначить в качестве дополнительного наказания полную конфискацию имущества». В силу этого ч. 7 ст. 57 УК РТ не соответствуют ч. 4 ст. 20 Конституции РТ. Ее следует исключить из УК РТ.

Конституция РТ имеет преимущественную силу перед иными правовыми нормативными актами. Статья 10 Конституции РТ гласит, что положения Конституции имеют прямое действие. Для реализации нормы Конституции РТ нет необходимости принимать отдельный нормативный правовой акт. Отсюда следует, что положения о полной конфискации имущества осужденного запрещены и применяются напрямую. Однако в судебной практике доля прямого применения Конституции РТ очень мала [21, с. 69].

Некоторые ученые (И. И. Голубов) предполагают, что наличие института конфискации имущества нарушает конституционный принцип равноправия граждан. Общая конфискация имущества является неравноправной мерой наказания. Поскольку она относится только к богатым, по сути, она противоречит ст. 2 Всеобщей декларации прав человека, где закреплено, что «Каждый человек имеет право на защиту всех его прав и свобод, но без различия расы, имущественного, психического или иного положения» [22, с. 49–50].

В настоящее время основное понимание термина «конфискация имущества» существенно не изменилось, и он по-прежнему означает процедуру обращения в пользу государства имущества правонарушителя (частично или полностью). Вместе с тем

с развитием общественных отношений и юридической техники понятие конфискации имущества приобрело более сложную форму. Следует отметить, что конституции некоторых государств СНГ (Россия, Казахстан и др.) содержат положения о том, что никто не вправе лишать человека имущества. Лишение имущества осуществляется на основании решения суда, и государство должно выплатить стоимость приобретенного имущества. Законодательная власть Грузии приняла это во внимание и в соответствии с решением Конституционного суда Грузии от 21 июля 1997 г. № 1/15 исключила конфискацию имущества из Уголовного кодекса Грузии 1960 г. Поскольку конфискация имущества является формой безвозмездного изъятия имущества, Конституционный суд Грузии признал этот вид наказания неконституционным.

В ч. 2 ст. 32 Конституции РТ данная проблема урегулирована несколько иным образом: «Никто не вправе отменять или ограничивать право собственности лица. Имущество лица для нужд общества может быть приобретено государством только на основании закона и с согласия его собственника при полной оплате его стоимости». Таким образом, в Конституции РТ вместо фразы «на основании решения суда» используется словосочетание «на основании закона и с согласия его собственника». Термин, примененный в Конституции РТ, породил на практике массу проблем.

Стоит отметить, что ограничения конституционных прав и права собственности должны основываться на положениях конституционных норм. Из-за верховенства этих норм в отношении иных законов субъективные конституционные права не должны ограничиваться на основании других законов. Таким образом, само по себе ограничение конституционного права каждого человека на собственность (в том числе путем назначения конфискации имущества в качестве дополнительного наказания) является спорным. Конституция РТ не определяет формы ограничения конституционных прав, а закрепляет конкретные цели, ради которых могут быть ограничены конституционные права человека (ст. 14). В рассмотренной ст. 32 Конституции РТ речь идет о всеобщей неприкосновенности права собственности, и никто не может ограничить или отменить это право. Однако Уголовный кодекс РТ в некоторой степени все же лишает этого права и ограничивает его, предусматривая в качестве дополнительного наказания конфискацию имущества.

Изучение правовой природы конфискации имущества как уголовного наказания будет неполным без детального рассмотрения ее форм, существующих в теории уголовного права РТ. На сегодняшний день уголовное законодательство рассматривает конфискацию имущества обвиняемого, тем или иным образом связанного с преступлением. Применение конфискации имущества полностью или частично зависит от суда и обуславливается обстоятельствами конкретного общественно опасного действия, степенью тяжести преступления и размером причиненного вреда.

В нормативных правовых актах Советского государства конфискация имущества закреплялась как один из видов уголовного наказания, и ей придавалось серьезное значение как политико-экономической мере. Конфискация имущества предусматривалась за широкий круг уголовных правонарушений. Несмотря на социально-экономическую ситуацию того времени, возможности применения конфискации имущества в период становления Советской власти были значительно расширены. Как правило, имущество конфисковывалось не за совершение преступления, а в целях притеснения лиц, им владевших.

Следует отметить, что 26 октября 1917 г. был принят Декрет № 55 «О земле», согласно которому право помещицей (крестьянской) собственности на землю немедленно отменялось без всякой оплаты. Право частной собственности на землю было окончательно упразднено, и земля была объявлена народной и государственной собственностью.

При реализации Декрета о земле по решению туркестанских властей в конце 1918 г. советы Таджикистана с помощью товариществ бедноты, опираясь на опыт и пример русских вспомогательных комитетов бедноты, приняли необходимые меры к конфискации имущества и учету кулаков, богатеев, жилищ помещиков и других некоммерческих хозяйств. С этой точки зрения особенно примечательна реализация декретов РСФСР и Республики Туркестан о национализации в районах Северного Таджикистана. Так, в течение 1918 и 1919 гг. Ходжандский уездный и городской совет принял более 100 постановлений о национализации, конфискации имущества и реквизиции различных объектов общественного значения, в результате чего эти объекты (хлопкоочистительные заводы, акционерные общества и зажиточные местные люди) были переданы в собственность Туркестанской АССР, РСФСР [23, с. 96].

Согласно ст. 30 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик при конфискации имущества суду уже не было необходимо указывать конкретный вид имущества или перечислять конфискованные предметы. Эти изменения нашли отражение в Уголовном кодексе Таджикской ССР 1961 г. В соответствии с его ч. 2 ст. 33 конфискации имущества могла быть назначена «только в случаях, предусмотренных законами СССР, за преступления из корысти, а также в случаях, предусмотренных специальным разделом настоящего Кодекса».

В начале 80-х годов XX в. разрабатывался проект «Основной Закон СССР и союзных республик». В 1987 г. проект «Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик» был вынесен на обсуждение в научные учреждения и вузы. Документ в то время был альтернативой Уголовному кодексу 1958 г. В декабре 1988 г. официальный текст Основ законодательства СССР и союзных республик был опубликован в периодической печати и вынесен на общественное обсуждение. 2 июля 1991 г. Верховный Совет СССР его принял. Закон заменил предыдущий уголовный закон, но не вступил в силу в связи с распадом Советского Союза.

Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик были использованы при разработке нового уголовного законодательства независимого Таджикистана. Изменения в государственном устройстве, экономические и политические процессы, произошедшие в Республике Таджикистан после распада Советского Союза, обусловили необходимость принятия УК РТ. Однако в нем была сохранена практика применения конфискации имущества.

Анализ законодательства о конфискации имущества приводит нас к выводу о том, что конфискации имущества в соответствии с УК РТ имеет все признаки уголовного наказания, что отличает ее от мер уголовно-правового характера. Конфискации имущества как наказание имеет высокий карательный потенциал, относится к девятой стадии системы наказания и применяется только как дополнительное наказание (ч. 3 ст. 48 УК РТ). Объектами конфискации являются имущество, полученное в момент совершения преступления, используемое или предназначенное для осуществления преступной деятельности, а также орудия и средства совершения преступления. При конфискации имущества лица, совершившие преступление, лишаются своих имущественных прав, предусмотренных Конституцией РТ.

Таким образом, конфискация имущества обладает следующими признаками, отличающими ее от иных мер уголовно-правового характера:

- 1) является частью уголовной ответственности. При освобождении от уголовной ответственности и применении иных мер уголовно-правового характера конфискация назначена быть не может;
- 2) не назначается самостоятельно (в отличие от иных мер уголовно-правового характера), является дополнением к основному наказанию (дополнительным наказанием);
- 3) направлена на обеспечение защиты права частной собственности, предусмотренного Конституцией РТ;
- 4) назначается исключительно за преступления, предусмотренные ст. 57 УК РТ.

Список источников

1. Шарипов Т. Ш., Сафаров А. И. Анализ некоторых принципов уголовного права // Труды Академии МВД Республики Татарстан. 2015. С. 218–225.
2. Ким А. И. Конституционные нормы и их классификация // Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск, 1981. С. 3–4.
3. Карпец И. И. Конституция СССР и тенденции развития уголовного права // Советское государство и право. 1977. № 12. С. 40–42.
4. Одоевская О. А. О системообразующих связях уголовного права с другими отраслями права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. 2007. № 1. С. 94–95.
5. Тирский В. В. О некоторых моментах взаимосвязи Конституции и уголовного законодательства // Новая Конституция СССР и вопросы государства и права. Томск, 1979. С. 142–143.
6. Носиров Д. К., Зокиров З. Х. К вопросу о конфискации имущества в Конституции и Уголовном кодексе Республики Таджикистан // Законодательство. 2019. № 1(33). С. 109–116.
7. Михайлянц А. Г. Эффективность конфискации имущества как меры уголовного наказания // Известия. М., 1966. С. 35–37.
8. Данилов В., Маннинг Р., Виола Л. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы : в 5 т. М., 2000. Т. 2. 927 с.
9. Иванов В. Н. Должна ли сохраниться конфискация имущества как вид уголовного наказания? // Советское государство и право. 1958. № 9. С. 100–101.
10. Смолников В., Шанин В. Ограничить применение конфискации имущества // Советская юстиция. 1958. № 2. С. 41–43.
11. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. 288 с.
12. Игнатов А. Н. Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства // Журнал российского права. № 9. 2003. С. 24–31.
13. Мартыненко Э. В. Конфискация имущества в действующем Российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.
14. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. 182 с.
15. Михайлянц А. Г. Конфискация имущества – дополнительная мера уголовного наказания // Проблемы судебной экспертизы, уголовного права и процесса. М., 1966. С. 156–158.
16. Мокринский С. О. Конфискация по суду // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 5. С. 131–134.

17. Аминова И., Бенедиктов Б., Булатов С., Быстрова А. Советская уголовная репрессия. М. : Советское законодательство, 1934. 222 с.
18. Мишунин П. Г. Очерки истории советского уголовного права 1917–1918 гг. М., 1954. 230 с.
19. Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. 304 с.
20. Михайлянц А. Г. Конфискация имущества по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1967. 16 с.
21. Научный комментарий к Конституции Республики Таджикистан / под ред. М. А. Махмудова. Душанбе : Свободный Восток, 2009. 520 с.
22. Голубов И. И. Конфискация имущества как вид уголовного наказания : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 181 с.
23. Тохиров Ф. Т. Становление советского права в Таджикистане. Душанбе : Дониш, 1987. 192 с.

References

1. Sharipov, T. S. & Safarov, A. I. 2015, 'Analysis of some principles of criminal law', in *Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan*, pp. 218–225.
2. Kim, A. I. 1981, 'Constitutional norms and their classification', in *Actual problems of state and law in the modern period*, pp. 218–225. 3–4, Tomsk.
3. Karpets, I. I. 1977, 'The Constitution of the USSR and trends in the development of criminal law', *The Soviet State and Law*, iss. 12, pp. 40–42.
4. Odоеvskaya, O. A. 2007, 'On the system-forming links of criminal law with other branches of law', *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy, Law Series*, iss. 1, pp. 94–95.
5. Tirsky, V. V. 1979, 'On some aspects of the relationship between the Constitution and criminal legislation', in *The New Constitution of the USSR and Questions of State and Law*, pp. 142–143, Tomsk.
6. Nosirov, D. K. & Zokirov, Z. H. 2019, 'On the issue of confiscation of property in the Constitution and Criminal Code of the Republic of Tajikistan', *Legislation*, iss. 1(33), pp. 109–116.
7. Mikhaylyants, A. G. 1966, 'The effectiveness of confiscation of property as a measure of criminal punishment', in *Izvestia*, pp. 35–37, Moscow.
8. Danilov, V., Manning, R. & Viola, L. 2000, *The tragedy of the Soviet village, Collectivization and dispossession, Documents and materials*, in 5 vols, vol. 2, Moscow.
9. Ivanov, V. N. 1958, 'Should confiscation of property be preserved as a type of criminal punishment?', *The Soviet State and Law*, iss. 9, pp. 100–101.
10. Smolnikov, V. & Shanin, V. 1958, 'Limit the use of confiscation of property', *Soviet Justice*, iss. 2, pp. 41–43.
11. Struchkov, N.A. 1978, *Criminal liability and its implementation in the fight against crime*, Saratov.
12. Ignatov, A. N. 2003, 'Some aspects of criminal law reform' *Journal of Russian Law*, iss. 9, pp 24–31.
13. Martynenko, E. V. 2010, *Confiscation of property in the current Russian Criminal Law: PhD thesis (Law)*, Moscow.
14. Demidov, Yu. A. 1975, *Social values assessment in criminal law*, Moscow.
15. Mikhaylyants, A. G. 1966, 'Confiscation of property – an additional measure of criminal punishment', in *Problems of forensic examination, criminal Law and Process*, pp. 156–158, Moscow.

16. Mokrinsky, S. O. 1926, 'Confiscation by Court', *Weekly of Soviet Justice*, iss. 5, pp. 131–134.

17. Aminova, I., Benediktov, B., Bulatov, S. & Bystrova, A. 1934, *Soviet Criminal Repression*, Soviet Legislation, Moscow.

18. Mishunin, P. G. 1954, *Essays on the history of Soviet criminal law 1917–1918*, Moscow.

19. Shargorodsky, M. D. 1957, *Punishment under the criminal law of exploitative society*, Moscow.

20. Mikhaylyants, A. G. 1967, *Confiscation of property under criminal and criminal procedure legislation: PhD thesis (Law)*, Tashkent.

21. Makhmudov, M. A. (ed.) 2009, *Scientific Commentary on the Constitution of the Republic of Tajikistan*, Free East, Dushanbe.

22. Golubov, I. I. 1999, *Confiscation of property as a type of criminal punishment: PhD thesis (Law)*, Moscow.

23. Tohirov, F. T. 1987, *The formation of Soviet law in Tajikistan*, Donish, Dushanbe.

Информация об авторах

С. М. Воробьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права;

З. Х. Зокирзода – кандидат юридических наук, доцент кафедры права и государственного управления;

Ф. А. Бобохонов – старший преподаватель, помощник ректора.

Information about the authors

S. M. Vorob'ev – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law;

Z. H. Zokirzoda – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Law and Public Administration;

F. A. Bobohonov – senior lecturer, assistant to the rector.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 05.04.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 27.07.2023.

The article was submitted 05.04.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 27.07.2023.

Научная статья

УДК 343.827

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.361-364

ОСОБЕННОСТИ РЕЖИМА ОСОБЫХ УСЛОВИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ, ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Вячеслав Борисович Шабанов¹

¹ Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы возрастания экстремистской, террористической и военной опасности, ведущие к риску возникновения чрезвычайных ситуаций в сфере деятельности уголовно-исполнительной системы. Вносятся некоторые предложения по совершенствованию в этих случаях надзора за осужденными (заключенными) при введении режима особых условий.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации в пенитенциарных учреждениях, режим особых условий, надзор за осужденными

Для цитирования

Шабанов В. Б. Особенности режима особых условий пенитенциарных учреждений при экстремистской, террористической и военной опасности // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 361–364. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.361-364.

Original article

FEATURES OF THE REGIME OF SPECIAL CONDITIONS OF PENITENTIARY INSTITUTIONS IN CASE OF EXTREMIST, TERRORIST AND MILITARY DANGER

Vjacheslav Borisovich Shabanov¹

¹ Belarusian State University, Minsk, Belarus, lawcrim@bsu.by

Abstract. The article deals with the issues of increasing extremist, terrorist and military danger, leading to the risk of emergency situations in the sphere of activity of the penal system. Some proposals are being made to improve in these cases the supervision of convicts (prisoners) with the introduction of a regime of special conditions.

Keywords: emergency situations in penitentiary institutions, special conditions regime, supervision of convicts

© Шабанов В. Б., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

For citation

Shabanov, V. B. 2023, 'Features of the regime of special conditions of penitentiary institutions in case of extremist, terrorist and military danger', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 361–364, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.361-364.

Возрастание экстремистской, террористической и военной опасности в области обеспечения общественной безопасности ведет к риску возникновения чрезвычайных ситуаций. Это относится и к сфере деятельности уголовно-исполнительной системы. Для начала немного статистики. К концу 2019 г. в России в местах лишения свободы (тюрьмах и колониях) содержалось в общей численности 2752 экстремиста и террориста. В 2018 г. их было 2735, в 2017 – 2629, а в 2016 г. – 2069. Рост составил 700 чел. [3]. Необходимо учитывать, что основная масса экстремистов и террористов сегодня находится на свободе, в подполье, а, по некоторым данным, от пяти до семи тысяч – в горячих точках, есть о чем задуматься. Похожая, если не худшая, криминогенная обстановка складывалась в Афганистане, Ираке, Сирии, Украине, а также поблизости от России в регионах со сложной военно-политической обстановкой: Абхазии, Приднестровской Молдавской Республике, Донецкой и Луганской народных республиках (еще в качестве непризнанных государств), Южной Осетии. А теперь к ним добавились еще новые субъекты Российской Федерации, в которых проводится специальная военная операция и объявлено военное положение.

За последние десять лет число чрезвычайных происшествий в пенитенциарных учреждениях на территории России и в ближнем зарубежье возросло в разы: отмечаются массовые беспорядки, побеги, вооруженные нападения извне. Достаточно привести несколько характерных примеров.

По ряду районов Донецкой Народной Республики 11 августа 2014 г. наносились удары из гаубиц и ракетных установок залпового огня. Были повреждены в том числе здания исправительной колонии в Кировском районе г. Донецка. Один человек погиб, 18 получили ранения различной степени тяжести. После попадания снарядов осужденные подняли бунт. Колонию покинули не менее 100 чел., некоторые из них захватили оружие. Были расстреляны отдельные сотрудники. Несколько осужденных утром вернулись, некоторых удалось задержать позднее. Безусловно, Вооруженные силы Украины (ВСУ) целенаправленно обстреляли здание донецкой колонии для организации бегства осужденных с целью последующей возможной дестабилизации ситуации в осажденном городе.

На рассвете 30 августа 2016 г. территория Волновахской исправительной колонии Государственной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Донецкой Народной Республики подверглась очередному массированному артобстрелу со стороны ВСУ. Один из снарядов попал в административное здание. Дежурным помощником начальника исправительной колонии были предприняты все необходимые меры по недопущению паники и организации эвакуации в укрытие осужденных и сотрудников.

В пенитенциарном учреждении на западе Таджикистана ночью 20 мая 2019 г. начались массовые беспорядки осужденных из числа запрещенной в России группировки «Исламское государство». В результате погибли 29 заключенных, восемь из которых были убиты самими преступниками в целях устрашения, и три охранника.

В начале апреля 2020 г. в Ангарской исправительной колонии были организованы массовые беспорядки, в которых участвовало примерно 200 чел. Беспорядки были срежиссированы извне, имелись угрозы жизни начальнику учреждения и членам его семьи. Попытка нападения на колонию была своевременно пресечена. 15 октября 2021 г. осу-

жденные Владикавказской исправительной колонии устроили массовые беспорядки, в которых приняли участие до 600 чел. В указанных случаях вводился режим особых условий, затрачивались значительные силы и средства для подавления беспорядков.

В городе Талдыкоргане к северо-востоку от Алма-Аты 20 чел. в камуфляжной форме 7 января 2022 г. напали на следственный изолятор. В ходе спецоперации один из нападавших был убит, еще один получил ранения, одного нападавшего задержали.

В столице сирийской провинции Хасака в ночь с 20 на 21 января 2022 г. была атакована тюрьма Ас-Синаа, в которой содержалось до 5000 пленных боевиков так называемого «Исламского государства» (ИГ), в том числе около тысячи иных иностранных террористов. Информационное агентство «Аль-Амак» опубликовало официальное заявление, где говорится о том, что в штурме принимали участие два смертника: Абу Абд Рахман аль-Мухаджира и Абу аль-Фарук аль-Мухаджира подорвали себя в двух грузовиках у стен тюрьмы. После этого штурмовые отряды взорвали бензовоз и подожгли покрышки, чтобы осложнить работу американской авиации. Другой отряд взял штурмом полицейский участок, находящийся напротив тюрьмы, который не успел прийти на помощь курдам, охранявшим учреждение. Заключенные устроили в тюрьме пожар, стремясь отвлечь охрану, а напавшие 80 боевиков ИГ устроили с помощью строительной техники дополнительные проломы в ограждении и сдерживали подход подкреплений Сирийских демократических сил (SDF). Тем временем бывшие пленные террористы прорвались к оружейным комнатам. Ими были захвачены начальник тюрьмы и несколько десятков охранников, у которых также забрали оружие. Впоследствии начальник и часть охраны были казнены, а оставшиеся живыми 23 бойца SDF стали заложниками.

Террористы стали выводить из тюрьмы заключенных, одновременно с этим принимая у них присягу. Освобожденные дали байат (клятву) биться на смерть и дальше стоять на пути «Джихада». Всего было выведено свыше 800 бывших боевиков. Между тем руководство Сирийских демократических сил (SDF) до последнего скрывало происходящее, заявляя, что в результате побега ушло всего 20 чел., из которых трое были пойманы, а трое ликвидированы. Бежавшие террористы устроили в городе Хасака уличные бои. Кроме того, жертвами становились мирные люди, проживавшие в районе квартала Гвейран и попадавшие под удары американской авиации. На улицах небрунными лежали десятки тел погибших [2].

Приводить примеры можно продолжать. Очевидно, что большая часть чрезвычайных ситуаций в пенитенциарных учреждениях готовились заранее внутри и извне спонсорами террористов. Указанные события являются благоприятной почвой для дальнейшей экстремистской пропаганды, роста очагов террора, вербовки новых сторонников среди как осужденных, так и сотрудников. В связи с этим чрезвычайно возрастает значение надзора, в первую очередь за указанными категориями осужденных. Особое внимание вопросам осуществления надзора за осужденными должно уделяться при установлении режима особых условий (ст. 85 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации). Представляется возможным согласиться с мнением А. Ю. Алексеева о том, что обстоятельства, при которых введение режима особых условий зависит от криминогенных факторов, вызванных действиями осужденных и иных лиц, в дальнейшем могут именоваться как криминогенные условия [1, с. 80]. Вместе с тем мероприятия при введении указанного режима в Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях (от 13 июля 2006 г.), обозначены достаточно формально, не содержат конкретизации и последовательности действий администрации при вооруженном нападении

на учреждение. Инструкция Минюста России по планированию действий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы при чрезвычайных обстоятельствах также не содержит положений, предусматривающих масштабную эвакуацию осужденных [1, с. 80]. Следовательно, требуется внесение соответствующих изменений в данную Инструкцию.

В этом случае регулирующая, дисциплинирующая и организующая роль права еще более усиливается, иначе значительно повышается риск принятия и реализации ошибочных решений, цена которых может быть исключительно высока. То, что делается в интересах безопасности личности, общества и государства, даже в таких экстремальных условиях, как введение режима особых условий, подлежит обязательному правовому регулированию.

Список источников

1. Алексеев А. Ю. Режим особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы: сравнительно-правовой анализ // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 78–81.
2. Лисицына М. Боевики Игил напали на тюрьму и попытались освободить заключенных // РБК. 2022. 21 янв. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/01/2022/61ea03069a7947481408d5c6>.
3. Меркачева Е. Горячая голова, пустое сердце // Московский комсомолец. 2019. 30 окт.

References

1. Alekseev, A. Yu. 2019, 'Regime of special conditions in institutions of the penal system: Comparative Legal Analysis', *Criminal Justice*, iss. 14, pp. 78–81.
2. Lisitsyna, M. 2022, 'ISIS militants attacked the prison and tried to free the prisoners', RBC, January 21, <https://www.rbc.ru/society/21/01/2022/61ea03069a7947481408d5c6>.
3. Merkacheva, E. 2019, 'Hot Head, empty heart', *Moskovsky Komsomolets*, iss. 238(433).

Информация об авторе

В. Б. Шабанов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики.

Information about the author

V. B. Shabanov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 05.04.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 27.07.2023.

The article was submitted 05.04.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 27.07.2023.

Научная статья

УДК 351.75:342.5 (430)

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.365-373

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЕДОМСТВА ПО ДЕЛАМ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ГЕРМАНИИ: НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Юрий Алексеевич Воробьев¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, jurij.worobjow@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются национальные особенности деятельности ведомств по делам общественного порядка, являющихся структурными подразделениями органов местного самоуправления в Германии. Особое внимание уделяется их эволюционному развитию, в результате которого ведомства получили целый ряд полномочий в сфере обеспечения общественной безопасности на муниципальном уровне, ранее относившихся исключительно к ведению полиции. Данное перераспределение компетенций позволило полицейским службам сосредоточить свое внимание в большей степени на борьбе с серьезными преступлениями, в то время как на ведомства по делам общественного порядка была возложена значительная часть работы по профилактике и пресечению административных проступков и мелких правонарушений на территории, подведомственной муниципалитету. Расширение полномочий муниципальных ведомств обусловило изменения в их правовом статусе, оснащении и профессиональном обучении, в котором больше времени стало отводиться на совершенствование навыков физической, специальной и огневой подготовки. За сравнительно непродолжительный период существования данных органов они стали неотъемлемой частью немецкой системы обеспечения законности и правопорядка, придали ей необходимый баланс в работе на муниципальном уровне.

Ключевые слова: Германия, общественная безопасность, правопорядок, органы местного самоуправления, ведомства по делам общественного порядка, муниципальная полиция, полиция, специальная подготовка

Для цитирования

Воробьев Ю. А. Муниципальные ведомства по делам общественного порядка в Германии: новый вектор развития региональных органов самоуправления // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 365–373. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.365-373.

© Воробьев Ю. А., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

MUNICIPAL DEPARTMENTS FOR PUBLIC ORDER IN GERMANY: A NEW VECTOR OF DEVELOPMENT OF REGIONAL SELF-GOVERNMENT BODIES

Jurij Alekseevich Vorob'ev¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, jurij.worobjow@yandex.ru

Abstract. The article examines the national peculiarities of the activities of public order agencies, which are structural subdivisions of local self-government bodies in Germany. Special attention is paid to their evolutionary development, as a result of which the departments received a number of powers in the field of public security at the municipal level, previously exclusively under the jurisdiction of the police. This redistribution of competencies allowed the police services to focus more on combating serious crimes, while the public order agencies were entrusted with a significant part of the work on the prevention and suppression of administrative offenses and minor offenses in the territory under the jurisdiction of the municipality. The expansion of the powers of municipal departments led to changes in their legal status, equipment and vocational training, in which more time was devoted to improving the skills of physical, special and fire training. For a relatively short period of existence of these bodies, they have become an integral element of the German system of ensuring law and order, giving it the necessary balance in its work at the municipal level.

Keywords: Germany, public security, law and order, local governments, public order agencies, municipal police, police, special training

For citation

Vorob'ev, Ju. A. 2023, 'Municipal departments for public order in Germany: a new vector of development of regional self-government bodies', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 365–373, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.365-373.

Одной из отличительных черт внутренней политики Федеративной Республики Германия (ФРГ) в сфере обеспечения общественной безопасности является деятельность особых органов – ведомств по делам общественного порядка (Ordnungsbehörde, или Ordnungsamt), не относящихся ни к министерству внутренних дел, ни к иным правоохранительным органам, но в то же время играющих важную роль в поддержании законности и правопорядка в стране. Данные ведомства присутствуют в каждой федеральной земле Германии и представляют собой структурные подразделения органов местного самоуправления – муниципалитетов, районов и общин. Их основная задача определяется как «предотвращение угроз общественной безопасности и порядку на муниципальном уровне»¹.

В своей деятельности ведомства опираются на источники права как федерального, так и регионального уровня, и в первую очередь на Федеральную конституцию ФРГ, пред-

¹ См.: <https://www.minilex.de/a/welche-funktion-hat-das-ordnungsamt-deutschland> (дата обращения: 19.02.2023).

писывающую в ст. 20 неукоснительность соблюдения публичными администрациями закона и права¹. Важную роль в правовом обеспечении работы данных органов играют также муниципальное право (*Kommunalrecht*), определяющее правовой статус органов местной власти, Закон об административных процедурах (*Verwaltungsverfahrensgesetz*), содержащий общие процедурные принципы, применимые ко всем органам власти, в том числе муниципальным, общее и специальное регулятивное право (*Ordnungsrecht*), кодифицированное в целом ряде законов, направленных на обеспечение самых разнообразных аспектов жизнедеятельности административных единиц различных уровней. Кроме того, в своей работе муниципалитеты опираются и на соответствующие местные правовые акты, определяющие задачи, полномочия и организационное устройство ведомств на территориях соответствующих административных единиц.

Ведомства по делам общественного порядка – сравнительно молодой официальный институт, действующий в рамках местного самоуправления. Какие-либо конкретные даты начала их деятельности привести достаточно сложно, так как каждая федеральная земля, учреждая данные органы, исходила из своих возможностей и потребностей, что находило отражение не только в различных датах начала работы ведомств, но и в их структурных особенностях, а также в определении объема компетенций. В большинстве земель ведомства в своем современном виде начали функционировать в конце XX – начале XXI столетия.

При некотором территориальном своеобразии все ведомства имеют организационно-структурное сходство, выражающееся в разграничении их деятельности на внутреннюю и внешнюю (патрульную). Внутриведомственная работа, осуществляемая сотрудниками в специальных офисах, включает в себя сбор и обработку разнообразных сведений для надлежащего регулирования повседневной общественной жизни на территории региональной административной единицы, выдачу различных справок и разрешений, необходимых юридическим или физическим лицам для организации и ведения различных видов деятельности как в коммерческой, так и в некоммерческой сфере. В определенной степени эта сторона работы муниципального органа напоминает деятельность отечественных многофункциональных центров. Кроме того, ведомства выполняют ряд функций органов ЗАГС, санитарного надзора, службы защиты прав потребителей, противопожарной охраны, жилищных инспекций и т. д. Перечень сфер их деятельности зависит от размеров административного образования и числа граждан, проживающих на подведомственной территории. В городах этот перечень может быть очень объемным, в то время как в небольших общинах ведомства ограничиваются самыми необходимыми полномочиями.

Кроме разрешительно-запретительной деятельности, значительная часть работы ведомств посвящена осуществлению контроля за исполнением земельных и региональных постановлений и предписаний. Реализацию контролирующей деятельности в ведомствах по делам общественного порядка обеспечивают сотрудники внешней или патрульной службы, которая в зависимости от региональной принадлежности может иметь различные названия (*Stadtwacht*, *Ordnungsbehörde*, *Ordnungsamt* и т. п.). В специальной литературе для них часто используется общее наименование – «коммунальная служба по охране общественного порядка» (*Kommunaler Ordnungsdienst* или *Kommunale Ordnungsservice*).

¹ См.: <https://www.bundestag.de/gg> (дата обращения: 16.02.2023).

На первых этапах своей деятельности данная служба имела очень ограниченный перечень обязанностей. В сферу ее ответственности входил в основном контроль за соблюдением гражданами на муниципальной территории санитарных и гигиенических норм, шумового режима, прежде всего в ночное время и в выходные дни, и правил парковки транспортных средств.

Меры дисциплинарного воздействия сотрудников ведомства традиционно ограничивались проведением бесед с гражданами, вынесением устных замечаний или предупреждений в рамках мероприятий по недопущению противоправных действий административного характера или с целью их пресечения. Максимальным правовым реагированием на противоправные действия граждан было инициирование производства по делу об административном правонарушении с последующим взысканием штрафа или приостановкой той или иной деятельности до приведения ее в соответствие с законом. У сотрудников отсутствовало право силового вмешательства в основные права граждан, за исключением, безусловно, случаев обязанности задержания подозреваемого на месте совершения преступления в соответствии с § 127 Уголовно-процессуального кодекса Германии¹. Для пресечения каких-либо серьезных противоправных действий граждан требовался вызов полиции.

С конца 80-х годов прошлого века такой подход в деле обеспечения общественной безопасности на муниципальном уровне постепенно стал оцениваться гражданами и органами местного самоуправления как недостаточный. Возникла потребность, особенно в городских муниципалитетах, наделятия ведомств дополнительными полномочиями в области охраны правопорядка. Это было обусловлено целым рядом причин:

- сравнительно долгим процессом реорганизации полицейской системы ФРГ после объединения страны, особенно на ее новых территориях;
- почти неконтролируемым наплывом мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья и последовавшим за ним увеличением числа случаев мелкой и средней уличной преступности²;
- участвовавшими случаями пренебрежения правилами поведения в общественных местах;
- нарушениями санитарных норм, на предотвращение и пресечение которых у полиции не всегда хватало времени и сил³.

Такое положение дел стало оказывать негативное влияние не только на общественный порядок в его широком понимании как «совокупность общественных отношений, установленных в государстве и основанных на правилах человеческого общежития, определяющих поведение людей в процессе общественной жизни» [1, с. 458], но и на само концептуальное восприятие понятия Ordnung (порядок), суть которого, по мнению немцев, заключается в том, чтобы придать всему жизненному укладу соответствующую

¹ См.: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo> (дата обращения: 16.02.2023).

² По данным Федерального управления уголовной полиции Германии, количество зафиксированных преступлений в 1993 г. достигло своего пика за весь послевоенный период – 8337 случаев на 100 000 жителей [https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2021/PKSTabellen/Zeitreihen/zeitreihen_node.html (дата обращения: 17.02.2023)].

³ См.: <https://www.halteverbot123.de/ordnungsamt-aufgaben-und-befugnisse.html> (дата обращения: 17.02.2023); <https://www.volksstimme.de/sachsen-anhalt/die-90er-waren-besonders-wild-2012849> (дата обращения: 19.02.2023).

правовую упорядоченность с целью обеспечения необходимых условий в повседневной жизни, чувства безопасности и внутреннего покоя граждан [2]. В этой ситуации региональные власти в различных федеральных землях стали предпринимать целенаправленные действия для создания или реорганизации муниципальных органов, способных в рамках своих полномочий и во взаимодействии с полицией противодействовать реальным угрозам общественной безопасности и правопорядку на местном уровне, с делегированием им ряда функциональных обязанностей, относившихся ранее исключительно к компетенции полиции, закрепив эту процедуру в соответствующих муниципальных правовых актах. В большинстве случаев муниципалитеты наделяли дополнительными полномочиями свои уже существующие структурные подразделения, обладавшие правом контроля за соблюдением законности, переименовывая их в ведомства по охране общественного порядка. В некоторых муниципалитетах такие ведомства создавались на базе временно функционировавших на тот момент органов, аналогичных «совету по профилактике правонарушений» в Лейпциге¹.

С получением дополнительных полномочий ведомствами начала меняться и их правовая база, которая стала вбирать в себя все больше положений как из федерального Закона о полиции, так и из его земельных аналогов, таких как Закон об органах общественного порядка земли Северный Рейн – Вестфалия, Закон об общей безопасности и порядке земли Берлин и т. д. Более того, в ряде регионов именно земельные законы о полиции стали законодательной базой для работы патрульных служб ведомств по делам общественного порядка. Так, в федеральной земле Бремен в § 136 регионального Закона о полиции прямо говорится о том, что «...в рамках своего мандата они (сотрудники ведомств по делам общественного порядка. – Ю. В.) обладают полномочиями *полицейских* (курсив мой. – Ю. В.) и вправе осуществлять прямое принуждение граждан к выполнению закона»². Аналогичные по своему содержанию полномочия ведомств определены и в Законе о полиции земли Баден-Вюртемберг, где в § 125 отмечается, что «муниципалитеты в своей деятельности, направленной на обеспечение общественного порядка, имеют право делегировать задачи с целью предотвращения опасностей сотрудникам муниципальных ведомств по делам общественного порядка, которые в рамках установленных задач имеют статус, сопоставимый со статусом полицейских, со всеми необходимыми правами и обязанностями»³.

Примечательно, что все большее соответствие содержания деятельности внешней службы муниципальных ведомств по охране общественного порядка функциональным обязанностям полиции в Германии получило отражение и в языковом плане. Значительная часть правоохранительных муниципальных служб имеет названия, одним из компонентов которых является слово «полиция»: Stadtpolizei (городская полиция), Polizeibehörde (полицейское ведомство), Kommunalpolizei (муниципальная полиция), Gemeindepolizei (полиция общины) и т. д.

Объем полицейских полномочий, делегированных муниципальным ведомствам по делам общественного порядка, в разных федеральных землях может значительно от-

¹ См.: <https://www.leipzig.de/buergerservice-und-verwaltung/aemter-und-behoerdengaenge/behoerden-und-dienstleistungen/dienststelle/ordnungsamt-32> (дата обращения: 19.02.2023).

² См.: http://www.lexsoft.de/cgi-bin/lexsoft/justizportal_nrw.cgi?xid=168683%2C1 (дата обращения: 19.02.2023).

³ См.: <https://www.landesrecht-bw.de/jportal/?quelle=jlink&query=PolG+BW&psml=bsbawuerprod.psml&max=true&aiz=true> (дата обращения: 26.01.2023).

личаться. В некоторых землях компетенции, полученные внешней службой ведомств, приблизили их к статусу классической полицейской патрульной службы. Так, в землях Баден-Вюртемберг, Гессен, Гамбург и некоторых других сотрудники внешней службы охраны общественного порядка получили право останавливать граждан, в том числе тех, кто передвигается на транспортном средстве, при необходимости установления их личности. Предъявление паспорта или удостоверения в этой ситуации стало обязательным. При наличии сведений, дающих основание подозревать человека в совершении серьезного правонарушения, сотрудники ведомства уполномочены не только устанавливать его личность, но и проводить обыск в его жилище или транспортном средстве. В случае неподчинения допускается применение силы и задержание гражданина.

Сотрудники внешней службы ведомств все чаще стали участвовать в совместной работе с полицией, например, при патрулировании улиц и парковых зон, в ходе обеспечения общественного порядка при массовом скоплении людей: при проведении разного рода музыкальных фестивалей, праздничных мероприятий, согласованных демонстраций, при организации оцепления в случаях ликвидации последствий техногенных катастроф, крупных аварий, террористических актов.

Такие изменения в перечне полномочий муниципальных служб повлекли за собой необходимость пересмотра вопроса их оснащенности, прежде всего в городах. Если еще пятнадцать-двадцать лет назад сотрудники довольствовались наличием только переговорных устройств и нашивок на одежде, свидетельствующих о принадлежности к соответствующему ведомству, то в настоящее время все больше муниципалитетов задумываются о более серьезном оснащении своих работников. Современная экипировка сотрудников внешней службы ведомств по делам общественного порядка включает в себя уже гораздо больший набор специальных средств. Кроме переговорных устройств и форменной одежды, стандартным стало наличие у сотрудников наручников, перцовых баллончиков (газовых пистолетов) и резиновых дубинок. Ряд муниципалитетов начали включать в экипировку перчатки и жилеты с защитой от ножевых ранений. Более того, в таких крупных городах, как Франкфурт-на-Майне, Висбаден, Штутгарт и некоторых других, сотрудники ведомств при патрулировании муниципальной территории имеют при себе огнестрельное оружие.

Многоаспектность задач, выполняемых внешней службой ведомства, предопределила набирающую ход тенденцию к узкой специализации ее сотрудников, что можно наглядно продемонстрировать на примере штатной организации данного ведомства во Франкфурте-на-Майне¹. Помимо нескольких патрульных групп, в обязанность которых входит контроль общественных мест, прежде всего в центре города, в кварталах, прилегающих к железнодорожному вокзалу, в парковых зонах, с целью выявления мест употребления алкоголя или наркотических средств, а также случаев деструктивного поведения граждан, выражающегося в сквернословии, агрессивном поведении, попрошайничестве, внешняя служба ведомства имеет в своем штате специалистов, ответственных за санитарный контроль общественных мест, а также специальную группу мониторинга за вредными выбросами в окружающую среду. Все упомянутые подразделения работают в дневное время суток, за исключением сотрудников экологической службы, деятельность которой зависит от времени забора проб и может начинаться рано утром или заканчиваться поздним вечером. В ночное время работает только так называемая оперативная группа безопасности (*task-force-sicherheit*), в обязанности которой входит

¹ См.: [https://www.gdp.de/gdp/gdphe.nsf/id/DE_aufgaben_oa/\\$file/Ausbildung_Stadtpolizei_Frankfurt.pdf](https://www.gdp.de/gdp/gdphe.nsf/id/DE_aufgaben_oa/$file/Ausbildung_Stadtpolizei_Frankfurt.pdf) (дата обращения: 20.02.2023).

реагирование на жалобы граждан по поводу нарушения шумового режима, соблюдаемого в Германии особо строго, выезды для разрешения бытовых ссор на территории частных домовладений и конфликтов в общественных местах (барах, ресторанах), то есть тех деликтов, которые не выходят за рамки мелких правонарушений. Для более серьезных случаев противоправного поведения предусматривается вызов полицейских.

Кроме того, муниципальное ведомство располагает собственной группой расследования, целью которой, конечно, не являются следственные мероприятия по уголовным деликтам. В качестве основных направлений ее деятельности следует выделить:

- выявление лиц, проживающих на территории муниципалитета без необходимой регистрации;
- розыск лиц, не оплативших налоги или штрафы (при наличии соответствующих поручений со стороны налоговых служб, полиции или других правоохранительных органов);
- розыск автовладельцев, не зарегистрировавших (перерегистрировавших) автомобиль (например, после переезда) или не прошедших своевременно технический осмотр транспортного средства;
- установление места проживания лиц, не выполняющих решения суда о выплате алиментов, и т. д.

В большинстве случаев сотрудники группы расследования работают с лицами, сознательно уклоняющимися от выполнения законных требований соответствующих ведомств, но только в качестве уполномоченных помощников последних. Целью их деятельности является доведение до сведения правонарушителей информации (письменно или устно) о необходимости урегулирования существующих проблем в соответствии с требованиями закона.

Расширение полномочий внешней службы ведомства, допустимость применения ее сотрудниками силы с целью обеспечения правопорядка, оснащение их огнестрельным оружием повлекло за собой необходимость внесения изменений в процесс их подготовки и переподготовки. Особенно отчетливо эта тенденция просматривается в крупных городах. Так, муниципалитет Франкфурта счел необходимым для более эффективного решения данного вопроса ввести в штатный состав ведомства группу инструкторов, имеющих многолетний опыт службы в правоохранительных органах, обладающих требуемой теоретической и практической подготовкой, прошедших также обучение в Гессенском университете полиции и управления по оперативной тактике, огневой и специальной подготовке и имеющих соответствующие лицензии. Проводимые ими тренировки с сотрудниками носят плановый характер и обязательны для всех вне зависимости от их специализации в рамках ведомства. Проходят они обычно в спортивных центрах, которые либо принадлежат правоохранительным органам, либо арендуются ими.

Хорошая физическая подготовка является непременным атрибутом не только действующих сотрудников, но и граждан, желающих продолжить свою профессиональную деятельность в данном муниципальном органе. Проверяется она при проведении входного тестирования, состоящего из четырех-пяти различных упражнений, при выполнении которых контролируется сила, выносливость, скорость, быстрота реакции и волевые качества соискателя. Формы тестирования могут отличаться в различных федеральных землях, но, как правило, испытание включает в себя челночный бег, отжимания, ситап-упражнения и куперовский тест.

Кроме того, сотрудники ведомства при поступлении на службу обязательно проходят интеллектуальное тестирование, в ходе которого проверяются навыки логического

мышления, измеряются показатели памяти, внимательности, скорости реакции, а также стрессоустойчивости. Региональные работодатели считают, что необходимый уровень данных характеристик не только позволит соискателю поступить на службу в ведомство, но и обеспечит возможность совершенствования в теоретической подготовке, включающей в себя, помимо стандартных для сотрудников ведомств базовых знаний в области муниципального права, специального регулятивного права, административного права, также основы знаний уголовного, уголовно-процессуального и полицейского права, на изучение которых в последние годы отводится все больше учебного времени. Это в значительной степени приближает объем и содержание теоретического обучения сотрудников ведомства к стандартам, используемым при подготовке и переподготовке полицейских¹.

Повышение уровня подготовки сотрудников заметно повысило эффективность работы данного органа, его авторитет среди населения и тем самым содействовало в целом успешному на данный момент решению концептуальной задачи, поставленной изначально перед данным органом, – обеспечивать безопасность на территории муниципалитета, находиться в постоянном контакте с гражданами, осуществляя мониторинг соблюдения общественного порядка на муниципальном уровне, то есть «быть глазами и ушами муниципалитетов»² и своим зримым присутствием на улицах поселений поддерживать на необходимом уровне чувство безопасности и защищенности у граждан.

Эволюционное развитие муниципального органа, в котором явно просматривается тенденция наделяния ведомств дополнительными серьезными полномочиями, позволяет рассматривать данный орган в качестве значимого элемента немецкой системы обеспечения законности и правопорядка, придающего ей необходимый баланс в работе на первичном уровне административного управления – муниципальном, исключительно важном с учетом того, что все действия государственного управления на более высоких уровнях в значительной степени основываются на его эффективном функционировании.

Список источников

1. Улезько С. И. Преступления против общественной безопасности // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Бойко. Ростов н/Д, 1996. 734 с.
2. Тахтарова С. С. Концепт «Ordnung» как культурная доминанта в немецкой лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-ordnung-kak-kulturnaya-dominanta-v-nemetskoj-lingvokulture> (дата обращения: 17.02.2023).

References

1. Ulezko, S. I. 1996, 'Crimes against Public security', in A. I. Boyko (ed.), *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*, Rostov-on-Don.
2. Takhtarova, S. S. 2009, 'The concept of "Ordnung" as a cultural dominant in German linguoculture', *Bulletin of the Adygea State University, Series 2, Philology and Art History*, iss. 3, viewed 17 February 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-ordnung-kak-kulturnaya-dominanta-v-nemetskoj-lingvokulture>.

¹ См.: <https://www.kommunale-ordnung.de/wp-content/uploads/2014/10/Heinrich.pdf> (дата обращения: 16.02.2023).

² См.: <https://www.ludwigsfelde.de/die-augen-und-ohren-der-stadt/> (дата обращения: 19.02.2023).

Информация об авторе

Ю. А. Воробьев – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the author

Ju. A. Vorob'ev – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 27.07.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 27.07.2023.

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

Научная статья

УДК 343.847«1941/1945»

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.374-388

К ВОПРОСУ О ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Юрий Арсенович Реент¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, reent2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8378-6106>

Аннотация. В статье освещается ряд исторических событий, связанных с внесудебным ограничением и лишением свободы некоторых категорий лиц по национальному признаку в условиях военного времени. На архивных документах, затрагивающих данную тематику, долгое время стоял гриф секретности, что до сих пор снижает степень информированности о них широкой научной общественности. Методологическая основа работы базируется на историко-правовых и общенаучных системно-синергетических подходах, а также на принципах историзма и междисциплинарности. Цель статьи состоит в выявлении режима содержания и использования немцев Поволжья в качестве мобилизованных в трудовые колонны и лагеря НКВД СССР. Материалы исследования подтверждают, что основными задачами, поставленными перед руководством учреждений ГУЛАГа, являлись содержание в изоляции советских граждан немецкой национальности в связи с подозрением в антисоветской деятельности, а также активное использование их в качестве фактически бесплатной рабочей силы. При этом выясняется, что трудовой вклад этой категории граждан СССР был значительным и несколько не уступал другим категориям трудящихся, но последствия депортации стали более тяжелыми. Предлагаемые материалы и выводы могут быть интересны историкам, правоведам, политологам, а также специалистам пенитенциарной системы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, исправительно-трудовая система СССР, принудительная депортация, АССР немцев Поволжья, социально-правовое положение мобилизованных в трудовые отряды, НКВД СССР

Для цитирования

Реент Ю. А. К вопросу о трудовой мобилизации поволжских немцев в годы Великой Отечественной войны // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 3. С. 374–388. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.374-388.

© Реент Ю. А., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

TIME LENS

Original article

ON THE ISSUE OF LABOR MOBILIZATION OF VOLGA GERMANS IN THE YEARS THE GREAT PATRIOTIC WAR

Jurij Arsenovich Reent¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, reent2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8378-6106>

Abstract. The article highlights a number of historical events related to the extrajudicial restriction and deprivation of liberty of certain categories of persons on the basis of nationality in wartime conditions. Archival documents concerning this subject have been classified for a long time, which still reduces the degree of awareness of the general scientific community about them. The methodological basis of the work is based on historical-legal and general scientific system-synergetic approaches, as well as on the principles of historicism and interdisciplinarity. The purpose of the article is to identify the regime of detention and use of Volga Germans as mobilized in labor columns and camps of the NKVD of the USSR. The research materials confirm that the main tasks assigned to the leadership of the GULAG institutions were the isolation of Soviet citizens of German nationality due to suspicion of anti-Soviet activities, as well as their active use as virtually free labor. At the same time, it turns out that the labor contribution of this category of citizens of the USSR was significant and in no way inferior to other categories of workers, but the consequences of deportation became more severe. The proposed materials and conclusions may be of interest to historians, jurists, political scientists, as well as specialists of the penitentiary system.

Keywords: The Great Patriotic War, the correctional labor system of the USSR, forced deportation, the ASSR of Volga Germans, the social and legal status of those mobilized into labor detachments, the NKVD of the USSR

For citation

Reent, Ju. A. 2023, 'On the issue of labor mobilization of Volga Germans in the years The Great Patriotic War', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 374–388, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.374-388.

Высокий интерес российского общества к собственной истории во многом объясняется переменами, происходящими в жизни нашего государства. Обращение к прошлому продиктовано стремлением найти в нем ответы на разнообразные вопросы современности, в том числе попытаться оценить имеющийся, но нередко забытый и неоднозначный опыт организации, поддержания правопорядка в экстремальных условиях. В целом через призму истории, возможно, легче понять современные направления развития. Осмысление имеющегося опыта карательной политики является необходимым элементом, сопутствующим любым серьезным социальным реформам. Представляется естественным, что значительный интерес может вызвать законодательная и правопримени-

тельная практика военного времени, опыт деятельности силовых органов в условиях радикальных преобразований, кризисных ситуаций в обществе и государстве. В этой плоскости можно рассмотреть и элементы пенитенциарной системы, действовавшие в условиях Великой Отечественной войны.

Так исторически сложилось, что среди многих народов, вошедших в состав населения государства Российского, но не имевших там собственной аборигенной территории, оказались немцы. Первые группы переселенцев появились тут еще в правление Ивана Грозного, а при императрице Екатерине II этот процесс приобрел массовый характер. Будучи в основе своей людьми трудолюбивыми и хорошими профессионалами в различных областях, они оказались востребованными на новой родине, где быстро прижились, но не потеряли национальной идентичности. После Октябрьской революции 1917 г. советское правительство, несмотря на лишь недавно завершившуюся Первую мировую войну, отнеслось к российским немцам вполне лояльно. Уже в октябре 1918 г. была создана Область немцев Поволжья, а на основании постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 13 декабря 1923 г. учреждается Автономная область немцев Поволжья, преобразованная позже в Автономную Социалистическую Советскую Республику немцев Поволжья¹. Начало Второй мировой войны заставило вновь обратиться к вопросам национальных взаимоотношений.

Оценивая многообразие вышедших по данной проблематике публикаций, степень ее разработанности сложно назвать достаточной. Доперестроечный период в отношении научного и литературного освещения вопросов депортации народов в той или иной степени характеризовался очевидной тенденцией к идеологизации и запретам. Реализация политики «гласности» позволила поднять активность исследователей. Так, в сборнике «Советские немцы: история и современность» (М., 1989) подавляющее число статей нацелено на данную тематику. Среди них можно назвать публикации Л. Г. Агарышева и Н. В. Бибарсовой «Патриотический труд советских немцев на предприятиях Урала в годы Великой Отечественной войны», Э. Ф. Айриха «Советские немцы в трудармии», В. Дайнеса «Участие советских немцев в защите социалистического Отечества», М. П. Лайгера «Из истории советских немцев в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие (На материалах Казахстана)» и др.

Вторая «волна» публикационной активности пришлась на тяжелые 90-е годы прошлого века, когда страну охватила безработица, давил криминальный пресс. В этот период объединенная Германия, испытывавшая демографический кризис, активно заманивала «советских» немцев возвратиться на землю древних предков. Действенным психологическим подспорьем могли стать воспоминания о тяготах и лишениях, выпавших на долю представителей этой нации в годы военных испытаний. В научно-литературной сфере появились сборники «Немецкий российский этнос: вехи истории» (М., 1994), «Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект» (М., 1998), «Российские немцы в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности» (М., 1999), «Наказанный народ: репрессии против российских немцев» (М., 1999); отдельные издания: А. А. Герман «Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть 2. Автономная республика. 1924–1941» (Саратов, 1994; переиздана в Москве в 2007 г.) и др.

¹ См.: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 20 февраля 1924 г. «Об Автономной Социалистической Советской Республике немцев Поволжья» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1961.htm (дата обращения: 18.01.2023).

Позже увидели свет труды как оставшихся в России немцев: двухтомная «Книга памяти немцев-трудоармейцев Богословлага: 1941–1946» (М.; Нижний Тагил, 2008), так и уехавших репатриантов: В. Дизендорф, Я. Гербер (V. Diesendorf, J. Gerber) «Katharinenstadt-Baronsk-Katharinograd-Marxstadt-Marx: Das Schicksal einer riesigen deutschen Kolonie an der Wolga» (Deutschland, 2005). Имеются и диссертации, например: А. А. Шадт «Спецпоселения российских немцев в Сибири, 1941–1955 гг.» (Новосибирск, 2000), материалы международных научных конференций: «Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности» (Саратов, 14–19 сентября 2004 г.); «Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет» (Саратов, 26–28 августа 2011 г.) и др.

И наконец, значительный архивный материал опубликован в 3-м томе известного сборника документов «История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Экономика ГУЛАГа» (отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М., 2004). Тем не менее география большинства из этих публикаций чаще всего ограничена местами компактного проживания оставшихся в России и Казахстане немцев, а также документами и изданиями Мюнхенского института Восточной Европы, выходящими на русском, немецком и английском языках. Для нас особо важно, что подавляющее большинство из этих авторов беспристрастны в оценках прошедших событий, более того, многие из них нацеливают своих читателей на взаимопонимание и толерантность во взаимоотношениях с представителями многочисленных народов России.

В целом к началу 1941 г. в СССР проживало более 1,5 млн этнических немцев. В АССР немцев Поволжья насчитывалось лишь 365,7 тыс. чел. условно коренных жителей, что составляло 60,5 % от всего населения региона. Начало Великой Отечественной войны вынудило руководство страны вновь обратиться к проблеме «инородцев». В силу этого для недопущения «нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий» было принято решение принудительно переместить их в другие регионы [1, с. 68]. Отчасти одним из поводов к этому стало распоряжение командующего 11-й германской армией генерал-полковника Э. фон Шоберта, заявившего о защите и поддержке этнических немцев, проживавших на территории СССР, с целью использования их в местных оккупационных администрациях.

Встречается мнение, будто возрождение опыта «Трудармии» произошло с принятием Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР». Действительно, документ предусматривал подвергать аресту, проживавший среди немецкого населения «антисоветский элемент», а оставшихся мужчин в возрасте от 16 до 60 лет направлять в строительные батальоны. Удалось быстро мобилизовать 18 600 человек, направив их в Ивдельлаг, Соликамбумстрой, Богословстрой и Кимперсайлаг¹. Однако еще раньше аналогичную судьбу предрекли немцам Поволжья. Закреплено данное положение было Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (рис. 1). В нормативном документе подчеркивалось, что велика вероятность наличия скрытых врагов советской власти среди этой категории населения (рис. 2).

За сутки до этого вышел особо секретный приказ НКВД СССР № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев По-

¹ См.: О немцах, проживающих на территории Украинской ССР : Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 6.

волжья, Саратовской и Сталинградской областей». Согласно ему, для их депортации было выделено до 5 тыс. сотрудников НКВД и 10 тыс. солдат. Операцией, проходившей с 3 по 20 сентября, руководили заместитель наркома внутренних дел И. Серов и заместитель начальника конвойных войск М. Кривенко. Каких-либо фактов организованного сопротивления не выявлено. С одной стороны, в определенной мере это связано с хорошей организацией мероприятия. Депортируемым разрешили взять с собой личное имущество и продовольствие общим весом до 1 т на семью. При передислокации они получали бесплатно горячее питание два раза в сутки и 500 г хлеба на человека. С другой стороны, они оставляли свои дома, хозпостройки, скот, за неявку на призывные или на сборные пункты для отправки виновные привлекались к уголовной ответствен-

срочит возврату в течение 24 часов (Пост. ПБ ЦК от 5.V.27 г., пр. № 100, п. 5)
2-ю часть Особого Сектора ЦК

СТРОГО СЕКРЕТНО
(из о. п.)

Союзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ ПЗ5/1

Членам и кандидатам Политбюро ЦК ВКП(б):
т.т. Андрееву, Берия, Вознесенскому, Ворошилову,
Жданову, Кагановичу, Калинин, Маленкову,
Микояну, Молотову, Сталину, Хрущеву,
Швернику, Щербакову, *Тадисеву.*

6. августа 1941 г.

Выписка из протокола № 35 заседания Политбюро ЦК от 1941 г.

Решение от 26.VIII.41 г.

1. - О переселении немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей.
(Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)).

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Переселить всех немцев из республики Немцев Поволжья и из Саратовской и Сталинградской области общей численностью 479.841 человек в следующие края и области:

Красноярский край	-	75.000 чел.
Алтайский край	-	95.000 "
Омская область	-	85.000 "
Новосибирская область	-	100.000 "
Казахская ССР	-	125.000 "

в том числе:

Семипалатинская область	-	18.000 "
Акмолинская область	-	25.000 "
Северо-Казахстанск. обл.	-	25.000 "
Кустанайская область	-	20.000 "
Павлодарская область	-	20.000 "
Восточно-Казахстанск. обл.	-	17.000 "

Переселению подлежат все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР. Предоставить НКВД СССР право привлекать к работе по переселению Наркомзем, Наркомсовхозов и Переселенческое Управление при СНК СССР в центре и их органы на местах

(см. 2 стр.)

Рис. 1. Решение ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. № 35 «О переселении немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»

быть не более, если нет по специальной отчетности ЦК
Одновременно с решением ЦК ВКП(б) на лиц, включенных в списки, составляющие
Одновременно с решением ЦК ВКП(б) на лиц, включенных в списки, составляющие
и в при личной подписи
СССР. ...

ности с рассмотрением дел на Особом Совещании вплоть до применения расстрела. Так, более полумиллиона немцев, проживавших в Поволжье, в кратчайшие сроки были перемещены в Сибирь и Среднюю Азию [2].

Следует отметить, что до последнего момента у местного населения не возникало подозрений, что их планируют внезапно выселить и приравнять к осужденным. Напротив, велась активная пропаганда, нацеливавшая на повышение производительности труда по месту жительства. В местных газетах отмечались успехи рабочих и крестьян, организовавших свой труд «по-стахановски». Местное партийное руководство докладывало: «На 1 августа 1941 г. по республике 1707 женщин заменили на производстве мужчин, ушедших на фронт. Из них 392 – вернулись на работу в качестве трактористок,

Рис. 2. Выпуск газеты «Большевик» от 30 августа 1941 г. с указом о депортации (г. Энгельс)

215 – в качестве комбайнеров и штурвальных, 14 – в качестве шоферов. Работницы и инженерно-технический состав фабрики имени К. Либкнехта в г. Бальцере работали в выходной день и всю заработанную сумму – 10 770 руб. передали в фонд обороны. Колхозники колхоза им. Сталина Лизандергейского кантона собрали для раненых бойцов госпиталя в г. Энгельсе по одному центнеру масла и молока, три центнера мяса, 50 кг сыра. Широкое распространение получило донорство. Если до войны в Бальцерском кантоне было всего 4 донора, то к августу 1941 г. их стало 1005. В августе кровь сдали: в Энгельсе – 470 доноров, в Шиллинге – 233, в Байдеке – 255, десятки и сотни людей в других населенных пунктах»¹ [5].

Кроме того, Постановлением Государственного комитета обороны (далее – ГКО) от 10 января 1942 г. № 1123сс предписывалось направить на принудительные работы в подчинение структур Народного комиссариата обороны СССР приблизительно 120 тыс. немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет из числа выселенных в Красноярский и Алтайский края, Новосибирскую и Омскую области и Казахскую ССР. Согласно приказу главы НКВД СССР Л. П. Берия от 12 января 1942 г. № 0083 при исправительно-трудовых лагерях НКВД началась организация трудовых отрядов из мобилизованных немцев. Первоначально 80 тыс. чел. распределили по 8 учреждениям: Ивдельлаг, Севураллаг, Усольлаг, Вятлаг, Усть-Вымлаг, Краслаг, Бакаллаг и Богословлаг. Последние два лагеря предназначались исключительно для мобилизованных немцев. Позже определились новые территории, где осуществляли их трудовую мобилизацию. Постановлением ГКО от 7 октября 1942 г. № 2383сс возрастные рамки для мужчин немецкой национальности расширились от 15 до 55 лет, а также вводилась мобилизация для женщин в возрасте от 16 до 45 лет².

Следует отметить, что основным пользователем трудовых ресурсов из числа мобилизованных немцев выступал ГУЛАГ, но значительное их число прошло и через Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (ГУПВИ). В компетенцию одного из двух его управлений с 20 февраля 1945 г. по 30 января 1946 г. входила организация деятельности 220 рабочих батальонов интернированных и мобилизованных немцев [3, с. 163]. В соответствии с Постановлением ГКО СССР к принудительным работам должны были привлекаться советские граждане немецкой, финской и румынской национальностей. За период с 1942 по 1944 год для этих категорий населения были применены несколько мобилизаций. Как правило, их направляли на важнейшие стройки, подведомственные НКВД СССР, но не являлось редкостью и распределение на предприятия других наркоматов. «Всего за данный период было мобилизовано свыше 400 000 человек, из которых 220 000 направлено для трудового использования в системе НКВД и 180 000 – на объекты других наркоматов» [4, с. 138].

По другим источникам, «в военный период в рабочих колоннах НКВД СССР находилось 150 300 чел., из них 31 600 – бывших заключенных, осужденных за прогулы, самовольное покидание места работы и преступления небольшой степени тяжести; 92 000 – этнических немцев, граждан СССР; 2400 – финнов; 3200 – румын; 300 – венгров; 100 – итальянцев; 4500 – болгар; 3200 – греков; 1000 – корейцев; 5000 – крымских

¹ Докладная записка первого секретаря обкома ВКП(б) АССР НП С. Малова на имя И. В. Сталина от 31 июля 1941 г. // История немцев России. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/21/34> (дата обращения: 04.02.2023).

² См.: О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР : Постановление Государственного комитета обороны СССР от 7 октября 1942 г. № 2383сс // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. Д. 61. Л. 138-140.

татар; 1700 – калмыков; 800 – молдаван; 4500 – лиц прочих национальностей»¹. На наш взгляд, такое несоответствие цифр отчасти вызвано тем, что в последнем случае не попали под учет лица, мобилизованные после завершения Великой Отечественной войны. Есть определенные сомнения и в точности проводившегося учета, вызванного передачей этой категории перемещенных граждан в распоряжение ведомств, не входивших в состав НКВД.

И все же глубоко заблуждаются те, кто оценивает данные мероприятия всего лишь как разновидность массовой административной высылки. Реальный статус перемещенных граждан немецкой национальности существенно изменился, поскольку уже с 1942 г. все, достигшие совершеннолетия, должны были направляться в рабочие колонны при исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР. Считается, что немцев, как правило, не могли призывать в действующую армию, поэтому проведение трудовой мобилизации иногда преподносят как неизбежную альтернативу. На деле все обстояло не совсем так, поскольку в начале войны в Красной Армии проходило службу не менее 30 тыс. этнических немцев. К концу войны звание Героя Советского Союза получили не менее 7 из них.

Что же касается состава трудовых отрядов из мобилизованных немцев, то в среднем каждый насчитывал по 1500–2000 чел. Они подразделялись на построенные по производственному принципу колонны численностью от 250 до 500 чел. Последние состояли из бригад, включавших в себя 35–100 чел. в возрасте от 17 до 50 лет. Руководили ими назначаемые лагерным руководством бригадиры-мастера, как правило, из специалистов немцев.

Специфика социально-правового положения депортированных состояла в том, что они не могли расселяться как местные жители в частном или государственном жилом фонде. Фактически такой подход разбивал семьи, оставляя детей без кормильцев. Мобилизованные немцы должны были находиться на казарменном положении. Каждая колонна размещалась в одном из бараков, поддержание порядка в которых осуществляли, как правило, лица, освобожденные от тяжелого физического труда. Особенность такого проживания состояла в том, что вокруг этих бараков устанавливали ограждение, границы которого находились под надзором военизированной охраны ГУЛАГа. Внутри зоны допускалось свободное перемещение, содержались немцы изолированно от заключенных, находившихся в лагере. Выход за пределы зоны разрешался только в дневное время по особым пропускам или в строю, как правило, под облегченным конвоем. При этом формально устанавливалось, что на работу «идут строем под командой начальника колонны или другого командира. Колонны в пути на работу, на работе и при возвращении в зону не охраняются»².

Однако местное командование предпочитало перестраховываться и выделяло вооруженных конвоиров. Но основной причиной была не угроза побега. По воспоминаниям Леопольда Кинцеля, работавшего в лагункте Талица Ивдельлага, «к концу рабочего дня начальник лагеря посылал навстречу шедшим из леса подводу. Полностью обесиленных клали на нее и везли в «зону». Каждый день умирало по 10–12 человек. Начальник их не жалел, но был недоволен, что с учетом умерших ему не снижают план по

¹ О национальном составе заключенных в рабочих колоннах : справка ОУРЗ ГУЛАГа от 10 мая 1945 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1227.

² Положение о порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев от 12 января 1942 г. // ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960 / сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров. М., 2000.

заготовке леса» [5]. По разным данным, в 1942 г. из числа направленных в «Трудармию» немцев в разных ИТЛ в том же году погибли от 10 до 44 %.

Режим, в котором содержались депортированные немцы, устанавливался по образу и подобию того, который был предусмотрен для осужденных, направленных в ИТЛ. Это подразумевало прохождение регулярных проверок наличия людей по спискам колонны. Даже десятиминутное отсутствие или опоздание в строй кого-либо из их состава предусматривало немедленное объявление розыска с последующим расследованием силами оперативно-чекистского подразделения данного лагеря. Особо подчеркивалось, что в отрядах, колоннах и бригадах дисциплинарные требования приравнивались к самым строгим положениям для воинских подразделений.

Разного рода нарушения, выражавшиеся в халатном отношении к исполнению поручений, трудовых заданий или к поддержанию имущества и орудий труда в полной исправности, пререкания с лицами, назначенными для руководства и управления мобилизованным составом, должны были пресекаться с использованием ряда дисциплинарных взысканий. Назовем их:

- а) личный выговор и предупреждение;
- б) выговор перед строем;
- в) денежный штраф;
- г) назначение на самые тяжелые работы;
- д) арест в дисциплинарном порядке до 20 суток;
- е) строгий арест до 10 суток – стоимость содержания за время ареста удерживается из заработка подвергшегося наказанию;
- ж) предание суду»¹.

В случае назначения строгого ареста провинившегося размещали в одиночной камере и на работы не выводили. Спать он должен был на досках или даже на земле, а теплую пищу получал только раз в двое суток. В те дни, когда ее арестованному не выдавали, он мог надеяться только на краюшку хлеба, чай и воду. Прогулки на свежем воздухе предусматривались, но лишь раз в сутки продолжительностью до 30 мин. Отказ от работы или тем более дезертирство из рабочих колонн для мобилизованных немцев заканчивались привлечением к уголовной ответственности, что предусматривало наказание вплоть до расстрела.

При разработке соответствующих правил и положений практически никогда не подвергался сомнению тезис о том, что главной задачей, стоящей перед колоннами спецпереселенцев, является работа, обеспечивающая выполнение производственных планов и норм. Для достижения этой цели продолжительность рабочего дня определяли не менее 10 ч. Дни отдыха были вынуждены предоставлять, как правило, раз в 10 дней, но использовали их для обязательных культурно-воспитательных и банно-прачечных мероприятий.

Реализация последней позиции явно «хромала». Так, по итогам проведенной в феврале 1942 г. инспекции Бакальского ИТЛ в Челябинской области выяснилось, что жилые землянки там погрязли в антисанитарном состоянии, помывка в бане мобилизованных и осужденных была формальной и не обеспечивала достаточной санитарно-гигиенической обработки [6, с. 563]. Недоставало нормативного количества умывальников, уборных и помойных ям, а дезокамеры и прачечные вообще отсутствовали, что при-

¹ Положение о порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев.

вело к загрязнению территории лагеря. В итоге ее обитатели были «завшивлены», а из-за отсутствия чистой питьевой воды пили в сыром виде воду из реки, что вызывало желудочно-кишечные расстройства и болезни [4, с. 43–44].

Из доклада начальника УНКВД Чкаловской области В. И. Дмитриенко заместителю наркома внутренних дел Б. З. Кобулову от 8 января 1943 г. мы узнаем, что, помимо отмеченного выше, в местах расселения немцев-спецпереселенцев не все жилые помещения имели крыши, бараки были перегружены вдвое, процветали болезни. «Вследствие отсутствия пекарен мобилизованным немцам выдавалось 300 г хлеба в день, остальное они получали сырым тестом. В некоторых случаях в течение нескольких дней они не получали и этого. Все это привело к массовым отказам от выхода на работу и невыполнению производственных планов» [7, с. 45].

Схожей была ситуация с рабочими батальонами немцев, закрепленными за предприятиями гражданских наркоматов. Из-за плохих условий содержания в них за 1945–1946 гг. умерли или совершили побег 41 539 чел. В значительной мере эти показатели зависели от отношения к ним со стороны командования. Известно, что начальник Тагилстроя НКВД СССР генерал-майор Царевский заботился о спецконтингенте, «спас от голода и истощения уцелевших после невыносимо трудной зимы 1942–1943 годов». Как следствие, побег и акции протеста там были крайней редкостью. А начальник Челябинметаллургстроя генерал-майор Комаровский в числе основных методов взаимодействия с трудармейцами ввел расстрелы даже за самые малые провинности. И неудивительно, что их дезертирство там стало обыденным явлением, тем более что на многих предприятиях и в колхозах, где был острый дефицит рабочих рук, покинувших трудовые колонны принимали без документов.

Любопытно, что в период 1945–1946 г. было репатриировано 68 489 немцев, причем не только из числа интернированных, но и трудомобилизованных граждан СССР. В итоге количество рабочих батальонов сократилось в полтора раза (с 221 до 151), а численность их контингента – с 208 239 до 98 211 чел.¹

Отметим, что в исправительно-трудовых лагерях содержались и военнопленные немцы. Согласно Положению о военнопленных от 1 июля 1941 г., из их числа в обязательном порядке привлекались к труду только рядовые и унтер-офицеры. Офицеры и приравненные к ним лица могли работать, но лишь по собственному желанию. На таких военнопленных распространялись постановления об охране труда и рабочем времени, применяющиеся к гражданам СССР [8, с. 230–231]. В отличие от пленных немцев, мобилизованные немцы-переселенцы были обязаны не просто выполнять установленные производственные нормы, но и отработать полную себестоимость своего содержания в лагере.

Не стоит полагать, что лишённые семей, изнуренные тяжелым трудом и ужасными бытовыми условиями люди безропотно несли свой «тяжкий крест». Недовольство время от времени прорывалось в разных формах. Чаще всего это было мелкое вредительство, саботаж, но отмечались и отдельные акции массовых протестов, выразившиеся в отказе от выполнения производственных норм. В связи с этим вскоре вышел Циркуляр НКВД СССР от 14 июля 1943 г. № 363 «Об усилении борьбы с отказами заключенных от работы». В нем подчеркивалось, что подобные дисциплинарные нарушения в условиях военного времени должны оцениваться как особо опасные уголовные преступления и соответствующим образом наказываться².

¹ См.: Российский государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 41, 45, 47.

² См.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1227. Л. 223.

Для того чтобы как-то стимулировать такой рабский труд были предусмотрены и некоторые, правда, очень скромные формы поощрения. В частности, за выполнение и перевыполнение производственных норм труженики отряда могли надеяться на благодарность, улучшенное питание или условия проживания, а также на снабжение постельным бельем. В особых случаях производилось премирование одеждой, предоставлялось право переслать семье часть заработка, полученного сверх установленной полной себестоимости содержания в лагере. Однако система поощрений, безусловно, уступала практиковавшейся системе наказаний.

Е. А. Ковалева подтверждает: «Нередко в ИТЛ содержались разные контингенты – мобилизованные немцы, иностранные военнопленные, заключенные, которые совместно выполняли работы в рамках общих экономических задач, поставленных перед лагерем. В отличие от колоний, подчинение которых было территориальным, подчинение лагерей определялось их производственным профилем» [4, с. 34]. Например, контингент Бакальского исправительно-трудового лагеря (Бакаллаг), строивший Челябинский металлургический и коксохимический заводы, подчинялся Главному управлению лагерей промышленного строительства, состоял в основном из мобилизованных немцев. Общее их количество на 31 января 1942 г. составляло 42 373 чел. [9, с. 155].

Как и в Бакаллаге, в ИТЛ Рудбакалстроя, располагавшемся на станции Бакал Южно-Уральской железной дороги, основу «населения» лагеря составляли мобилизованные немцы. Через Богословлаг (Свердловская область) с 1941 по 1946 год прошло 20 711 чел. (29,3 %), через Тагиллаг (Челябинская область) с 1942 по 1946 год – 7 249 трудмобилизованных немцев (7 % от всего состава), в ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой с 1942 по 1946 год – более 38 000 чел. (42,2 %). По разработанным планам последний из этих лагерей должен был быть укомплектован исключительно трудармейцами [10].

Необходимо отметить, что на территории Урала размещалось 9 из 15 исправительно-трудовых лагерей Советского Союза, где содержался контингент из числа трудмобилизованных. В Бакальском ИТЛ (Челябметаллургстрой) сконцентрировалось наибольшее количество мобилизованных немцев по стране. На 1 июня 1942 г. их число составляло 99 % от общего количества трудившихся¹. К 1944 г. данный показатель снизился до 65 % [11, с. 77–78]. При этом характерно, что по месту рождения большая часть состава трудмобилизованных была представлена Поволжьем (46,4 %) и Украиной (35,7 %).

Мобилизованные немцы использовались и на работах треста «Туймазанефть» Башкирской АССР. Так, в период с 1 октября 1944 г. по 1 апреля 1945 г. на предприятии работало 333 чел. из числа мобилизованных². К 1 июня 1944 г. в лагере Челябинского металлургического строя содержалось 20 704 мобилизованных немца, 9530 – заключенных, 1537 – мобилизованных из Среднеазиатского военного округа. Сведения, приведенные в таблице, подтверждают, что около 57,6 % всех мобилизованных в рабочие колонны немцев были распределены в лагеря НКВД СССР. Если учесть, что остальное их количество было «распылено» в 22 наркоматах и ведомствах, то руководящая роль ГУЛАГа не подвергается сомнению.

Несмотря на некоторое снижение численности, мобилизованные немцы продолжали оставаться основной категорией контингента ИТЛ Челябинского металлургического строя и в послевоенные годы. В приказе начальника лагеря от 19 сентября 1946 г. отмечено: «Все бывшие

¹ См.: Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р – 1075. Оп. 1. Д. 200. Л. 87; Ф. 1619. Оп. 2. Д. 4. Л. 57–58.

² См.: Национальный архив республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 25. Д. 40. Л. 15.

трудмобилизованные в рабочие колонны немецкой национальности с 01.04.1946 переведены на положение спецпоселенцев и закреплены на предприятиях ЧМС и СУ-859, как вольнонаемные, с вытекающими отсюда правами и обязанностями. Другие национальности, кроме немецкой... переведены на вольнонаемное положение и... не должны числиться спецпоселенцами. Правовое положение спецпоселенцев определено Постановлением СНК СССР от 08.01.45 № 35»¹.

Таблица

Численность немцев-трудармейцев на объектах НКВД СССР и других наркоматов в 1942–1945 гг.*

По состоянию на	В НКВД СССР	В других наркоматах	Всего
01.01.1942	20 800	–	20 800
01.07.1942	120 722	–	120 722
01.07.1943	104 276	112 075	216 351
01.01.1944	106 669	118 376	225 045
01.06.1944	107 214	120 094	227 310
01.05.1945	96 600	около 123 000	около 219 000
Всего мобилизовано за годы войны	Свыше 182 000	Свыше 133 000	Свыше 316 000

* *Источник:* История немцев России. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/21/63> (дата обращения: 04.02.2023).

В 1947 г. трудовую армию расформировали. (Официально этот термин не применялся, но в повседневном общении его использовали, памятуя о подобных формированиях периода гражданской войны.) Этническим немцам разрешалось вернуться в изначальные места поселения, если они расположены в удаленных от крупных городов регионах. Однако вскоре по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. № 133/12д № 111/45 все представители национальностей, высланных в годы войны, были приговорены к вечной ссылке. Устанавливалось, что попытки побега из этих мест подлежат наказанию в форме направления на каторгу сроком 20 лет². Перед смертью И. В. Сталина и последовавшей за этим массовой амнистией в качестве спецпоселенцев числилось более 1200 тыс. немцев. Ограничения для депортированных немецких переселенцев отменили в конце 1955 г. При этом в соответствующем Указе Президиума Верховного Совета СССР уточнялось, что это решение не предполагает «возвращения имущества, конфискованного при выселении», но запрещает возвращение в места, откуда граждане были выселены [5].

Подводя краткий итог, следует признать, что в действительности положение трудмобилизованных и заключенных в исправительно-трудовых лагерях было практически идентичным. Это касалось как неудовлетворительных условий содержания, так и отношения со

¹ ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2. Д. 44. Л. 86; Оп. 1. Д. 396. Л. 132–133.

² См.: Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы СССР в период Отечественной войны : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. № 133/12д № 111/45 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза ССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4727.htm (дата обращения: 21.01.2023).

стороны лагерной администрации¹. Но если обычные осужденные по уголовным статьям часто после истечения срока заключения могли вернуться на родину, то трудомобилизованные из числа репрессированных национальностей такого права были лишены. Позже большинство из них были реабилитированы, национальные автономии восстановлены, но республика немцев Поволжья так и не возродилась. Большинство ее бывших жителей остались проживать на Урале, в Восточной Сибири и Казахстане. И нужно отдать должное, их вклад в укрепление экономики страны был по-настоящему достойным уважения.

Если же оценить отношение властей к «русским» немцам в течение Первой и Второй мировых войн, то можно проследить кардинально отличающиеся подходы. В первом случае, разумеется, также повсеместно испытывали определенное недоверие к русским подданным, представляющим национальности, воюющие против России. Но это никогда не являлось поводом для всеобщих обвинений, огульного заточения в лагеря и тюрьмы. В период же Великой Отечественной войны представители немецкой национальности раньше всех репрессированных народов подверглись дискриминации и позже всех от нее освободились. Характер исполнения избранных для них санкций нередко был жестче, чем в отношении реальных предателей или уголовных преступников. Отмечается, что в результате принудительного переселения Автономная республика поволжских немцев не была восстановлена, но в Омской области, Алтайском крае и в северных регионах Казахстана до распада СССР немцы по численности были второй национальной группой. Оценка, согласно которой «депортация, ставшая в условиях войны грубой неадекватной перестраховкой сталинского режима» [12, с. 169], имеет полное право на существование. Историко-правовой урок этих событий свидетельствует о том, что в условиях современных политических конфликтов подобные решения не должны приниматься.

Список источников

1. Вашкау Н. Э. Немцы в России: история и судьба. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 1994. 73 с.
2. Волынец А. Карательные меры против всего немецкого населения Поволжья... // ТАСС. 2021. 27 авг. URL: <https://tass.ru/opinions/12224443> (дата обращения: 10.01.2023).
3. Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы) : монография. Вологда : Древности Севера, 2016. 527 с.
4. Ковалева Е. А. Исправительно-трудовые учреждения на территории Южного Урала в 1941–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2017. 222 с.
5. Шмараева Е. Народ выходил смотреть на нас: «Фашистов везут». Краткая история этнических немцев в ГУЛАГе. Война // Deutsche Welle. 2016, 16 нояб. URL: <https://notabler.livejournal.com/606328.html> (дата обращения: 21.01.2023).
6. Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1951 / под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград : Альянс «Югполиграфиздат», 2006. Т. 5. Кн. 2. 1086 с.
7. Кутякин С. А. Историко-документальный анализ вклада в победу в Великой Отечественной войне труда заключенных и лиц, мобилизованных в рабочие колонны ГУЛАГа НКВД СССР // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 1. С. 41–47.
8. Суржикова Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2006. 499 с.

¹ См.: ОГАЧО. Ф. Р – 1619. Оп. 2. Д. 4. Л. 43, 70.

9. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справочник / сост. М. Б. Смирнов. М. : Звенья, 1998. 597 с.

10. Кириллов В. М., Разинков С. Л. Трудмобилизованные немцы в лагерях Урала: историко-сравнительный анализ. URL: <https://gedenkbuch.rusdeutsch.ru/upload/files/lssledovania/034.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).

11. Гончаров Г. А. «Трудмобилизованный» контингент исправительно-трудовых лагерей Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2012. № 25(279). С. 75–81.

12. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост. В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева. М. : МИГУП, 1993. 447 с.

References

1. Vashkau, N. E. 1994, *Germans in Russia: History and fate*, Volgograd State University, Volgograd.

2. Volynets, A. 2021, 'Punitive measures against the entire German population of the Volga region', TASS, 27 August, viewed 10 January 2023, <https://tass.ru/opinions/12224443>.

3. Kuzminykh, A. L. 2016, *Military captivity and internment in the USSR (1939–1956): monograph*, Antiquities of the North, Vologda.

4. Kovaleva, E. A. 2017, *Correctional labor institutions on the territory of the Southern Urals in 1941–1953: PhD thesis (History)*, Orenburg.

5. Shmaraeva, E. 2016, 'People came out to look at us: "Fascists are being driven." A brief history of ethnic Germans in the Gulag. War', *Deutsche Welle*, 16 November, viewed 21 January 2023, <https://notabler.livejournal.com/606328.html>.

6. *Regional structures of the GUPVI NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1941–1951* 2006, vol. 5, iss. 2, M. M. Zagorulko (ed.), Alliance "Yugpoligrafizdat", Volgograd.

7. Kutyakin, S. A. 2022, 'Historical and documentary analysis of the contribution to the victory in the Great Patriotic War of the labor of prisoners and persons mobilized into the working columns of the GULAG of the NKVD of the USSR', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 41–47.

8. Surzhikova, N. V. 2006, *Foreign prisoners of war of the Second World War in the Middle Urals*, Humanitarian University, Yekaterinburg.

9. Smirnov, M. B. (comp.) 1998, *The system of correctional labor camps in the USSR, 1923–1960*, Handbook, Moscow.

10. Kirillov, V. M. & Razinkov, S. L. n.d., *Labor-mobilized Germans in the camps of the Urals: historical and comparative analysis*, viewed 20 January 2023, <https://gedenkbuch.rusdeutsch.ru/upload/files/lssledovania/034.pdf>.

11. Goncharov, G. A. 2012, 'The "labor-mobilized" contingent of correctional labor camps in the Urals during the Great Patriotic War', *Bulletin of Chelyabinsk State University, History*, iss. 25(279), pp. 75–81.

12. Auman, V. A. & Chebotareva, V. G. (comp.) 1993, *History of Russian Germans in Documents (1763–1992)*, MIGUP, Moscow.

Информация об авторе

Ю. А. Реент – доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры филологии и истории.

Information about the author

Ju. A. Reent – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Philosophy and History.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 05.02.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 28.07.2023.

The article was submitted 05.02.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 28.07.2023.

Научная статья

УДК 343.81 «311»

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.389-397

АРЕСТАНТСКАЯ ОБЩИНА И ЕЕ ЛИДЕРЫ – «БРОДЯГИ» В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Сергей Алексеевич Кутякин¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, kutiakin@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится исследование исторических аспектов содержания феномена арестантской общины мест лишения свободы России XIX – начала XX в., дается психолого-криминологическая характеристика ее лидеров, относящихся к категории профессиональных преступников – «бродяг». Автор сделал вывод о том, что лидеры арестантской общины XIX – начала XX в. явились прообразом современных «воров в законе». Доработанная статья опубликуется с письменного разрешения интернет-сайта «Blog – Servitutis.Ru» от 21 октября 2022 г. Ссылка на первоначальный вариант статьи – <http://www.blog.servitutis.ru/?p=1146>.

Ключевые слова: арестантская община, «бродяги», «воры в законе», «иваны», каторга, места лишения свободы, осужденные, профессиональные преступники, тюрьма, уголовники

Для цитирования

Кутякин С. А. Арестантская община и ее лидеры – «бродяги» в местах лишения свободы России во второй половине XIX – начале XX в. // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 3. С. 389–397. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.389-397.

Original article

THE CONVICT COMMUNITY AND ITS LEADERS ARE "VAGRANTS" IN PLACES OF DETENTION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY.

Sergej Alekseevich Kutjakin¹

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, kutiakin@yandex.ru

Abstract. The article examines the historical aspects of the content of the phenomenon of the convict community of places of deprivation of liberty in Russia of the XIX – early

© Кутякин С. А., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

XX century, gives a psychological and criminological characteristic of its leaders belonging to the category of professional criminals - "vagabonds". The author concluded that the leaders of the convict community of the XIX – early XX century. they were the prototype of modern "thieves in law". The revised article will be published with the written permission of the Internet site "Blog - Servitutis.Ru " from October 21 , 2022 Link to the original version of the article – <http://www.blog.servitutis.ru/?p=1146>.

Keywords: convict community, "vagrants", "thieves in law", "ivans", penal servitude, places of imprisonment, convicts, professional criminals, prison, criminals

For citation

Kutjakin, S. A. 2023, 'The convict community and its leaders are "vagrants" in places of detention in Russia in the second half of the XIX – early XX century.', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 389–397, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.389-397.

История тюремного мира царской России второй половины XIX в. говорит нам о том, что арестанты в местах лишения свободы делились на касты-сословия. Одни из них занимали главенствующее положение, другие – подчиненное. Существовали также категории арестантов, которые по тем или иным причинам (предательство, доноительство, неисполнение взятых на себя перед другими арестантами обязательств и т. д.) преследовались остальными осужденными, хотя в отдельные касты-сословия не объединялись. Элиту тюремного мира России во второй половине XIX в. составляли «иваны» [1, с. 17]. По свидетельству В. М. Дорошевича, они представляли собой нечто вроде «рыцарского ордена»: держались особой компанией, стояли друг за друга и были неограниченными властелинами каторги; распоряжались жизнью и смертью других; были законодателями, судьями и палачами; изрекали и приводили в исполнение приговоры, иногда смертные, всегда непреложные [2, с. 210–214]. Объединяющим началом для «иванов» было то, что они происходили из категории «бродяг» – наиболее профессиональной части преступного мира. Свое прозвище они получили за то, что, не имея постоянного места жительства (или скрывая его при аресте) и уклоняясь от регистрации, имели возможность не контролируемого полицией передвижения по стране. Днем эти люди обычно отсыпались, а ночью «работали» в городах и их окрестностях, по барским и купеческим усадьбам, амбарам богатых мужиков, проезжим дорогам. Нередко их «работа» пахла кровью [3, с. 73]. При аресте и привлечении к уголовной ответственности «бродяги», не имея каких-либо устанавливающих личность документов, называли себя вымышленными именами (Иванами Ивановыми) и заявляли суду, что места рождения и родственников они не помнят или не знают. Вот как описывает свою встречу с «бродягой» исследователь мест лишения свободы России второй половины XIX в. Дж. Кеннан: «"Кто вы такой?" – спросил я. «Я бродяга», – отвечал он спокойно и серьезно. «Как вас зовут?» – «Иван Непомнящий», – сказал он...» [4, с. 180]. Такой ловкий ход затруднял действия полиции по установлению всей преступной деятельности «бродяги» и позволял привлекать его к уголовной ответственности лишь за то преступление, за которое он был задержан в последний раз. Кочевая жизнь «бродяги» была весьма удобна для профессиональных преступников и тем, что позволяла им не только скрывать свое преступное прошлое, но и легализоваться в обществе после побега из мест лишения свободы. В случае задержания «бродяг» за какое-либо (иногда незначительное) престу-

пление они получали возможность выправить себе документы на новое, придуманное ими имя и сменить свою старую преступную биографию на новую, более лояльную и законопослушную.

Таким образом, прозвище «бродяги» вполне отвечало образу жизни рассматриваемой категории преступников. Следует учитывать, что слово «бродяги» означает вольных и независимых людей с извечным стремлением к свободной жизни. Тюремные стены и неволя тяготят жизнь любого арестанта, но «бродяги» чаще других отваживались на совершение побегов из мест поселения, тюрем и с каторги. Своих намерений о совершении побега они не скрывали от других арестантов, а часто и от начальства. Вот что пишет, характеризуя «бродяг», их современник, а заодно товарищ по несчастью, бывший каторжанин Л. Мельшин: «Бродяги, вообще, являются сущим наказанием каждой партии. Это люди, по преимуществу испорченные, не имеющие за душой, что называется, *ni foi, ni loi*, но они цепко держатся один за другого и составляют в партии настоящее государство в государстве. Бродяга, по их мнению, высший титул для арестанта: он означает человека, которому дороже всего на свете воля, который ловок, умеет увернуться от всякой кары. В плутовских глазах бродяги так и написано, что какой, мол, он непомнящий! Он не раз, мол, бывал уже «за морем», то есть за Байкалом, в каторге, да вот не захотел покориться – ушел! Впрочем, он громко утверждает то же самое, глядя в глаза самому начальству» [5, с. 15].

Сила духа, нестигаемость воли, чувство собственного достоинства, бесстрашие, отвага, безудержная отчаянность и удасть возвышали таких людей над толпой и делали их бесспорными предводителями среди всей арестантской массы. Характеризуя одного из таких лидеров, Л. Мельшин пишет: «У Семенова, например, было в высшей степени развито чувство какого-то особенного, мрачного и, пожалуй, даже страшного человеческого достоинства, чувство своеобразной арестантской чести и товарищества...» [5, с. 107]. Ф. М. Достоевский в знаменитых «Записках из Мертвого дома» отмечает: «В каторге было несколько человек, метивших на первенство, на знание всякого дела, на находчивость, на характер, на ум. Многие из таких действительно были люди умные, с характером и действительно достигали того, на что метили, то есть первенства и значительного нравственного влияния на своих товарищей» [6, с. 103].

Создав для себя исключительное положение в тюрьме, «бродяги» оказывали огромное моральное воздействие на других осужденных. Особенно велико было их влияние на новичков тюремной жизни из числа молодых, неопытных арестантов, которых они вводили в курс тюремной жизни и психологически примиряли с их новым положением. Всякие вопросы арестантской жизни находили с их стороны грамотное и вразумительное толкование. Их философия и богатый жизненный опыт, полученный в местах лишения свободы, успокаивали и привлекали к себе людей, впервые оказавшихся в тюрьме и испытавших от этого сильное душевное волнение и даже отчаяние. Все эти качества, а также оптимизм «бродяг» во взглядах на будущее внушали вновь прибывшим арестантам чувство уверенности и спокойствия, вызывали уважение к этим людям и стремление подражать им. Необходимо сказать о том, что такие современные самоназвания «воров», как «законники», «законные воры», «воры в законе», также берут свое начало из субкультурной среды «бродяг». Словосочетание «бродяга-законник» было в ходу среди арестантов еще в XIX в. «Бродяга-законник» хорошо знал не только законы Российской империи, но и способы ухода от них. Не менее квалифицированно он разбирался в законах арестантской общины, толковал

их и консультировал по ним других арестантов. С. Максимов писал: «Около законников своих новичок-арестант в весьма непродолжительное время становится тем, чем он должен быть, то есть арестантом» [7, с. 100].

Арестантская община для «бродяг» и иных привычных преступников была суррогатом семьи, заменяла им отца и мать, сестер и братьев. Только в ней «бродяги» и другие профессиональные преступники могли реализовать себя как члены социума. Существующая среди уголовников поговорка «Тюрьма для меня – дом родной», а также упоминание тюрьмы в качестве «Дома Нашего Общего» (сокр. – ДНО) в различного рода современной «воровской» переписке имеет глубокие исторические корни и не является бравадой. Весьма распространенная в середине XX в. среди членов «воровских» сообществ татуировка «Не забуду мать родную», где под именем матери подразумевалась «воровская семья», лишний раз подтверждает, что наивысшей социально значимой ценностью для преступников-профессионалов, состоящих в «воровском» сообществе и занимающих в нем доминирующее положение, является сама принадлежность их этому сообществу. Чем больше человек был отторгнут от общества, своих родных и близких, семьи, чем больший срок лишения свободы определялся ему судом, тем родней и ближе становилась ему арестантская община. Жизнь в ней позволяла заключенному заполнить социальную пустоту, возникшую у него вследствие отторжения от общества и семьи. Чем сильнее было это отторжение, тем активнее проявлял себя такой арестант как член арестантской общины и занимал в ней более высокое положение. Вот что пишет по этому поводу исследователь жизни и быта арестантов и тюрем Российской империи Н. Г. Брейтман: «Затем в тюрьме всегда преимущество отдается арестантами тем товарищам, которые больше находятся в заточении. Такими арестантами являются бродяги, «варнаки», не помнящие родства «иваны», которые побывали и в Сибири, на каторге, и чуть ли не во всех тюрьмах России, совершили множество побегов и т. д. Они чаще всего бывают «казаками», остальное коренное население тюрем относится к ним с почтением, они везде считаются хозяевами тюрем» [8, с. 160–161]. Действительно, эта категория арестантов жила в тюрьме, как у себя дома, потому что за стенами тюремного замка у них не было определенного угла, да они и не питали надежды когда-либо расстаться с тюремной жизнью, смотрели на тюрьму как на свое законное жилище, словно созданное специально для их беспечного существования.

Значительное влияние на формирование арестантской общины оказал традиционный, общинно-патриархальный жизненный уклад российского народа. Большинство тюремного населения тех времен составляло крестьянство. Осужденные к лишению свободы крестьяне везли с собой на поселение, в тюрьму или на каторгу жен, детей и весь свой домашний скарб, продав то, что увезти было невозможно. Те же, кто по каким-либо причинам был лишен возможности забрать с собой семью, вливались в общую тюремную артель. «Арестанты такую артель любят и без нее не только не ходят по этапам, но и не живут в тюрьмах», – писал С. Максимов [7, с. 28]. Артельные, общинные начала, столь характерные для крестьянской Руси, в условиях мест заключения трансформировались в такое специфическое явление, как арестантская община. Для простого человека, общества в целом и власти было нормальным, приемлемым и понятным общинное объединение во главе с выборным старостой, будь то в деревне, на прииске, в тюрьме или другом месте. Вот какими словами встречал очередной этап тюремный смотритель каторжной тюрьмы второй половины XIX в.: «Арестантская артель признается законом, поэтому и я ее признаю. Выберите же себе общего старосту, че-

тырех парашников, двух поваров и двух хлебопеков. Что же касается камерных старост и больничных служителей, то я сам их назначаю» [5, с. 50].

В тюрьме при каждой камере имелся свой староста, который, с одной стороны, был обязан блюсти интересы ее обитателей. Кроме того, над всеми камерами назначался общий староста, с которым сносились в случае нужды камерные старосты. Общественный староста входил в непосредственные сношения с тюремным начальством, и в такой постановке дела заключалась одна из причин сравнительного порядка в тюрьме. С другой стороны, старосты несли ответственность перед тюремным начальством за происходящее в их камерах, поэтому все арестанты были обязаны слушаться их и следовать их советам. Как правило, старост избирали из числа опытных, умных, обладающих сильными характерами «бродяг», которые умели влиять на «шпану», разговаривать с ней, понимать ее нужды [8, с. 160]. Такое положение вещей только усиливало их непререкаемый авторитет среди обитателей тюремного мира.

Формально артельные старосты-«бродяги» подчинялись администрации, однако по своей природе люди хитрые и изворотливые, они лишь создавали видимость законопослушного поведения. «Бродяги», будучи пожизненными преступниками, и в тюрьме оставались ими же. Обладая большой внутренней силой, они продолжали быть людьми развращенными, не видевшими ничего плохого в совершенных ими преступлениях. Развращены «бродяги» были и той фактической властью, которой их облакали администрация мест лишения свободы и арестантское сообщество. Доходные места тюремных и камерных старост «бродяги» использовали как средство своего личного обогащения и получения всяческих выгод. «Бродяги – царьки в арестантском мире, они вертят артелью, как хотят, потому что действуют дружно. Они занимают все хлебные, доходные места: они старосты и подстаросты, повара, хлебопеки, больничные служители, майданщики, они все и везде. В качестве старост они недодают кормовых, продают места на подводах; в качестве поваров крадут мясо из общего котла и раздают его своей шайке, а несчастную кобылку кормят помоями, которые не всякая свинья станет есть; больничные служители-«бродяги» морят голодом своих пациентов, обворовывают и часто прямо отправляют на тот свет, если это оказывается выгодным. Узнав, что у кого-нибудь из кобылки есть деньги, зашитые в «ошкуре» (в поясе), они подкарауливают его в уединенном месте, хватают среди белого дня за горло и грабят» [5, с. 16]. «Бродяги»-«майданщики» наживались на нелегальной торговле продуктами, водкой и организацией азартных игр под интерес. При этом они фактически закабалляли своих должников, обирая их до нитки. Нередко, чтобы рассчитаться с «майданщиком», осужденные, имеющие небольшие сроки, были вынуждены меняться своим именем и участью с долгосрочными арестантами («нанимателями»). На каторге эта процедура называлась «свадьбой» и нередко планировалась совместно «нанимателями», «майданщиками» и другими «бродягами» заранее. В результате будущую жертву умышленно спаивали и мошеннически обыгрывали в карты. После «свадьбы» осужденные-должники переходили в разряд «сухарников». «Наниматель отныне – его хозяин. Если «сухарник» вздумал бы заявить о «свадьбе» по начальству и засыпать хозяина – он будет убит. Другого наказания за это каторга не знает» [2, с. 232–239].

Аморальность поведения «бродяг» проявлялась и в том, что они, находясь в этапных тюрьмах, нередко насильно завладевали чужими женами, идущими вслед за своими мужьями на каторгу. Если же муж пытался этому сопротивляться, то арестанты из ближайшего окружения «бродяги» жестоко избивали его. Остальные арестанты из-за

боязни мести со стороны «бродяг» в это дело предпочитали не вмешиваться. Вследствие своей дружности и организованности «бродяги» занимали в камерах этапных тюрем самые хорошие места, располагаясь на нарах подальше от дверей и тюремной «параша». Староста-«бродяга», по обычаю выпускаемый в камеру раньше всех, еще до окончания поименной проверки и пересчета вновь прибывших арестантов, занимал для своих товарищей теплые места, а каторжная «кобылка» ютилась большей частью под нарами, на голом полу, в грязи, темноте и холоде.

По сути, арестантские артели рассматриваемого периода представляли собой разбойничьи шайки, во главе которых находились старосты-«бродяги». Ввиду того что эти шайки находились в тюрьме, под присмотром администрации, они не могли причинить вреда населению Российской империи. Вместе с тем администрация не только не предлагала каких-либо усилий по нейтрализации и пресечению беспредела «бродяг» в отношении остальной каторжной «шпаны», но и часто потакала им.

В конце XIX в. ситуация в тюрьмах и на каторге стала меняться не в пользу «бродяг». Во-первых, каторжная «кобылка», доведенная до отчаяния невыносимым беспределом с их стороны, начала поднимать голову. В Томской пересыльной тюрьме, где иногда собиралось до трех тысяч арестантов одновременно, несколько раз происходили страшные избиения «бродяг». По некоторым данным [5, с. 17], во время происходивших там массовых беспорядков в середине 80-х годов XIX в. было убито и покалечено арестантами около пятидесяти «бродяг». Несмотря на это, «бродяги» не утратили своего главенствующего положения в арестантской общине, по-прежнему оставаясь «князьями» преступного мира, с той лишь разницей, что стали осуществлять свои противоправные и аморальные проступки скрытно и, в основном, чужими руками. Для этого в окружении «бродяг» всегда находилась пара-тройка арестантов, готовых выполнить любое их желание за оказываемое покровительство.

Октябрьский переворот 1917 г. и последовавший за ним глубокий экономический и политический кризис власти, резкое падение уровня жизни населения, Гражданская война, атеистическая политика, проводимая большевиками, привели к массовому падению нравственности, кризису духовности россиян. Как всякий экономический и политический кризис, он повлек за собой небывалый рост преступности. Из тюрем, каторги и поселений в массовом порядке освобождался уголовный элемент. В этот период многие «бродяги» получили долгожданную свободу и незамедлительно вернулись к своему прежнему преступному ремеслу. Уголовный мир начал активно пополняться преступниками новой формации: спекулянтами, бандитами, контрреволюционерами. Большинство населения было лишено постоянного места работы. Кражи, спекуляции, грабежи стали средством к существованию многих и многих тысяч до того законопослушных граждан. Всеобщее падение нравов привело к тому, что преступный образ жизни для многих не стал подлежать моральному запрету и становился обычным источником доходов. Произошла массовая криминализация населения. «Бродяги» с удивлением обнаружили, что воровство и разбой перестали быть только их профессией. В 20-е годы XX в. в стране появляется огромное количество беспризорников. Это миллионная армия людей, оторванных от всякой социальной базы, лишенных всякого социального чувства, всякой морали. По свидетельству И. Л. Солоневича, из всех человеческих чувств у них осталось только одно – солидарность волчьей стаи, с детства выкинутой из всякого человеческого общества [9]. Сами себя они называют «урками». Все они – результат жесточайшего

естественного отбора. Именно из их числа начинает формироваться мир профессиональных преступников Советского государства.

В тюремном мире, как в капле воды, отражались все события, происходящие в обществе того периода. Наступил кризис власти и у старых тюремных сидельцев – «бродяг». Серьезную конкуренцию им составляли новые, молодые, дерзкие, не признающие никаких законов и никакой власти, кроме власти силы, преступники. Однако «бродяги» не собирались никому уступать своих позиций. Они лучше других ориентировались в условиях изоляции от общества. Их объединяли между собой многовековые «ценности» преступного мира. И более всего им помогали в этом «истинная вера», «старые заветы» [1, с. 20].

После того как прошла революционная эйфория, государство начало наводить в стране порядок. Прежде всего, это выразилось в усилении мер репрессивного воздействия по отношению к преступной среде и ее лидерам. Профессиональные преступники всех категорий, бандиты, спекулянты, воры, контрреволюционеры и другой «классово чуждый элемент» изолировались во вновь созданные места заключения. Существовавшая система тюрем с трудом справлялась с хлынувшим туда потоком заключенных. Положение усугублялось и тем, что никакой работы, в том числе оперативно-розыскного характера, с заключенными практически не осуществлялось. Роль администрации тюрем, как и в прошлые времена, сводилась к охране арестованных и осужденных. Внутренняя тюремная жизнь повсеместно регулировалась самими заключенными. По-прежнему арестантскую общину возглавляли наиболее опытные и пользующиеся авторитетом преступники, подчинявшие себе остальных заключенных. Появление в местах лишения свободы лидеров новой формации, часто с политическим «оттенком», обусловило противостояние представителей старых и новых тюремных порядков. Исследователь «воровской» среды В. М. Анисимков отмечает: «Старые «авторитеты» и преступники «новой формации» постоянно конфликтовали – боролись за сферы влияния. Последние часто получали название «жиганы». И если раньше «жиганам» отводилась весьма скромная роль «провинившихся», то теперь они не только стали быстро перенимать традиции и обычаи «авторитетов», но интенсивно вырабатывать и свои собственные» [1, с. 21].

Следует особо отметить тот факт, что высокая степень политизации общества коснулась и уголовного мира. Это нашло свое выражение в том, что всякая противоправная деятельность расценивалась преступными «авторитетами» новой формации как форма противодействия государству рабочих и крестьян. Произошла политизация и преступных «законов», по которым жила тюремная элита. Теперь каждый член сообщества не имел права служить в армии, работать, занимать общественные или иные административно-распорядительные должности, в том числе в местах лишения свободы. Таким образом, «жиганы» и их лидеры приобрели статус «идейных» преступников. Свою деятельность они преподносили как выражение несогласия и протест против советской власти. Особенно ярко это проявлялось в создании банд. Они организовывались и пополнялись людьми, пострадавшими от новой власти или недовольными ею. Политические мотивы мгновенно превращались в уголовные формы выражения. Наряду с этим в местах лишения свободы власть возвращалась в руки «бродяг», которые были более закаленными, опытными и сплоченными лидерами преступного мира, чем «жиганы». К «бродягам» примкнули и остальные потомственные профессиональные преступники с богатым дореволюционным прошлым, не желавшие изменять многовековым арестантским традициям, обычаям и законам.

Выводы

Элиту тюремного мира России во второй половине XIX в., его правящую верхушку составляли «бродяги». Они являлись лидерами арестантской общины. Только в ней «бродяги» и другие профессиональные преступники могли реализовать себя как члены социума. Несмотря на то что арестантская община активно противодействовала тюремным порядкам и самому назначению тюрьмы как карательно-исправительного учреждения, общинную модель организации самоуправления среди осужденных поддерживали и одобряли, с одной стороны, администрация тюрем, с другой – сами арестанты, благодаря непререкаемому авторитету, которым пользовались «бродяги» в преступном мире. «Бродяги» и вышедшие из их среды криминальные авторитеты «иваны» явились прообразом будущих «воров в законе», власть которых в криминальном мире мест лишения свободы стала впоследствии практически неограниченной.

Список источников

1. Анисимков В. М. Тюремная община. «Вехи» истории: историко-публицистическое повествование. М., 1993. 72 с.
2. Дорошевич В. М. «ГУЛАГ» царской России. М., 2001. 512 с.
3. Гиляровский В. А. Под китайской стеной. Куйбышев, 1965. Т. 2. 518 с.
4. Кеннан Дж. Русские государственные преступники : пер. с англ. СПб., 1906. 548 с.
5. Мельшин Л. (Якубович П. Ф.) В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. 4-е изд. СПб., 1907. 786 с.
6. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Рассказы. М., 1983. 414 с.
7. Максимов С. Сибирь и каторга : в 3 ч. СПб., 1891. 492 с.
8. Брейтман Н. Г. Преступный мир / науч. ред. Х. Вальтер, В. М. Макиенко. 2-е изд., испр. СПб., 2005. 192 с.
9. Солоневич И. Л. Россия в концлагере // ModernLib.Net. URL: http://modernlib.ru/books/solonevich_ivan_lukyanovich/rossiya_v_konclagere/read (дата обращения: 19.12.2022).

References

1. Anisimkov, V. M. 1993, *Prison community. "Milestones" of history: historical and journalistic narrative*, Moscow.
2. Doroshevich, V. M. 2001, *"GULAG" of Tsarist Russia*, Moscow.
3. Gilyarovskiy, V. A. 1965, *Under the Chinese Wall*, vol. 2, Kuibyshev.
4. Kennan, J. 1906, *Russian state criminals*, translated from English, St. Petersburg.
5. Melshin, L. (Yakubovich, P. F.) 1907, *In the world of outcasts. Notes of a former convict*, 4th edn, St. Petersburg.
6. Dostoevsky, F. M. 1983, *Notes from the Dead House. Stories*, Moscow.
7. Maximov, S. 1891, *Siberia and penal servitude*, in 3 vols, St. Petersburg.
8. Breitman, N. G. 2005, *Criminal World*, H. Walter & V. M. Mokienko (eds), 2nd ed, St. Petersburg.
9. Solonevich, I. L. N.D., 'Russia in a concentration camp', *ModernLib.Net*, viewed 19 December 2022, http://modernlib.ru/books/solonevich_ivan_lukyanovich/rossiya_v_konclagere/read.

Информация об авторе

С. А. Кутякин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права.

Information about the author

S. A. Kutjakin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 19.12.2022; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 28.07.2023.

The article was submitted 19.12.2022; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 28.07.2023.

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 343.976

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.398-402

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ

Наталья Сергеевна Деренова¹

¹ Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия, nata-derenova2008@yandex.ru

Аннотация. Предупреждение наркопреступлений – важная задача для общества и правоохранительных органов, которые занимаются борьбой с распространением наркотиков. Наркопреступность может оказывать серьезное негативное влияние на здоровье и жизнь людей, приводить к социальной дезадаптации, нарушению общественной безопасности и угрожать национальной безопасности. В статье анализируются административно-правовые меры, направленные на предупреждение совершения наркопреступлений.

Ключевые слова: полиция, наркопреступность, борьба, предупреждение, административно-правовые меры

Для цитирования

Деренова Н. С. Административно-правовая составляющая в предупреждении наркопреступлений // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 3. С. 398–402. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.398-402.

MANAGEMENT VECTOR

Original article

ADMINISTRATIVE AND LEGAL COMPONENT IN THE PREVENTION OF DRUG CRIMES

Natal'ja Sergeevna Derenova¹

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, nata-derenova2008@yandex.ru

Abstract. The prevention of drug crimes is an important task for society and law enforcement agencies that are engaged in combating the spread of drugs. Drug crime can have a serious negative impact on people's health and lives, lead to social maladaptation, violation of public safety and threaten national security. The article analyzes administrative and legal measures aimed at preventing the commission of drug crimes.

Keywords: police, drug crime, fighting, prevention, administrative and legal measures

For citation

Derenova, N. S. 2023, 'Administrative and legal component in the prevention of drug crimes, *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 398–402, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.398-402.

Предупреждение наркопреступлений – сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода и усилий всего общества. Сотрудники полиции применяют административно-предупредительные меры в отношении лиц, страдающих наркоманией или являющихся опасными для окружающих. Данные меры закреплены в ст. 12–13 Федерального закона «О полиции»: сотрудник полиции имеет право доставлять граждан, находящихся в состоянии наркотического опьянения, в медицинские организации или в служебное помещение полиции, если они находятся в жилище граждан и могут причинить ущерб имуществу. Кроме того, полиция может направлять и доставлять на медицинское освидетельствование граждан для определения наличия наркотических средств в их организме, если это необходимо для подтверждения или опровержения факта совершения преступления или административного правонарушения. Полиция имеет право также проводить освидетельствование лиц, страдающих наркоманией или являющихся опасными для окружающих. Такие меры направлены на предупреждение совершения преступлений и административных правонарушений, а также на охрану общественного порядка и безопасности граждан. Они регламентируются законодательством и должны быть применены в рамках действующих правовых норм и процедур.

На полицию возложена особая ответственность за состояние работы по преодолению наркомании: сотрудники полиции осуществляют индивидуальную профилактическую деятельность, выполняя организационные, координирующие и исполнительские функции. Они могут применять ряд административно-правовых мер предупреждения наркопреступлений. Вот некоторые из них:

1. Проведение профилактических бесед с нарушителями с целью предотвращения дальнейшего употребления наркотиков и предупреждения их об ответственности.
2. Контроль за наркотиками – проведение обысков, досмотров, задержаний и арестов.
- Обучение и пропаганда – обучающие семинары и тренинги, участие в мероприятиях, направленных на пропаганду здорового образа жизни и борьбу с наркоманией.
4. Работа с населением: информирование граждан о вреде наркотиков, разъяснение порядка действий в случае обнаружения наркотиков, а также прием заявлений от населения о фактах наркоторговли.
5. Пресечение незаконного оборота наркотиков.
6. Координация действий с другими правоохранительными органами и учреждениями, а также с общественными организациями для достижения максимальных результатов в борьбе с наркотиками.

Кроме того, сотрудники полиции могут использовать современные информационные технологии для предупреждения наркопреступлений, такие как мониторинг социальных сетей и интернет-ресурсов, анализ данных об обороте наркотиков, использование баз данных и программного обеспечения для автоматизации работы по выявлению и пресечению преступлений в сфере наркотиков. Однако, кроме этих мер, очень важно осуществлять работу по профилактике наркомании среди населения, особенно среди молодежи. Предупреждение наркопреступлений должно быть комплексным и включать в себя работу не только с теми, кто уже нарушал закон, но и с теми, кто еще не стал жертвой наркотиков, но находится в группе риска.

Таким образом, административно-правовые меры предупреждения наркопреступлений, применяемые сотрудниками полиции, должны быть комплексными, направленными на предотвращение употребления наркотиков, пресечение незаконного оборота наркотиков и работу с населением, а также использование современных информационных технологий для более эффективной борьбы с распространением наркотиков.

В приказе МВД России от 16 сентября 2002 г. № 900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных полиции» закреплена обязанность участкового полиции проводить разъяснительную работу с лицами, страдающими наркоманией, а также понуждать их в добровольном порядке пройти необходимое лечение в специализированном учреждении. Участковый полиции должен также осуществлять контроль за лицами, допускающими употребление наркотических средств, а также осуществлять иные профилактические меры.

Анализ административного законодательства, иных правовых актов, содержащих в себе нормы административного права, позволяет выделить наиболее эффективные в правоприменительной практике меры по предупреждению наркопреступности:

1) деятельность сотрудников полиции совместно с сотрудниками здравоохранения по наблюдению за лицами, больными наркоманией и представляющими опасность для окружающих (указанное направление деятельности регламентировано Федеральным законом «О полиции»);

2) осуществление контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, которые совершили преступления, связанные с наркотиками, и лицами, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы за совершение преступления в исследуемой области;

3) входение в жилое помещение граждан на принадлежащие им земельные участки, в помещения, принадлежащие юридическим лицам, и производство осмотра мест, в которых осуществляется деятельность, связанная с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров [1, с. 8].

Основная проблема применения мер административного предупреждения связана с тем, что сотрудники полиции могут осуществлять только воспитательно-профилактическую работу. Применение мер по оказанию медицинской помощи вне их компетенции. При этом нередко лица, больные наркоманией, наносят вред не только себе, но и окружающим.

В настоящее время в России существует несколько форм помощи наркозависимым, такие как помещение в наркологические больницы, медико-социальные учреждения и амбулатории. Однако доступ к этим учреждениям может быть ограничен из-за нехватки финансирования или ограниченных ресурсов. Кроме того, в России существует так называемый наркотический протокол, который устанавливает жесткие правила и ограниче-

ния в отношении лечения наркозависимых. Например, наркозависимые могут получить только определенные виды лекарств, а терапия замещения (например, метадоновая терапия) официально запрещена. Таким образом, хотя государство предоставляет некоторые формы медицинской помощи наркозависимым, доступ к этим услугам может быть ограничен, и некоторые методы лечения могут быть запрещены. В связи с этим многие наркозависимые вынуждены обращаться за помощью к неквалифицированным медицинским работникам или использовать наркотики без надлежащего контроля, что увеличивает риски для их здоровья и жизни. При этом эффективность оказываемой наркоманам медицинской помощи невысока. Срок лечения как правило составляет 14 дней – это слишком малый срок для изменения патологического образа жизни наркомана.

По мнению Е. Н. Пашковой, было бы целесообразно создать и закрепить в законодательном порядке медицинские учреждения специализированного типа во всех регионах Российской Федерации – реабилитационные профилактории, где наркозависимые смогут получать квалифицированную медицинскую помощь и проходить комплексное лечение и реабилитацию. Автор отмечает также необходимость создания специальной программы для наркозависимых, которая будет включать в себя не только лечение, но и социальную поддержку, профессиональную ориентацию и помощь в трудоустройстве. Это позволит наркозависимым выйти из состояния зависимости и стать полноценными членами общества. Важным шагом в борьбе с наркоманией также является образование и поддержка медицинских работников, специализирующихся на лечении наркозависимости. Необходимо обеспечить им доступ к современным методам лечения, проводить регулярные тренинги и повышать квалификацию [2, с. 88].

«Формулируя составы преступлений с административной преюдицией, – пишет А. П. Шергин, – законодатель презюмирует возможность предупреждения этих правонарушений посредством административных взысканий. Последние обоснованно рассматриваются как правовые средства борьбы не только с административными проступками, но и с преступными деяниями» [4]. А. Н. Чашин считает, что только уголовно-правовые меры способны бороться с наркопреступностью: к уголовной ответственности необходимо привлекать граждан, которые употребляли наркотические средства в общественных местах или появились в общественном месте в наркотическом опьянении и совершили указанное правонарушение повторно в течение года [3, с. 16]. Преюдицию в данном случае будут образовывать факты привлечения к административной ответственности по ч. 3 ст. 20.20 и 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Таким образом, в противодействии такому серьезному и многоплановому явлению, как незаконный оборот наркотических средств, большое внимание должно быть уделено формированию качественной и эффективной системы административно-правовых средств противодействия, причем такая система должна включать в свое содержание те институты, которые уже зарекомендовали себя на практике как эффективные, и новые, детально проработанные отечественной наукой.

Список источников

1. Гуминский М. Н. Сущность административно-правовых средств борьбы с правонарушениями в сфере оборота наркотиков // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2021. № 13. С. 8–16.
2. Пашкова Е. Н. Предупреждение преступлений, совершаемых на почве наркомании, административно-правовыми мерами : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 207 с.

3. Чашин А. Н. Использование института административной преюдиции в борьбе с наркопреступностью // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 16–22.

4. Шергин А. П. Административно-деликтное законодательство России: состояние, проблемы, перспективы // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы. М. : Юрист, 2004. С. 166–179.

References

1. Guminsky, M. N. 2021, 'The essence of administrative and legal means of combating drug trafficking offenses', *Bulletin of Polotsk State University, Series D, Economic and Legal Sciences*, iss. 13, pp. 8–16.

2. Pashkova, E. N. 2006, *Prevention of crimes committed on the basis of drug addiction by administrative and legal measures: PhD thesis (Law)*, Ryazan.

3. Chashin, A. N. 2012, 'The use of the institute of administrative prejudice in the fight against drug crime', *Administrative Law and Process*, iss. 2, pp. 16–22.

4. Shergin, A. P. 2004, 'Administrative and tort legislation of Russia: state, problems, prospects', in *Administrative Law and Administrative Process: Actual Problems*, pp. 166–179, Jurist, Moscow.

Информация об авторе

Н. С. Деренова – старший преподаватель-методист отделения методического обеспечения учебного процесса учебного отдела.

Information about the author

N. S. Derenova – senior teacher-methodologist of the department of methodological support of the educational process of the educational department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2023; принята к публикации 28.07.2023.

The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 06.07.2023; accepted for publication 28.07.2023.

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Научная статья

УДК 343.823

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.403-413

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВИЗИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОПЛАТЫ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Ирина Анатольевна Кузьмина¹, Татьяна Александровна Лончакова²

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, ia.kuzmina@bk.ru;

² УФСИН России по Хабаровскому краю, г. Хабаровск, Россия, tanoenko1986@mail.ru

Аннотация. В настоящее время большое внимание уделяется ревизии как инструменту контроля во всех сферах деятельности. Именно ревизия помогает своевременно выявить, в некоторых случаях предотвратить нарушения в финансово-хозяйственной деятельности учреждения, а также их устранить. В основе проведения ревизии – контроль за соблюдением законодательства, выявление слабых сторон учреждения, помощь в устранении выявленных нарушений. В статье отражены вопросы, касающиеся трудовой деятельности осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, рассмотрен порядок оплаты труда, начисления заработной платы, пенсий и иных доходов осужденных. На основании анализа актов ревизий финансово-хозяйственной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы определены основные нарушения при начислении заработной платы осужденным, удержаний из заработной платы, пенсий, возмещения питания и коммунально-бытовых услуг. Освещены вопросы организации, порядка проведения ревизии финансово-хозяйственной деятельности, ее значимости для уголовно-исполнительной системы, разработаны рекомендации по недопущению выявленных нарушений в будущем.

Ключевые слова: контроль, ревизия, оплата труда, осужденные, трудовая деятельность, Федеральная служба исполнения наказаний

Для цитирования

Кузьмина И. А., Лончакова Т. А. Организация ревизии трудовой деятельности и оплаты труда осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 403–413. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.403-413.

COMPETITIVENESS ANALYSIS

Original article

ORGANIZATION OF AUDIT OF LABOR ACTIVITY AND REMUNERATION OF CONVICTS IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Irina Anatol'evna Kuz'mina¹, Tat'jana Aleksandrovna Lonchakova²

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, ia.kuzmina@bk.ru;

² The Federal Penitentiary Service of Russia for the Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Russia, tanoenko1986@mail.ru

Abstract. Currently, much attention is paid to auditing as a control tool in all areas of activity. It is the audit that helps to identify in a timely manner, in some cases to prevent violations in the financial and economic activities of the institution, as well as to eliminate them. The audit is based on monitoring compliance with legislation, identifying weaknesses of the institution, assistance in eliminating identified violations. The article reflects issues related to the labor activity of convicts in institutions of the penitentiary system, considers the procedure for remuneration, payroll, pensions and other incomes of convicts. Based on the analysis of the acts of audits of the financial and economic activities of institutions of the penal enforcement system, the main violations in the calculation of wages to convicts, deductions from wages, pensions, compensation for food and communal services have been identified. The issues of the organization, the procedure for conducting an audit of financial and economic activities, its significance for the penal enforcement system are highlighted, recommendations are developed to prevent the identified violations in the future.

Keywords: control, audit, remuneration, convicts, labor activity, Federal Penitentiary Service

For citation

Kuz'mina, I. A. & Lonchakova, T. A. 2023, 'Organization of audit of labor activity and remuneration of convicts in institutions of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 403–413, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.403-413.

Введение

В настоящее время большое внимание уделяется правильности учета и осуществления внутреннего контроля за трудовой деятельностью и оплатой труда осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС). Труд в процессе исправления осужденных играет важную роль. Благодаря ему осужденные получают заработную плату и могут улучшить свои условия, находясь в местах лишения свободы. Получение дохода помогает осужденному возмещать ущерб согласно исполнительным листам, расходы на свое содержание в исправительном учреждении, отовариваться в магазине. Работая, осужденный находится в социуме, постоянно общается в большом коллективе, что благоприятно отражается на его физическом и психическом здоровье. Дезадаптация осужденных после

освобождения является серьезной проблемой, однако осужденные, которые работали в местах лишения свободы, намного легче проходят социальную адаптацию.

Трудоустройство осужденных требует особой организации вывода на работу с учетом условий содержания, правильного расчета начислений по оплате труда согласно сдельным и повременным расценкам, удержаний из оплаты труда по различным основаниям, своевременного зачисления суммы на лицевой счет осужденного и последующего списания средств с лицевого счета при отоваривании в магазине. В силу этого данному вопросу следует уделять особое внимание не только сотрудникам финансово-экономических служб, но и ревизионным службам при проведении проверочных мероприятий.

Результаты и обсуждение

Вопросы трудовой адаптации осужденных в учреждениях УИС курирует управление организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных ФСИН России. В структуру производственного сектора УИС входят 650 учреждений, осуществляющих производственную деятельность.

Социально-экономическим, трудовым аспектам и проблемам оплаты труда осужденных к лишению свободы посвящены научные работы О. А. Погудина [4–6]. Вопросы организации работы с осужденными, планирование их трудовой занятости, правовое регулирование в своих трудах затрагивают А. А. Бадьин [1], Е. А. Буранова, Д. Н. Русанов [2], Е. А. Корякин [3], Ю. В. Яцкова, И. В. Клещева [7].

Вместе с тем научные исследования в данном направлении не затрагивают проблемных вопросов и нарушений, выявляемых в ходе ревизий финансово-хозяйственной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. В рамках данного исследования рассмотрим основные вопросы, касающиеся порядка начислений и удержаний из заработной платы лиц, осужденных к лишению свободы, а также проведения ревизионных проверок на данном участке с выявлением фактов нарушений в части неправильного определения сумм, подлежащих выплате осужденным на лицевые счета.

Приведем динамику основных показателей привлечения осужденных к труду в учреждениях уголовно-исполнительной системы за 2020–2022 гг.

Таблица 1

Основные показатели привлечения осужденных к труду

№ п/п	Показатели	Годы			Отклонение 2022 г. к 2020 г.	
		2020	2021	2022	Абсолютное	Относительное, %
1	Среднесписочная численность осужденных, привлеченных к труду, тыс. чел.	128	131	132	4	3,12
2	Доля трудоустроенных осужденных в общем числе отбывающих наказание лиц, подлежащих обязательному привлечению к труду, %	57,5	65,0	70,5	13	–
3	Среднемесячная заработная плата осужденных, руб.	5617	6142	7187	1570	27,95

Наблюдается рост основных показателей привлечения осужденных к труду в динамике за последние три года. Ежегодное увеличение среднесписочной численности осужденных, привлеченных к труду, составило 4 тыс. чел., что на 3,12 % выше уровня

2020 г. Прослеживается тенденция к увеличению доли трудоустроенных осужденных в общем числе отбывающих наказание лиц, подлежащих обязательному привлечению к труду, их удельный вес в 2022 г. – 70,5 %, при этом в 2021 г. рост составил 7,5 %, а в 2022 г. – 5,5 % к уровню прошлого года.

Основной задачей УИС является исправление осужденных. Осужденные привлекаются к труду с учетом их трудоспособности и, по возможности, специальности. Прием осужденных на работу производится по заявлению осужденного на основании приказа начальника учреждения. Начисление заработной платы за истекший месяц осуществляется на основании табелей учета рабочего времени. В учреждениях УИС применяются сдельная и повременная системы оплаты труда. При повременной системе оплаты труда – заработная плата напрямую зависит от количества отработанного времени. При сдельной системе оплаты труда – учитываются количественные показатели результата труда, которые можно корректировать, установив нормы выработки. Наибольший удельный вес занимает повременная система оплаты труда, которая применяется для спецконтингента, занятого на работах по хозяйственному обслуживанию. В центрах трудовой адаптации осужденных применяется как повременная, так и сдельная оплата труда.

Трудоустроенным осужденным, в соответствии со ст. 104 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) один раз в год положен оплачиваемый отпуск 18 рабочих дней в воспитательных колониях, 12 рабочих дней – в иных исправительных учреждениях. Осужденным, перевыполняющим нормы выработки или образцово выполняющим установленные задания на тяжелых работах, а также на работах с вредными или опасными условиями труда, на предприятиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, либо работающим осужденным пенсионерам, а также инвалидам 1-й или 2-й группы ежегодный оплачиваемый отпуск может быть увеличен до 18 рабочих дней, несовершеннолетним осужденным – до 24 рабочих дней.

Осужденным запрещается прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов. Отказ от работы или прекращение работы являются злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания и могут повлечь за собой применение мер взыскания и материальную ответственность. Кроме того, Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, предусмотрены работы и должности, на которых запрещено использовать труд осужденных, а именно: по обслуживанию и ремонту технических средств охраны и надзора, а также размещенных в запретной зоне инженерных сооружений, конструкций и коммуникаций; с множительной, радиотелеграфной, телефонной, факсимильной техникой; работа, связанная с учетом, хранением и выдачей медикаментов, взрывчатых, отравляющих и ядовитых веществ; с подчинением им представителей администрации исправительных учреждений и ряд других.

Начисление заработной платы производится по конечным результатам работы за месяц. Все выплаты компенсационного характера, надбавки и доплаты к заработной плате осужденных подлежат включению в минимальный размер оплаты труда (МРОТ), кроме оплаты труда за работу в выходные и праздничные дни, оплаты труда в ночное и сверхурочное время.

В соответствии со ст. 105 УИК РФ размер оплаты труда осужденных, отработавших полностью определенную на месяц норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму труда (норму выработки, трудовые обязанности), не может быть ниже минимального размера оплаты труда, при невыполнении нормы времени и нормы выработки оплата труда производится пропорционально этим параметрам исходя из МРОТ.

Размер минимальной часовой тарифной ставки не может быть ниже размера часовой тарифной ставки, исчисленной исходя из размера должностного оклада рабочего 1-го квалификационного уровня профессиональной квалификационной группы «Общепрофессиональные профессии рабочих первого уровня». В 2023 г. минимальный должностной оклад – 3339,00 руб. на основании приказа ФСИН России от 13 ноября 2008 г. № 624, с учетом индексации такой оклад составляет 3882 руб., следовательно, минимальный размер часовой тарифной ставки – $3339,00 / 164,4$ (среднемесячное количество рабочих часов в текущем календарном году) = 20,62 руб., на текущий момент – $3882 / 164,4 = 23,61$ руб.

В отношении осужденных, привлекаемых к работам по хозяйственному обслуживанию, с повременной оплатой труда применяется система, при которой в состав минимального размера оплаты труда входят: окладная часть (тарифная ставка) и доплата до МРОТ, рассчитанные пропорционально отработанному времени (по отношению к установленной норме времени), а также доплата за вредные и тяжелые условия труда.

Для осужденных со сдельной формой оплаты труда стандартный (типовой) расчет заработка производится путем умножения сдельных расценок на количество изготовленных единиц продукции (выполненных работ, оказанных услуг) с учетом нормы выработки и нормы времени. В случае отсутствия утвержденного перечня показателей, применяемых в качестве ориентира для определения коэффициента трудового участия при бригадном исполнении, для данных целей используется отработанное каждым работником время. Сдельная расценка рассчитывается от часовых ставок, умноженных на норму времени, утвержденную для изготовления единицы продукции (оказания услуги).

Стандартная (типовая) тарифная ставка определяется путем деления действующего показателя МРОТ на среднемесячное количество рабочих часов в текущем году (для 2023 г.: $16\ 242,00$ руб. / $164,4 = 76,90$ руб.) без деления на окладную часть и доплату до МРОТ. При оплате труда осужденных и расчете часовых ставок учитываются их разряды, квалификационные уровни (категории).

Из заработной платы осужденных производятся удержания в порядке очередности в соответствии с действующим законодательством. В соответствии с ч. 4 ст. 99 УИК РФ из заработной платы, пенсий и иных доходов осужденных к лишению свободы производятся удержания для возмещения расходов по их содержанию. Возмещение осужденными расходов по их содержанию производится после удовлетворения всех требований взыскателей в порядке, установленном Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Согласно п. 3 ст. 107 УИК РФ на лицевой счет осужденных зачисляется независимо от всех удержаний не менее 25 % начисленных им заработной платы, пенсии или иных доходов, а на лицевой счет осужденных, достигших возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, инвалидов 1-й или 2-й группы, несовершеннолетних, беременных женщин, женщин, имеющих детей в доме ребенка исправительных учреждений, зачисляется независимо от всех удержаний не менее 50 % начисленных им заработной платы, пенсии или иных доходов.

Трудоустроенные осужденные, а также осужденные, получающие пенсию, должны в обязательном порядке возмещать стоимость услуг за их содержание в учреждении (питание, коммунально-бытовые услуги, стоимость одежды, индивидуальных средств гигиены). Расходы на содержание осужденных, которые уклоняются от работы, удерживаются из средств, находящихся на их лицевых счетах. Если денежные средства на лицевом счете осужденного отсутствуют, то удержание не производят.

Питание предоставляется бесплатно осужденным, освобожденным от работы по болезни, беременным женщинам, кормящим матерям на период освобождения от работы. Питание, одежда, коммунально-бытовые услуги, индивидуальные средства гигиены предоставляются бесплатно осужденным в воспитательных колониях и инвалидам 1-й и 2-й группы.

Для УИС важной задачей при привлечении к труду осужденных является соблюдение правильности расчетов при начислении им заработной платы и проведении удержаний из заработной платы, пенсий, ведь именно правильный учет, своевременный и грамотный контроль за трудовой деятельностью и оплатой труда осужденным позволяют не допустить нарушений.

В учреждениях УИС проводятся ревизии финансово-хозяйственной деятельности, в том числе по линии оплаты труда спецконтингента. Ревизия осуществляется в соответствии с регламентом, утвержденным приказом ФСИН России от 29 сентября 2015 г. № 864, и состоит из комплекса контрольных мероприятий, которые направлены на изучение всех сторон финансово-хозяйственной деятельности учреждения. В ходе ревизии выявляются нарушения в финансово-хозяйственной деятельности учреждения. Лица, виновные в данных нарушениях, подлежат наказанию.

Проведение ревизии заранее подлежит планированию. Этим занимается ревизор – должностное лицо, которое составляет и утверждает план ревизии финансово-хозяйственной деятельности. В плане содержатся данные по контрольным проверкам, подлежащим проведению в следующем календарном году. План служит основанием для составления и утверждения графика проведения ревизий на каждый квартал. Плановые ревизии финансово-хозяйственной деятельности учреждений проводятся ревизорами ФСИН России – один раз в два года, ревизорами территориальных органов ФСИН России – один раз в год. При установлении срока проведения ревизии есть ограничения: не более 30 календарных дней и продление однократно не более чем на 15 календарных дней, с обязательным согласованием у руководителя, назначившего контрольное мероприятие.

Ревизор перед началом ревизии финансово-хозяйственной деятельности учреждения производит подготовку. Прежде всего он должен обеспечить комплектование ревизионной группы подготовленными специалистами структурных подразделений: энергомеханическая группа, финансово-экономическая (главный бухгалтер, оплата труда, экономист), тыловое обеспечение, производство, капитальное строительство, юридическая служба. Ревизором дополнительно может составляться рапорт на имя руководителя территориального органа ФСИН России о необходимости обеспечения комплектования ревизионной группы. Руководитель утверждает рапорт и указывает срок, в который начальникам отделов и служб необходимо предоставить специалистов для проведения ревизии. Данный рапорт регистрируется в системе электронного документооборота (СЭД) в папке «Внутренние документы».

В процессе подготовки собирается информация об учреждении для составления плана, в котором указываются вопросы, подлежащие проверке. После этого составляется предписание на проведение ревизии. В предписании указывается срок проведения ревизии, ревизуемый период, список специалистов ревизионной группы, также говорится о праве ревизора привлекать сотрудников проверяемого учреждения к проведению контрольного мероприятия. План и предписания на ревизию утверждаются руководителем территориального органа ФСИН России, после чего предписание заверяется оттиском

гербовой печати ФСИН России и регистрируется в СЭД. На привлеченных специалистов составляются, регистрируются и направляются через СЭД (папка «Исходящие») письма на привлечение с указанием срока командировки. Каждый привлеченный специалист должен ознакомиться с планом ревизии и поставить свою подпись.

Руководитель ревизионной группы (ревизор) в ходе проведения контрольного мероприятия должен контролировать своевременное прибытие (срок прибытия указывается в письме о привлечении специалиста к ревизии) и работу привлеченных специалистов. Каждый специалист ревизионной группы по итогам проверки вопросов, закрепленных за ним согласно плану ревизии, должен предоставить надлежащим образом оформленную справку, информация по которой включается ревизором в акт ревизии финансово-хозяйственной деятельности учреждения. Если в ходе ревизии привлеченный специалист нарушает дисциплину либо недобросовестно исполняет свои обязанности, ревизор информирует об этом руководителя, назначившего ревизию, и руководителя подразделения, направившего работника, после чего привлеченный специалист отстраняется от проведения контрольного мероприятия, направляется к месту службы, а в командировочном удостоверении проставляется отметка «Задание не выполнено».

При проведении контрольного мероприятия ревизор может оформлять запрос-требование на представление документов к проверке. Данное требование оформляется в двух экземплярах, один из которых передается руководителю проверяемого учреждения, под роспись, указывается дата и время вручения. Если документы не представлены в срок, ревизором запрашивается письменное объяснение от руководителя, после чего данное объяснение прикладывается к акту ревизии.

Ревизор по итогам проверки всех вопросов, указанных в плане ревизии, обобщает информацию и составляет акт документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности учреждения, в котором отражаются все нарушения и в конце указываются предложения по устранению выявленных в ходе проведения ревизии недостатков с указанием срока выполнения (около 60 дней) и представления донесения. Срок представления донесения может быть продлен в случае официального письма от руководителя учреждения, в котором проводилась проверка.

К акту прикладывается справка о выявленных нарушениях. Акт, справка составляются в двух экземплярах и подписываются руководителем проверяемого учреждения, главным бухгалтером и ревизором. Один экземпляр акта и справки остаются в проверяемом учреждении.

Руководитель территориального органа ФСИН России, назначивший проверку, рассматривает акт ревизии, утверждает предложения, при необходимости вносит корректировку. Заключение о результатах ревизии, составленное ревизором и утвержденное руководителем территориального органа ФСИН России, является окончательным (итоговым) документом по результатам рассмотрения акта ревизии. Оно должно содержать информацию о проверяемом учреждении, ревизуемом периоде, сроке проведения ревизии, выявленных недостатках и нарушениях. В заключении также указываются требования к учреждению по проведению мероприятий для устранения выявленных нарушений и недопущению их в дальнейшем, возмещению причиненного ущерба. Заключение о результатах ревизии регистрируются и направляются через СЭД (папка «Исходящие») в адрес проверенного учреждения.

Контроль за организацией и реализацией ревизий осуществляет руководитель территориального органа ФСИН России. Ревизоры осуществляют контроль за своевремен-

ным предоставлением донесений, выполнением требований заключений о результатах ревизий.

Остановимся более подробно на основных нарушениях, выявляемых при проверке начислений заработной платы осужденным. К наиболее часто встречающимся видам нарушений следует отнести ошибки при ведении табеля учета рабочего времени осужденных. В табеле учитываются дни нахождения на длительном свидании, в штрафном изоляторе (без права вывода на работу), которые оплачиваются в полном объеме. Начисление заработной платы осужденным за истекший месяц осуществляется на основании табелей учета рабочего времени, утвержденных начальником учреждения (либо начальником центра – заместителем начальника учреждения), подписанных ответственными за данный участок работы лицами. Однако при сверке данных, отраженных в табелях учета рабочего времени трудоустроенных осужденных, с данными журналов учета, в которых фиксируются дни нахождения осужденных на длительном свидании, в штрафном изоляторе, выявляется несоответствие дат привлечения к работам и дней нахождения в комнате длительного свидания, в штрафном изоляторе. Таким образом, ряд осужденных в дни, отмеченные в табелях как рабочие, находятся на длительном свидании либо в штрафном изоляторе (ШИЗО). Данное нарушение приводит к переплате заработной платы осужденным.

Данный вид нарушений носит систематический характер. Для недопущения такого рода переплат необходимо усилить контроль ответственных за составление табеля учета рабочего времени лиц. Перед сдачей табеля в бухгалтерию ежемесячно необходимо проводить сверку данных табеля с данными журнала, фиксирующими информацию о датах нахождения осужденных в комнатах длительных свиданий и штрафных изоляторах.

Для подтверждения достоверности данных сведений ревизоры при проведении проверки запрашивают справки о нахождении осужденных в комнате длительных свиданий и ШИЗО за ревизуемый период, в обязательном порядке заверенные ответственным сотрудником (начальником отдела безопасности либо начальником учреждения).

Оплата труда производится непропорционально отработанному осужденными времени. В нарушение п. 3 ст. 105 УИК РФ осужденным, трудоустроенным на ставках хозяйственного обслуживания учреждения, оплата труда производится непропорционально отработанному времени. Например, осужденной Ю., трудоустроенной на 0,5 ставки, ежегодный оплачиваемый отпуск предоставлен в сентябре 2022 г. Средний дневной заработок составил 285,81 руб. Средний заработок исходя из минимального размера оплаты труда, установленного с 1 июня 2022 г. составляет 306,60 руб. Недоплата за 12 рабочих дней отпуска составила 249,50 рублей. Согласно ст. 136 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) оплата отпуска производится не позднее, чем за три дня до его начала, в учреждении оплата ежегодного оплачиваемого отпуска осужденным осуществлялась с нарушением установленных сроков. Данное нарушение по результатам ревизии не является нарушением и не отражается в финансовой справке, вместе с тем затрагивает права осужденного на своевременность начисления отпускных в части исполнения ТК РФ, что может повлечь за собой жалобы осужденных в адрес учреждения.

Важным аспектом является правильность и очередность производства удержаний из заработной платы осужденных. Удержания следует производить в следующей очередности:

– обязательные удержания, к которым относятся удержания в соответствии с законодательством: налог на доходы физических лиц (НДФЛ), а также удержания по исполнительным листам (ст. 107 УИК РФ);

– удержания по инициативе администрации: расходы на содержание осужденных в учреждении, удержания за причинение вреда, ущерба;

– удержания по согласованию между работником и администрацией на основании заявления осужденного (сумм излишне начисленной заработной платы).

Основным нарушением при проверке удержаний из заработной платы, пенсий осужденных за возмещение питания и коммунально-бытовых услуг является недоудержание сумм расходов на содержание осужденных и неперечисление их в доход федерального бюджета.

В соответствии с законодательством на лицевой счет осужденных зачисляется независимо от всех удержаний не менее 25 % начисленных им заработной платы, пенсий и иных доходов. Однако при проверке выявляется факт остатка на лицевом счете осужденных более 25 %. Данное нарушение часто возникает по причине того, что в бухгалтерию несвоевременно предоставляется список осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка этого исправительного учреждения. Такие списки должны подаваться ежемесячно. Однако на практике имеют место случаи подачи данных списков с определенной периодичностью, на нерегулярной основе (вплоть до 1 раза в полугодие), что приводит к неправильному исчислению максимальной суммы удержаний.

Сотрудник бухгалтерии, не получив актуальный список на текущий месяц, производит удержание, исходя из данных за предыдущий месяц, учитывая требования законодательства о том, что на лицевой счет осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка исправительного учреждения зачисляется не менее 50 % начисленных им заработной платы, пенсий и иных доходов.

По коммунальным услугам (отопление, электроэнергия, водоснабжение), питанию ответственными сотрудниками также несвоевременно предоставляются ежемесячные расчеты, что, в свою очередь, приводит к некорректному исчислению бухгалтерией сумм удержаний (данные берутся за предыдущий месяц).

Ежемесячно составляется список осужденных, страдающих болезнями, по повышенной норме питания, однако удержание за питание с данных осужденных производится исходя из расчета минимальной стоимости питания, а не повышенной, вследствие этого происходит недоудержание сумм расходов на содержание осужденных и неперечисление в доход федерального бюджета данных сумм.

Осужденным, освобожденным от работы по болезни, осужденным беременным женщинам и осужденным кормящим матерям на период освобождения от работы питание предоставляется бесплатно. Осужденным инвалидам 1-й и 2-й группы, осужденным, содержащимся в воспитательных колониях, питание, средства личной гигиены, коммунально-бытовые услуги предоставляются бесплатно.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что типичными нарушениями в части оплаты труда осужденным являются: оплата труда непропорционально отработанному осужденными времени, размер среднего заработка на период отпуска осужденных рассчитывается исходя из дневной ставки ниже установленного минимального размера оплаты труда, оплата ежегодного оплачиваемого отпуска осужденным производится с нарушением установленных сроков. Типичными нарушениями при проведении удержаний из заработной платы, пенсий и иных выплат является недоудержание сумм расходов на содержание осужденных и неперечисление их в доход федерального бюджета. Данные нарушения возможны в результате недобросовестного исполнения служебных

обязанностей сотрудниками учреждения, отсутствия контроля со стороны руководства учреждения.

Список источников

1. Бадьин А. А., Кузьмина И. А. Организация оплаты труда осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание : сб. материалов Междунар. науч.-теорет. конф. адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. Рязань, 2022. С. 353–359.
2. Буранова Е. А., Русанов Д. Н. Планирование трудовой занятости осужденных // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2020. С. 94–98.
3. Корякин Е. А. Организация работы с осужденными, не выполняющими установленную норму выработки, в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Актуальные вопросы современной науки и образования : сб. науч. ст. по материалам XVIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 240–246.
4. Погудин О. А. О социально-трудовых отношениях в уголовно-исполнительной системе России // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2. С. 210–220.
5. Погудин О. А. Оплата труда осужденных и реформирование уголовно-исполнительной системы // Человек и труд. 2011. № 1. С. 37–42.
6. Погудин О. А. Проблемы оплаты труда осужденных к лишению свободы: социально-экономическое содержание и пути решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8, № 24(165). С. 53–60.
7. Яцкова Ю. В., Клещева И. В. Правовое регулирование оплаты труда лиц, осужденных к исправительным работам // Правовой статус федеральных казенных учреждений УИС в условиях реформирования российского законодательства : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2015. С. 66–69.

References

1. Badin, A. A. & Kuzmina, I. A. 2022, 'Organization of remuneration of convicts in institutions of the penal system', in *Man: Crime and punishment: collection of materials of the International Scientific and Theoretical Conference of Adjuncts, graduate students, applicants, cadets and students*, pp. 353–359, Ryazan.
2. Buranova, E. A. & Rusanov, D. N. 2020, 'Planning the employment of convicts', in *The penal enforcement system at the present stage and prospects for its development: a collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 94–98, Ryazan.
3. Koryakin, E. A. 2019, 'Organization of work with convicts who do not comply with the established production rate in correctional institutions of the Russian penal system', in *Topical issues of modern science and education: collection of scientific articles based on the materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference*, pp. 240–246, Moscow.
4. Pogudin, O. A. 2014, 'On social and labor relations in the penal system of Russia', *Actual Problems of Economics and Law*, iss. 2, pp. 210–220.
5. Pogudin, O. A. 2011, 'Remuneration of convicts and reform of the penal enforcement system', *Man and Labor*, iss. 1, pp. 37–42.
6. Pogudin, O. A. 2012, 'Problems of remuneration of convicts to imprisonment: socio-economic content and solutions', *National Interests: Priorities and Security*, vol. 8, iss. 24(165), pp. 53–60.

7. Yatskova, Yu. V. & Kleshcheva, I. V. 2015, 'Legal regulation of remuneration of persons sentenced to correctional labor', in *The legal status of federal state institutions of the penal system in the context of reforming Russian legislation: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, pp. 66–69, Perm.

Информация об авторах

И. А. Кузьмина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения;

Т. А. Лончакова – ревизор контрольно-ревизионного отдела.

Information about the authors

I. A. Kuz'mina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis, Finance and Taxation;

T. A. Lonchakova – the auditor of the control and audit department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 30.06.2023; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 30.06.2023; accepted for publication 31.07.2023.

Научная статья

УДК 343.262

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.414-421

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

Константин Юрьевич Татаров¹

¹ Группа компаний «Декарт», г. Москва, Россия, ktatarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7532-7129>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы социальной защищенности осужденных к принудительным работам. Исполнение наказаний в виде принудительных работ в корне отличается от других видов наказания тем, что в этом процессе трудовая деятельность осужденного является обязательной и осуществляется на платной основе. Осужденным к принудительным работам предоставляется полная социальная защита – стаж, пенсионное и социальное страхование, льготный выход на пенсию. Получение подобных социальных благ напрямую зависит от корректности представления организацией-работодателем соответствующей отчетности, при составлении которой необходимо учитывать специфику работы со спецконтингентом. Правильно выстроенная система исполнения принудительных работ способна обеспечить осужденным социальную защиту в настоящем, а также будет являться элементом probation после его освобождения.

Ключевые слова: осужденные, оплата труда, исправительные центры, занятость осужденных, пенсионный капитал, probation, льготный стаж

Для цитирования

Татаров К. Ю. Социальная защищенность осужденных к принудительным работам // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 414–421. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.414-421.

Original article

SOCIAL SECURITY OF CONVICTS TO FORCED LABOR

Konstantin Jur'evich Tatarov¹

¹ Descartes Group of Companies, Moscow, Russia, ktatarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7532-7129>

Abstract. The article deals with the issues of social protection of convicts to forced labor. The execution of punishments in the form of forced labor is fundamentally different from other types of punishment in that in this process the labor activity of the convict is mandatory and is carried out on a paid basis. Those sentenced to forced labor are provided with full social protection – seniority, pension and social insurance, preferential retirement. The receipt of such social benefits directly depends on the correctness of the submission of the relevant reporting by the employer organization, when compiling which it is necessary to take into account the specifics of working with a special agent. A properly structured system of execution of forced labor is able to provide convicts with social protection in the present, and will also be an element of probation after their release.

Keywords: convicts, wages, correctional centers, employment of convicts, pension capital, probation, preferential seniority

For citation

Tatarov, K. Ju. 2023, 'Social security of convicts to forced labor', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 414–421, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4). 3.414-421.

Принудительные работы представляют собой один из видов исполнения наказания и заключаются в привлечении осужденного к трудовой деятельности. В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р, к 2030 г. планируется применить принудительные работы в отношении примерно 75 тыс. человек. Данный вопрос рассматривался на встрече К. Чуйченко с Президентом РФ В. В. Путиным в Кремле 31 января 2023 г., на которой было отмечено, что перевод осужденных на принудительные работы поможет еще больше разгрузить тюрьмы и снизить бюджетные расходы на исправительную систему.

Исполнение наказания в виде принудительных работ имеет существенное отличие от иных видов исполнения наказаний. Оно заключается в участии в этом процессе хозяйствующих субъектов, не являющихся элементами уголовно-исполнительной системы (УИС). В процессе исполнения наказания в виде принудительных работ трудовое место заключенного организуется вне территории хозяйствующего субъекта.

Проблема состоит в том, что учреждение УИС в вопросе исполнения наказания в виде принудительных работ не является работодателем. В рассматриваемом случае УИС – исключительно поставщик трудовых ресурсов. Данный факт фиксируется соответствующим договором. Форма типового договора утверждена приказом ФСИН России от 17 декабря 2019 г. № 1138 (далее – типового договор). На основании п. 1.3 типового

договора стороны оговаривают вакантные должности, предназначенные для трудоустройства заключенных.

В настоящее время действуют распоряжение ФСИН России от 31 октября 2009 г. № 313-р «О подготовке договоров об оказании услуг по предоставлению рабочей силы» и Методические рекомендации по подготовке договоров об оказании услуг по предоставлению рабочей силы из числа осужденных при организации взаимодействия со сторонними партнерами. Согласно указанным методическим рекомендациям привлечение осужденных к труду на объектах любых организационно-правовых форм, не входящих в УИС, осуществляется на основании договоров (контрактов), заключаемых руководством учреждений, исполняющих наказания, и организаций-работодателей. Таким образом, принудительные работы регламентируются исключительно с точки зрения УИС, а не предприятия. Этот вопрос остается открытым и малоизученным.

Целью настоящего исследования является анализ исполнения наказания в виде принудительных работ с позиции организации-работодателя, а также выработка алгоритмов действий по представлению отчетности согласно изменениям в законодательстве с 2023 г., то есть в документальной базе социального обеспечения осужденных.

Принудительные работы как вид наказания уже первоначально имеют определенную социальную и демократическую направленность. Это единственный вид наказания, при применении которого предоставляется право подачи ходатайства о замене неотбытой части срока более мягким видом наказания. По вопросам замены лишения свободы принудительными работами интересны статистические исследования Л. И. Разбириной и П. С. Дерягина [1].

Принудительные работы с точки зрения трудового права

Многие отечественные ученые-правоведы склоняются к мысли о том, что принудительные работы остаются за рамками трудовых отношений. Осужденные к принудительным работам привлекаются к труду в соответствии с трудовым законодательством РФ, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу, отказа от выполнения работы, предоставления отпусков (ч. 1 ст. 60.8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Однако И. Н. Карнова в своих трудах доказывает возможность человека, осужденного к принудительным работам, вступать в договорные отношения и быть субъектом трудовых правоотношений [2].

А. П. Соколов еще в 2015 г. предпринял попытку рассмотрения аутстаффинга в отношении персонала, осужденного к принудительным работам [3]. В достаточно полной мере были изучены положительные и отрицательные стороны этого явления. По моему мнению, несмотря на большое технологическое сходство порядка исполнения наказания в виде принудительных работ и деятельности по предоставлению персонала, смешивать эти два понятия не стоит. Деятельность по предоставлению рабочей силы регламентируется ст. 18.1 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации». Основополагающий момент в вопросе предоставления персонала другому работодателю на договорной основе – наличие трудового договора сотрудника с организацией (направляющей стороной). При этом имеется письменное согласие сотрудника на осуществление трудовой функции на территории другой организации (принимающей стороны). Ситуация с принудительными работами принципиально иная. Основным документом является приговор суда о назначении принудительных работ или решение о замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами в случаях и порядке, установленных ст. 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Федерации (УК РФ). Не требуется и согласия осужденного на трудовую деятельность на территории, подконтрольной работодателю.

С точки зрения социальных благ, предоставляемых государством своим гражданам (пенсионное страхование, социальное страхование и обеспечение и пр.), принудительные работы находятся в более выигрышной позиции, нежели обычное привлечение к труду осужденного к лишению свободы. Трудовая деятельность осужденного к принудительным работам, осуществляемая на территории организации-работодателя, законодательно регламентирована и документирована. Менеджмент организации-работодателя представляет на работников всю установленную отчетность, не делая различий между собственными штатными работниками и спецконтингентом. Об осужденных представляется вся необходимая информация, которая будет востребована при наступлении страхового случая (временная нетрудоспособность, болезнь, достижение пенсионного возраста). Вполне возможно, что наступление страхового случая придется на период после окончания срока наказания. Отбывание наказания в виде принудительных работ позволяет осужденному сохранить и преумножить показатели, используемые при исчислении социальных благ – общий трудовой стаж, страховой пенсионный стаж, льготный стаж, пенсионные коэффициенты и прочие показатели. Все индивидуальные сведения, переданные организацией-работодателем в государственные информационные ресурсы, обладают перспективными свойствами, то есть могут быть затребованы заинтересованными пользователями по прошествии длительного временного периода. Многие документы на бумажных носителях со временем будут сданы в территориальные органы Росархива и, в отличие от документов ФСИН России, будут находиться в открытом доступе, обеспечивая возможность получения необходимых справок, выписок и иных документов.

При рассмотрении исследуемого вопроса с позиции организации считаем необходимым документально зафиксировать момент начала работы осужденного на предприятии, издать соответствующий приказ руководителя, в котором будут отражены основные существенные моменты: ФИО осужденного, должность, дата начала работы и размер денежного вознаграждения. Подобный документ имеет смысл определить как приказ о допуске к работе, номер которого не совпадает с нумерацией приказов в кадровом документообороте. Эти данные необходимы бухгалтерии организации, а также отделу кадров для своевременного представления отчетности. На основании подобного приказа также будет производиться списание материальных ресурсов, потребляемых осужденным, например специальной одежды или средств индивидуальной защиты. Оформление трудового договора (контракта) с осужденным мы считаем необязательным, так как это переводит взаимоотношения в плоскость трудового права. Между тем в рассматриваемом вопросе все же первичным является факт исполнения наказания.

В соответствии с законодательством почти все социальные блага зависят от размера заработной платы. Этот подход применяется ко всем россиянам, в том числе к осужденным к исправительным работам. За выполнение трудовых функций спецконтингенту начисляется заработная плата. Начисления, удержания и выплаты осуществляет бухгалтерия организации-работодателя.

В соответствии с ч. 5 ст. 53.1 УК РФ из заработной платы осужденных к принудительным работам производятся удержания в доход государства, перечисляемые на счет соответствующего территориального органа УИС, в размере, установленном приговором суда, в пределах от 5 до 20 %. Осужденные к принудительным работам также обязаны

возмещать расходы по их содержанию: коммунально-бытовые услуги, расходы по своему содержанию в исправительных центрах. Подробный «расклад» вычетов приводит Н. Н. Неустроева [4].

Анализируя явление принудительных работ в хозяйственной деятельности организации-работодателя, мы выявили стойкую закономерность – начисление минимального уровня заработной платы. В большинстве случаев он привязан к региональному минимальному размеру оплаты труда (МРОТ), учитывающему местные территориальные коэффициенты. Принимая во внимание, что МРОТ – это денежная величина (до вычета НДФЛ), ниже которой работодатель не может установить месячную зарплату сотруднику, то организация-работодатель производит в пользу осужденных минимально разрешенные начисления.

С точки зрения работодателя подобный подход оправдан экономическими целями. Сохраняя размер оплаты труда на уровне ниже среднерыночного, организация минимизирует собственные затраты и оптимизирует себестоимость выпускаемой продукции. Вкупе с законодательно предоставленными льготами по налогообложению подобный подход способен дать определенный экономический эффект и укрепить финансовую устойчивость организации.

Однако такой подход имеет и отрицательные стороны:

– из-за малого размера начислений происходит минимизация отчислений в пользу УИС, что способствует недополучению доходов, так как размер удержаний установлен в процентном соотношении. Контроль сотрудников УИС за формированием заработной платы осужденных способен увеличить доходы системы и снизить бюджетную нагрузку на ее содержание;

– многие осужденные являются должниками по исполнительным документам. Уменьшение начислений автоматически уменьшает размеры сумм, причитающихся взыскателям;

– с нерыночной заработной платы происходит удержание НДФЛ, который подлежит зачислению в региональный (областной, республиканский, краевой) бюджет, вызывая замедление его доходной части;

– заниженный размер заработной платы не способствует увеличению индивидуально-пенсионного капитала осужденного, так как он напрямую зависит от размера дохода.

По нашему мнению, сотрудникам УИС в будущем предстоит пересмотреть свои взгляды на этот вопрос и заранее оговаривать размер заработной платы спецконтингента с организацией, готовой предоставить свои рабочие места для исполнения наказания в виде принудительных работ. Особое внимание необходимо уделять осужденным, имеющим профессиональные навыки и компетенции, занятым на соответствующих должностях. Подобный подход, помимо прочего, будет способствовать смягчению социальной напряженности в коллективе, нивелируя разницу в величине платы за труд между осужденными и штатными сотрудниками организации.

Особенности заполнения отчетных форм для Социального фонда России по осужденным к принудительным работам

После подписания руководителем соответствующего приказа о допуске к работе осужденного к принудительным работам у организации возникает необходимость представления сведений по форме ЕФС-1 «Сведения для ведения индивидуального (персонифицированного) учета и сведения о начисленных страховых взносах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (ЕФС-1)». Данная форма и порядок ее заполнения утверждены постановлением Правления ПФР от 31 октября 2022 г. № 245п (зарегистрировано в Минюсте России

19 декабря 2022 г. № 71663). Данная форма представляется в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (Социальный фонд России). Применительно к объекту настоящего исследования мы отмечаем, что указанная форма является основным документом по внесению данных по каждому трудоспособному россиянину в федеральные информационные ресурсы, данные из которых будут использованы в качестве базы для расчета будущих социальных пособий и выплат.

При заполнении большинства форм, представляемых организацией-работодателем, указываются многие персональные сведения сотрудников, в частности СНИЛС, ИНН и др. Относительно осужденных к принудительным работам (в рамках настоящего исследования) мы подразумеваем, что все необходимые документы находятся у осужденных. Порядок действий работодателя в случае отсутствия у осужденного указанных документов (их восстановление или первоначальное получение) мы не рассматриваем.

При оформлении осужденного на работу в течение следующего рабочего дня необходимо представить подраздел 1.1 «Сведения о трудовой (иной) деятельности» указанной формы. Однако заполнение формы при оформлении на работу спецконтингента может вызвать у исполнителя определенные трудности, которые на сегодняшний день не отрегулированы. В частности, в графах 8, 9, 10, в которых указывается основание для записи, должны указываться данные приказа о допуске к работе (наименование, дата, номер). При переводе сотрудника и (или) прекращении его трудовой деятельности в такой организации в этих графах указываются данные соответствующих приказов. Предложения об указании в соответствующих разделах данных договора организации и учреждения УИС считаем необоснованными, так как этот договор является рамочным, применяемым для всех заключенных, а сведения ЕФС-1 – индивидуальными.

В графе 4 «Работа в районах Крайнего Севера (работа в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера)» проставляется соответствующий код, если организация-работодатель территориально находится в соответствующих климатических зонах. Следует отметить, что такой код идентичен для всех сотрудников организации-работодателя, и спецконтингент исключением не является.

В п. 1.3 типового договора в качестве приложения приведен перечень должностей для трудоустройства осужденных. Однако текст типового договора не содержит конкретных указаний на возможность (невозможность) ротации заключенных по вакантным должностям. На сегодняшний день вопрос временной замены одного работника другим остается открытым. По нашему мнению, в сложившейся ситуации следует придерживаться принципа взаимной договоренности о составе и количестве рабочих мест. Право ротации и временной замены одного работника другим должно остаться за руководством учреждения УИС. При этом следует учитывать наличие специальной и профессиональной подготовки осужденного. Однако при документальном подтверждении профессиональных компетенций проблем, по нашему мнению, возникнуть не должно. Например, заменить сварщика, имеющего аттестат, на другого с таким же аттестатом. Должности, не требующие специальной профессиональной подготовки, могут ротироваться и временно заменяться без ограничений.

Организация-работодатель в данном вопросе должна придерживаться следующего порядка. При временном замещении одним работником другого, представления подраздела 1.1 Формы ЕФС-1 не происходит. Однако при ротации кадров, то есть при замене одного осужденного другим на постоянной основе, соответствующие сведения должны быть поданы. Сведения при этом подаются на обоих сотрудников как о переводе на другую работу.

Принципиальным отличием применения принудительных работ является невозможность отказа осужденного от выполняемой работы. Для организации-работодателя это определяет вероятность замещения вакантных должностей, имеющих по результатам специальной оценки условий труда вредные и опасные факторы. Экономический расчет состоит в возможности кадрового планирования в условиях непрестижности рабочего места.

В соответствии с порядком заполнения формы ЕСФ-1 в случае наличия у организации сотрудников, замещающих должности, дающие право на досрочный выход на пенсию либо отвечающие иным требованиям, в Социальный фонд России представляется подраздел 1.2. Если силами осужденных замещены подобные должности, то по каждому человеку ежегодно представляются соответствующие сведения. В российском законодательстве в данном вопросе нет противоречий. Если человек занимается видом деятельности, пагубно влияющим на его здоровье, то он имеет право на льготный выход на пенсию независимо от наличия или отсутствия приговора суда.

Выводы

Исполнение наказания в виде принудительных работ является трудовой функцией. В течение определенного срока осужденный является сотрудником организации, и на него распространяются правила подсчета трудового стажа. Период исполнения принудительных работ от подачи подраздела 1.1 формы ЕСФ-1 о факте приема на работу до даты увольнения включается в общий трудовой стаж. Этот факт будет подтвержден соответствующими записями в электронной трудовой книжке.

Отбывание наказания в форме принудительных работ в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера (работа в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера) способствует возникновению у осужденного территориального (северного) стажа, позволяющего пересчитывать трудовой стаж в повышенном размере.

Исполнение трудовой функции, хоть и в порядке принудительных работ, на рабочих местах с вредными и опасными факторами гарантирует осужденному наличие специального стажа, дающего право на досрочное оформление пенсии.

Период начисления заработной платы независимо от ее размера и необходимых удержаний формирует у заключенного страховой стаж. Это объясняется тем, что начисление страховых взносов происходит с полученного дохода. Этот факт будет подтвержден сведениями по форме РСВ. Страховой стаж, полученный в период исполнения принудительных работ, войдет составной частью в минимальный стаж, необходимый для получения страховой пенсии по достижению осужденным пенсионного возраста.

Размер заработной платы, начисляемой осужденному в течение каждого календарного года, будет формировать индивидуальный пенсионный коэффициент (ИПК), что положительно отразится на размере будущего пенсионного содержания осужденного.

Включение периода принудительных работ в ИПК осужденного в будущем уменьшит размер бюджетной доплаты до размера прожиточного регионального минимума, которая выплачивается всем получающим небольшую пенсию и благотворно повлияет на бюджетную систему.

Размер ежегодной заработной платы уже на второй год отбывания принудительных работ начинает включаться в расчет социального пособия по временной нетрудоспособности. На третий год размер заработной платы полностью учитывается при подобном расчете. Необходимо отметить, что несмотря на наличие статуса осужденного они получают страховые выплаты напрямую из Социального фонда России.

В отдельных случаях при допуске осужденного к работе организацией-работодателем может производиться краткосрочное обучение осужденного или повышение квалификации в связи с длительным перерывом в работе. Например, восстановить осужденному аттестацию (допуск) к работам на высоте. Подобный подход может иметь существенное значение в период социализации человека после освобождения, давая ему возможность трудоустройства по данной специальности. Кроме того, можно рассматривать вариант продолжения работы на данном предприятии уже в статусе освобожденного.

Список источников

1. Разбирин Л. И., Дерягин П. С. Исполнение наказания в виде принудительных работ: состояние и перспективы // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1(50). С. 68–76. DOI: 10.53993/2078-3914/2022/1(50)/68-76.
2. Карнова И. Н. Гражданско-правовое положение осужденных к уголовному наказанию в виде принудительных работ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 115–118.
3. Соколов А. П., Несмелова О. М. Аутстаффинг в уголовно-исполнительной системе: понятие, законодательство, механизм реализации // Концепт. 2015. Т. 13. С. 1181–1185.
4. Неустроева Н. Н. Оплата труда осужденных к принудительным работам // Вопросы современной науки и практики. 2022. № 1(6). С. 18–22.

References

1. Razbirina, L. I. & Deryagin, P. S. 2022, 'Execution of punishment in the form of forced labor: state and prospects', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 1(50), pp. 68–76, doi: 10.53993/2078-3914/2022/1(50)/68-76.
2. Karnova, I. N. 2015, 'The civil status of those sentenced to criminal punishment in the form of forced labor', *Theory and Practice of Social Development*, iss. 18, pp. 115–118.
3. Sokolov, A. P. & Nesmelova, O. M. 2015, 'Outstaffing in the penal system: concept, legislation, implementation mechanism', *Concept*, vol. 13, pp. 1181–1185.
4. Neustroeva, N. N. 2022, 'Remuneration of labor sentenced to forced labor', *Issues of modern science and practice*, iss. 1(6), pp. 18-22.

Информация об авторе

К. Ю. Татаров – кандидат экономических наук, главный бухгалтер.

Information about the author

K. Ju. Tatarov – Candidate of Economic Sciences, Chief Accountant.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 30.06.2023; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 30.06.2023; accepted for publication 31.07.2023.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

Научная статья

УДК 343.8:159.9

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.422-433

ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЙ КОНФЛИКТ ОСУЖДЕННОГО И МЕТОД «ВЗРЫВА»: ПОНЯТИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ

Нина Алексеевна Тюгаева¹, Анастасия Юрьевна Ванюшина²

^{1,2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

¹ upip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5799-3872>

² a.u.vanyushina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6986-9420>

Аннотация. Слабые теоретические знания в области педагогической психологии в совокупности с недостаточной методической осведомленностью не позволяют сотрудникам исправительных учреждений в полной мере добиваться позитивных результатов в исправлении осужденных. В силу этого возникает необходимость повышения, во-первых, психолого-педагогической и конфликтологической компетентности, во-вторых, соответствующей профессиональной подготовки субъектов к успешной практической реализации методов воспитательного воздействия. В целях разрешения сложившегося противоречия предлагается данная статья. В ней актуализируются: 1) теория исправления осужденных; 2) проблема изучения педагогического метода «взрыва», разработанного А. С. Макаренко, и применения его с учетом личности и текущего момента. В статье также раскрываются понятия внутриличностного конфликта, метода «взрыва», предпосылки, факторы, условия, принципы взаимосвязи конфликта и «взрыва». Объектами исследования являются внутриличностный конфликт осужденного как психологический феномен и «взрыв» как педагогический метод, предметом – их взаимосвязь и взаимовлияние, целью – выявление психолого-педагогического механизма трансформации деструктивного внутриличностного конфликта в конструктивный, принятие решения исправиться.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт, метод «взрыва», трансформация, алгоритм действий, исправление осужденного психологические и педагогические технологии, конфликтологическая компетентность

Для цитирования

Тюгаева Н. А., Ванюшина А. Ю. Внутриличностный конфликт осужденного и метод «взрыва»: понятие и взаимосвязь // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 422–433. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.422-433.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Original article

THE CONVICT'S INTRAPERSONAL CONFLICT AND THE "EXPLOSION" METHOD: THE CONCEPT AND RELATIONSHIP

Nina Alekseevna Tjugueva¹, Anastasija Jur'evna Vanjushina¹

^{1,2} Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

¹ upip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5799-3872>

² a.u.vanyushina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6986-9420>

Abstract. Weak theoretical knowledge in the field of pedagogical psychology, combined with insufficient methodological awareness, do not allow correctional officers to fully achieve positive results in the correction of convicts. Because of this, there is a need to increase, firstly, psychological, pedagogical and conflictological competence, and secondly, appropriate professional training of subjects for the successful practical implementation of methods of educational influence. In order to resolve the existing contradiction, this article is proposed. It updates: 1) the theory of correction of convicts; 2) the problem of studying the pedagogical method of "explosion", developed by A. S. Makarenko, and its application taking into account the personality and the current moment. The article also reveals the concepts of intrapersonal conflict, the method of "explosion", prerequisites, factors, conditions, principles of the relationship between conflict and "explosion". The objects of the study are the intrapersonal conflict of the convicted person as a psychological phenomenon and the "explosion" as a pedagogical method, the subject is their relationship and mutual influence, the purpose is to identify the psychological and pedagogical mechanism of transformation of a destructive intrapersonal conflict into a constructive one, making a decision to correct..

Keywords: intrapersonal conflict, the method of "explosion", transformation, algorithm of actions, correction of the convict psychological and pedagogical technologies, conflictological competence

For citation

Tjugueva, N. A. & Vanjushina, A. Ju. 2023, 'The convict's intrapersonal conflict and the "explosion" method: the concept and relationship', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 422–433, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.422-433.

Правительство России утвердило Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р; далее – Концепция). Главная задача Концепции – «обеспечить достижение одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства – исправления осужденных, а также их ресоциализации и социальной адаптации. Решение поставленной задачи возможно через внедрение результатов собственных исследований и разработок». Основной целью Концепции является исправление осужденных, предполагающее обеспечение исполнения на-

казания в условиях, не унижающих человеческого достоинства. Это сложный, многогранный педагогический процесс. В нем всегда взаимодействуют множество сил и влияний, главными из которых являются: 1) активная практическая деятельность сотрудника-воспитателя осужденных (далее – воспитатель), направляющего этот процесс; 2) многообразная деятельность самих осужденных по освоению ими правил и норм поведения, преодолению отрицательных и формированию положительных качеств личности; 3) система форм, методов, средств и приемов психолого-педагогического воздействия, отражающая опыт исправления и перевоспитания осужденных в концентрированном виде; 4) материальная обеспеченность, содействующая успешному осуществлению педагогического процесса.

Своеобразие педагогического процесса в исправительном учреждении характеризуется тем, что объектом воздействия являются лица, имеющие определенные дефекты в воспитании, которые нужно устранить, формируя положительные качества личности, необходимые для реализации и социальной адаптации. При этом следует учитывать, что все многообразие воспитательных воздействий можно разделить на две основные группы: опосредствованное и прямое воздействие.

Под прямым воздействием понимается непосредственное влияние воспитателя на осужденного примером, словом, взысканием или поощрением и т. п. При прямом воздействии воспитателя с осужденным возникает личное общение. Беседа инспектора уголовно-исполнительной инспекции, психолога, учителя, другого воспитателя, священнослужителя с отдельными осужденными, лекция на моральную тему в группе осужденных, а также различные виды индивидуальной работы и есть прямое воздействие, которое может принимать различные формы: «от атаки в лоб до обходных движений» и «индивидуальной обработки» [3, с. 173–177].

Опосредствованное воздействие – это воздействие на осужденного через коллектив, через организацию практической деятельности осужденных, на коллектив – через личность. В данной ситуации как бы отсутствует прямой контакт между осужденным и воспитателем или между коллективом осужденных и воспитателем. В целях исправления используется не только личное влияние воспитателей, но и сила коллектива осужденных, его спортивных секций, кружков, общественно полезного труда, возможностей режима и т. п. А. С. Макаренко опосредствованное воздействие называл педагогией параллельного воздействия. «В сущности это и есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем что до личности нам нет никакого дела» [3, с. 466].

В практике исправления осужденных нередко наблюдаются случаи, когда одни воспитатели, организуя педагогический процесс, переоценивают прямое воздействие (свое личное влияние) и недооценивают опосредствованное воздействие или наоборот. Следует помнить, что наиболее сильное воспитывающее влияние достигается в результате диалектического сочетания прямого и опосредствованного воздействия на психику осужденного.

Исправление нельзя представлять как элементарный поэтапный процесс «выкорчевывания» негативных качеств личности, а затем развития положительных. Это двуединый процесс: одновременно в сознании личности проходит, с одной стороны, разрушение старых убеждений, черт характера, взглядов, привычек и качеств личности, с другой – выработка новых. Прежние привычки, взгляды разрушаются и вытесняются

новыми, а новые укрепляются в борьбе со старыми. Таким образом, исправление – это процесс систематического преодоления противоречий, возникающих между средой и личностью, а также внутренних противоречий личности. И как результат происходит возникновение внутриличностного конфликта.

Практика показывает, что в зависимости от множества субъективных и объективных факторов, формирование новых и разрушение старых качеств личности может идти: 1) бесконфликтно, равномерно, эволюционным путем, постепенно, то есть путем постепенной перестройки сложившегося стереотипа в результате действия закона суммарных внешних воздействий; 2) скачкообразно, путем «взрыва», с возникновением внутренних конфликтов, преодоление которых ведет, как говорил К. Д. Ушинский, «к моральному обновлению личности»; 3) неравномерно, с задержками, кратковременными или длительными отступлениями, которые нередко приводят к рецидиву старых убеждений и наклонностей.

Исправление как специальный усложненный процесс воспитания связано с преодолением устойчивого психического сопротивления воспитуемых. Основу психического сопротивления составляют издержки прежнего воспитания, антиобщественный образ жизни, потребностно-мотивационная сфера поведения правонарушителей. Нередко это происходит потому, что осужденные свое внутреннее сопротивление маскируют внешним положительным отношением к воспитательному воздействию, внешней податливостью к нему.

Выкорчевывание старых и развитие новых качеств личности и любые другие трансформации в психике осужденного не являются простым механическим последствием тех или иных воспитательных воздействий. «Воздействие, оказываемое на нас любым событием в жизни, – справедливо отмечал С. Л. Рубинштейн, – всегда обусловлено тем, что мы до того передумали, какую внутреннюю работу проделали» [8, с. 118]. В зависимости от степени психического сопротивления, выработанного в процессе этой работы, от самой проделанной работы одни и те же воспитательные воздействия вызывают у разных осужденных разное внутреннее отношение к ним. Диалектика внешних воздействий и внутренних отношений к ним заключается в том, что отраженное воспитательное воздействие только при положительном отношении к нему становится личным достоянием человека. В зависимости от внутреннего мира осужденного и, соответственно, в зависимости от проделанной внутренней работы формируются его убеждения, черты характера, привычки, наклонности и ценности, то есть происходит процесс исправления. В результате этого процесса образовавшиеся новые качества влияют на последующий процесс отражения воспитательных воздействий, на дальнейший процесс исправления.

Таким образом, происходят постепенные изменения в поведении и деятельности развивающейся личности. Возможен и другой вариант: отраженное воспитательное воздействие сталкивается с отрицательным внутренним отношением к нему, и, как следствие, процесс исправления затрудняется. Диалектическое соотношение внешних и внутренних воздействий и внутренних отношений к ним изменяется. Человек оказывается в практическом и психологическом тупике. Возможны следующие варианты: 1) в зависимости от характера человека следует помочь осужденному избежать духовного кризиса, поскольку в силу психических и других особенностей личности подобный кризис может сломать человека; 2) найти эффективные пути и способы выхода из практического и психологического тупика; 3) наоборот, до предела обострить внутрен-

ние противоречия и конфликты личности, вызвать большое нравственное потрясение, «взрыв», что способствовало бы конкретной логике прежних взглядов и привычек, окончательному разрыву с преступным прошлым.

Третий вариант рассмотрим подробнее, поскольку речь далее пойдет о «взрыве», и начнем с высказывания К. Д. Ушинского: «...В неисчерпаемо богатой природе человека бывают и такие явления, когда сильное душевное потрясение, необычайный порыв духа, высокое одушевление – одним ударом истребляют самые вредные наклонности и уничтожают закоренелые привычки, как бы стирая, сжигая своим пламенем всю прежнюю историю человека, чтобы начать новую под новым знаменем» [10, с. 229]. Данное явление в человеческой психике принято называть «взрывом». «Взрыв» в психологии – явление коренной и стремительной перестройки личности под влиянием поражающих, сильных, ошеломляющих своей неожиданностью обстоятельств. Использование «взрыва» в качестве приема педагогического воздействия требует создания специальных условий, в которых у обучающихся возникли бы новые, сильные чувства. В связи с этим затрагиваются основные чувства, связанные с перспективами, жизненными интересами, отношениями с педагогом, в семье и коллективе, поскольку они способны ошеломить человека своей необычностью и неожиданностью. В данной ситуации у человека происходит столкновение нервных процессов. Внезапный раздражитель (зрелище, информация и т. д.) вызывают у него беспокойство. Это приводит к изменению взглядов на события, вещи, отдельных людей и даже на мир в целом.

Явление «взрыва» подробно описано в художественной литературе, например, перевоспитание («взрыв») Жана Вальжана, героя романа В. Гюго «Отверженные». «Выйдя из тюрьмы, Вальжан стал изгоем из-за своего паспорта, который не давал ему возможности скрыть факта что он бывший преступник. Единственным, кто отнесся к нему как к добропорядочному человеку, стал епископ Мириэль, встреча с которым меняет Вальжана. Епископ не выдал Вальжана, когда тот украл из его дома фамильное серебро, и сказал полиции, что сам отдал его ему. После этого Вальжан принял раскаяние, стал честным и достойным человеком и взял на себя роль отца юной Козетты после того, как умерла ее мать, Фантина».

Несколько примеров метода «взрыва» приводит А. С. Макаренко. Первый – «когда беспризорников, собранных на вокзале и снятых с поездов, встретил на площади великолепный духовой оркестр колонии. Естественно, они были потрясены. Второй пример связан с эпизодом, когда А. С. Макаренко назвал колониста «сволочью» и тот так глубоко пережил это, что сделался вполне порядочным человеком». Примером «взрыва» может быть случай, «когда воспитатель вынужден был ударить колониста». «Взрывом» можно назвать и исключительный прием воспитания, когда А. С. Макаренко учил своих колонистов пить водку. «У меня не было другого выхода», – признается педагог. И это дало свои положительные результаты. Многие из тех, кто мог легко погибнуть от пьянства, научились ограничивать себя, сделались полезными обществу людьми. То же самое было и с курением. «Я покупал им табак и папиросы, и они курили в моем присутствии. Я не пошел на путь максимума, и это позволило мне вести борьбу с курением другими средствами. Запрещения ничего не дают» [7, с. 134–135]. Эти сюжеты показывают эффективность убеждающих поступков, сочетающих приемы «напряженное ожидание» и «взрыв».

Думающий педагог ищет пути истинной помощи своим воспитанникам. Но исправлять изменившееся поведение равными методами у всех невозможно, поэтому пути

коррекционного воспитания часто отклоняются от линии общей педагогической теории. Изложенные примеры помогают понять сущность «взрыва» как метода воспитания с учетом личности и вызовов современной жизни. «Надо прямо сказать, что взрывной маневр – вещь очень болезненная и педагогически трудная...» [3, с. 510].

Через практическую работу А. С. Макаренко пришел к выявлению теоретических проблем, например, о «взрыве». Являясь сторонником «быстрого торможения», А. С. Макаренко писал: «Я на своем веку перековал много сот, даже до трех тысяч людей. Это можно делать взрывом, атакой в лоб, без всяких обходов, без всяких хитростей, решительным, категорическим потоком требований» [4, с. 151–152]. А. С. Макаренко «был убежден, что самые тяжелые характеры, самые убийственные комплексы привычек никогда эволюционно не разрешаются. В эволюционном порядке собираются, подготавливаются какие-то предрасположения, намечаются изменения в духовной структуре, но все равно для реализации их нужны какие-то более острые моменты, взрывы, потрясения» [5, с. 69–73]. В Харькове применялся этот метод к группе новичков в 30–50 чел. Так и в индивидуальном порядке перевоспитания, если были случаи счастливого перелома личности, то путем «взрыва» [4, с. 151–152]. Детально метод взрыва А. С. Макаренко описывает в «Педагогической поэме», используя его в подходе к Аркадию Ужикову. «В выходной день в колонию им. Горького приехали погостить бывшие колонисты-рабфаковцы. Колонисты очень любили рабфаковцев. Для них устроили спальню в одной из классных комнат, а днем организовали гулянье в лесу. Пока ребята развлекались, Ужиков проник в их комнату и утащил портфель, в который рабфаковцы сложили только что полученную стипендию. Всем было нестерпимо стыдно. Преступление Ужикова было раскрыто только на третий день. Совет командиров постановил передать дело в товарищеский суд, который проходил при полном зале. В полной тишине, стоя, колонисты выслушали приговор: «Как врага трудящихся и вора Ужикова нужно с позором выгнать из колонии. Но, принимая во внимание, что за него просит Наркомпрос, товарищеский суд постановил: 1) оставить Ужикова в колонии; 2) не считать его членом колонии на один месяц, исключить из отряда, не назначать в сводные отряды, запретить всем колонистам разговаривать с ним, помогать ему, есть за одним столом, спать в одной спальне, играть с ним, сидеть рядом и ходить рядом; 3) считать его под командой прежнего командира Дмитрия Жевелия, и он может говорить с командиром только по делу, а также, если заболел, – с врачом; 4) спать Ужикову в коридоре спален, а есть за отдельным столом, а работать, если захочет, в одиночку, по наряду командира; 5) всякого, кто нарушит это постановление, немедленно выгнать из колонии. Приговор начинает действовать сразу после утверждения заведующим колонией».

Первое время после приговора Ужиков ходил героем. На его лице появилось явное выражение тщеславия и гордости. Но увлекательная поза героя скоро израсходовалась. Аркадий начал переживать тяжелые дни совершенного одиночества, дни тянулись пустой, однообразной очередью, целыми десятками часов, не украшенных даже ничтожной теплотой человеческого общения. Ребята отметили разительную перемену в его отношении к работе. Командир назначал его большей частью на уборку двора. Аркадий выполнял очень добросовестно работу. Однажды он написал на большом листе бумаги обращение к колонистам: «Колонист, уважай труд товарища, не бросай бумажки на землю».

На половине испытания Ужикова, увидев коренные изменения в его поведении, колонистка Наташа Петренко предложила общему собранию простить Ужикова, амнисти-

ровать его. Колонисты единогласно согласились с этим предложением и поздравили Аркадия.

Ужиков вышел на сцену, посмотрел на собрание, открыл рот и... заплакал. Наконец сказал: «Спасибо, хлопцы... И девчата... И Наташа... Я... тот... все понимаю, вы не думайте... Пожалуйста». Колонисты окружили Ужикова, выражая свои симпатии и доброжелательное отношение. А заведующий колонией Захаров вздохнул свободно, как врач после трепанации черепа» [5, с. 427–433].

Итак, после пребывания в колонии больше года Аркадию Ужикову потребовалось всего две недели, чтобы полностью изменить свое поведение и взгляды. «Взрыв» в его поведении и сознании произошел в результате наказания и осуждения. На вопрос «Можно ли использовать метод взрыва в педагогических целях?», А. С. Макаренко ответил положительно. Он пользовался «взрывом» и ввел в педагогическую литературу понятие метода «взрыва». Намеренно такие «взрывы» А. С. Макаренко не создавал, но, когда они случались естественным путем, «я видел и научился учитывать их великое значение» [3, с. 507].

«Взрывом» А. С. Макаренко называл доведение конфликта до последнего предела, до такого состояния, когда уже нет возможности ни для какого развития. «Взрыв» – это такое воздействие на воспитанника, которое должно «взорвать» его нездоровую внутреннюю установку и очистить в душе место для формирования нового качества. Последний предел, крайний конфликт может выражаться в самых разнообразных формах. «Я выбирал из общей цепи конфликтных отношений самое яркое, выражающее и убедительное, для всех понятное» [6, с. 457–459].

Таким образом, метод «взрыва» – специфический метод перевоспитания, разработанный А. С. Макаренко, означает: взрыв, взорваться, устроить сцену. «Взрывается» не внутренний мир личности в целом, а ее испорченные отношения с коллективом, обществом. «Взрыв» опасен, его могут пережить не все воспитанники, поэтому пользоваться этим методом можно лишь в крайних случаях. Вопрос о «взрыве» – один из центральных вопросов педагогики перевоспитания.

Метод «взрыва» выполняет лишь одну функцию перевоспитания: разрушает структуру трудновоспитуемости, ломает связи между отрицательными качествами, однако не ликвидирует сами недостатки. В связи с этим за методом «взрыва» должно последовать переубеждение, переучивание и воспитание положительных качеств.

Анализ и синтез вышеизложенных основных теоретических понятий процесса исправления осужденных, метода «взрыва» логически приводят к решению вопроса о феномене «внутриличностный конфликт», его взаимосвязи с «взрывом» и роли в достижении поставленной цели исследования. В подготовленных материалах «Книги для родителей» А. С. Макаренко приводит фрагмент «Борьба с собой». Рассмотрим его: «Мать – студийка. Днем на репетиции, вечером в театре. Нужда, оскаленные зубы и в то же время жадность на радости. Сын ей мешает, над сыном она почти издевается. И у него развивается злоба, беспросветность, слабость воли. Какой-нибудь важный взрыв, и у него начинается борьба с самим собой. Он начинает с того, что принимает на себя все домашнее хозяйство. Он научается стирать, мыть полы, штопать, ходить на базар. Он еще суров и зол, но он воскресает как личность. Здесь возможны интересные фабульные концы» [8, с. 277]. Перцепция (восприятие) и рефлексия (осознание) приведенной великим мастером педагогики ситуации помогает решить поставленный выше вопрос с учетом личности осужденного и возможностей. Как показывает личный опыт работы

авторов с осужденными, внутриличностный конфликт у них возникает и развивается в соответствии со следующим алгоритмом действий: 1) совершение преступления, вынесение судом приговора; 2) отбывание наказания в исправительном учреждении; 3) возникновение конфликта (как отбывать наказание):

– не нарушая условия отбывания наказания, поскольку у осужденного есть осознание тяжести совершенного деяния (конструктивный конфликт);

– с нарушением обязанностей, поскольку нет осознания тяжести совершенного деяния, чувства вины, покаяния, раскаяния, остается склонность к противоправным действиям и т. п. (деструктивный конфликт);

– с частичным нарушением обязанностей возложенных на них судом, нет осознания тяжести совершенного деяния, нет чувства вины, раскаяния, они успешно скрывают за «примерным поведением» антиобщественную позицию (гибридный конфликт);

4) применение психодиагностического инструментария с целью выявления типов конфликтов; 5) реализация психологической программы развития конфликтологической компетентности.

Проведенный анализ и синтез имеющихся в научной литературе теоретических представлений о внутриличностном конфликте, результатов эмпирических исследований и существующей практики позволили выявить несколько разных научных подходов. Рассмотрим некоторые из них, использованные в данном исследовании.

В соответствии с психолого-ориентированным подходом под внутриличностным конфликтом понимается борьба между структурами внутри личности или несовместимыми силами (З. Фрейд); между чувством неполноценности и стремлением его преодолеть (А. Адлер); между стремлением к самоактуализации и реальным результатом (А. Маслоу). Согласно социально-ориентированному подходу (К. Роджерс, Р. Дарендорф, К. Боулдуин и др.) под внутриличностным конфликтом понимается возникновение противоречия, наличие конфликтных и несовместимых мыслей, убеждений и взглядов.

С позиции экзистенциальной психологии (поиск смысла) внутриличностный конфликт понимается как ситуация потери личностью смысла жизни (В. Франкл).

В теории деятельности конфликт интерпретируется с помощью структурных компонентов деятельности (отношение, мотив, цели), которые являются основаниями для конфликта или условиями для возникновения конфликта (А. Н. Леонтьев, В. С. Мерлин, В. Н. Мясищев).

В сфере юридической психологии и деятельности сотрудников органов внутренних дел (В. В. Вахнина, Т. В. Мальцева, В. М. Поздняков, И. Б. Пономарев, А. Н. Сухов, Ю. А. Шаранов) внутриличностный конфликт рассматривается как столкновение, вызванное противоречием установок, целей, способов по отношению к конкретному явлению, предмету, ситуации.

Проведенный сравнительный анализ и синтез представленных выше определений исследуемого феномена в русле различных психологических подходов позволил сделать логический вывод: установлены сходства сущностей понятий внутриличностного конфликта, основой которого является негативное психическое состояние: внутренние переживания, обиды, разочарования, потеря смысла жизни. В то же время важно отметить, установлены и различия содержания понятия внутриличностного конфликта, обусловленные психологическими особенностями личности.

Таким образом, изложенная научная информация о понятиях «внутриличностный конфликт», метод «взрыва» требует ответить на вопрос о их взаимозависимости.

В связи с этим обозначим авторскую позицию по определению внутриличностного конфликта осужденного к лишению свободы условно. Исходя из понимания внутриличностного конфликта в соответствии с рассмотренными научными подходами, считаем не менее интересным и более актуальным по отношению к данному исследованию социально-психологический подход А. Н. Сухова. Он определяет внутриличностный конфликт как принятие решения с целью преодоления препятствий на фоне значимых эмоциональных переживаний [9, с. 247–256]. Принятие решения осужденным само по себе педагогически значимо, поскольку оно теснейшим образом связано с «взрывом», начинается «борьба с самим собой» (А. С. Макаренко).

Принятие решения способствует, во-первых, достижению цели (практической, духовно-нравственной, психолого-педагогической); во-вторых, принятие решения личностью, находящейся в состоянии внутриличностного конфликта, является одной из важнейших психологических особенностей личности осужденного, так как именно в ситуации принятия решения формируется конструктивный, деструктивный или гибридный внутриличностный конфликт; в-третьих, концепция социально-психологического подхода позволяет представить внутриличностный конфликт осужденного как процесс возникновения и развития проблемной ситуации, ее восприятие и осмысление, принятие осознанного решения.

Изложенные теоретические основы процесса исправления осужденных, внутриличностного конфликта (возникает у всех осужденных), метода «взрыва» (происходит не у каждого осужденного) в соответствии с целью исследования позволили определить научную проблему, которая заключается в разработке алгоритма успешной трансформации деструктивного внутриличностного конфликта в конструктивный. Поиск путей решения названной научной проблемы приводит, в свою очередь, к развитию чувства вины за совершенное преступление → покаянию (внешнее воздействие) → раскаянию (внутреннее воздействие) → обоснованному восприятию → осознанию → принятию решения → взрыву → сознательному исправлению → педагогической превенции.

Итак, изложенный порядок действий субъектов воспитания – осужденных – и есть искомый алгоритм трансформации деструктивного внутриличностного конфликта в конструктивный, применение которого способствует реализации научного замысла исследования. В целях доказательства достоверности изложенного приведем конкретный пример.

Одним из авторов статьи (А. Ю. Ванюшиной) было проведено монографическое исследование на тему «Психологические особенности внутриличностного конфликта осужденных к лишению свободы условно». В исследовании приняли участие 350 условно осужденных в возрасте от 22 до 63 лет. Среди них есть осужденные за тяжкие преступления, преступления средней и небольшой тяжести, впервые и повторно осужденные, разные по семейному положению, уровню образования – от неполного среднего до высшего образования, мужчины и женщины, трудоустроенные и неработающие и даже пенсионеры. Все они отбывают наказание (состоят на учете) в уголовно-исполнительных инспекциях. В эксперименте приняли участие 96 осужденных (по 24 человека в двух экспериментальных и двух контрольных группах).

Результаты исследования показали, что начало (возникновение) внутриличностного конфликта существует почти у всех осужденных – надо лишь создавать для проявления его подходящие условия. Для этого нужно работать с осужденными, все время внимательно их изучая. Для условно осужденных характерен деструктивный внутриличност-

ный конфликт, сопровождающийся низкими показателями чувства вины за совершенное преступление, склонностью к делинквентному, аддиктивному поведению, к агрессии и насилию. Такой тип конфликта возникает в обстоятельствах, при которых личность в процессе принятия решения для достижения цели не может отказаться от противоправных, аморальных средств ее достижения. Конструктивный внутриличностный конфликт возникает в условиях принятия решения, не выходящего за рамки права и морали, по преодолению внешних и внутренних препятствий для достижения позитивных целей на фоне значимых переживаний, что вызывает у условно осужденных чувство вины, порождает позитивную динамику отношения к наказанию, к социальным представлениям о снятии судимости. Гибридный внутриличностный конфликт проявляется в условиях принятия решения условно осужденным посредством лжи, фейков, специальных средств криминального общения. Другими словами, это конфликты, которые используются для прикрытия деструктивных целей.

С учетом выявленных психологических особенностей внутриличностного конфликта разных типов была разработана психологическая программа развития конфликтологической компетентности.

Представим ее в виде алгоритма действий:

- 1) выявление условно осужденных, находящихся в ситуации формирования и развития внутриличностного конфликта;
- 2) организация и осуществление когнитивных занятий с условно осужденными, способствующих усвоению понятия, типов, психологических особенностей внутриличностного конфликта и развитию конфликтологической компетентности;
- 3) определение типа внутриличностного конфликта и уровня его выраженности у каждого условно осужденного;
- 4) аутогенная тренировка для расслабления и снижения эмоциональной напряженности;
- 5) арт-терапия, направленная на изучение чувств и эмоций, с целью переживания своих внутренних проблем и противоречий;
- 6) консультирование;
- 7) психотехника «пустой стул» – это упражнение по восприятию (перцепция), осознанию (рефлексия) условно осужденным внутренних конфликтов, формированию умений самостоятельно разбираться в своих эмоциях и чувствах, желаниях измениться (не измениться), исправиться (не исправиться), принятии (непринятии) решения с целью преодоления препятствий на фоне значимых переживаний, связанных с осознанием совершенного преступления;
- 8) когнитивно-поведенческая психотерапия – методика психологического воздействия на условно осужденного в когнитивно поведенческом направлении. Индивидуальная организация таких воздействий создает «когнитивную стратегию личности», определяющую эмоции и поведение;
- 9) индивидуальное консультирование;
- 10) фиксация и анализ самоотчетов условно осужденных.

После реализации психологической программы развития конфликтологической компетентности спустя шесть месяцев были проанализированы самоотчеты и проведены беседы с условно осужденными экспериментальной группы. Были опрошены также сотрудники уголовно-исполнительной инспекции на предмет подмечаемых изменений у экспериментальной группы. В своих анкетах сотрудники отметили положительную динамику

после проведения психологической программы в экспериментальной группе, а именно: 20 осужденных решили пройти лечение от алкогольной и наркотической зависимости, 15 – трудоустроились официально, 25 – предприняли попытки помириться с семьей или детьми, 10 – начали выплачивать материальный ущерб жертве преступления. 65 % участников экспериментальной группы после психологической программы не нарушали обязанности, возложенные на них судом, не привлекались к административной ответственности. Семь осужденных, принимавших участие в экспериментальной группе, освобождены условно-досрочно. В контрольной группе: 2 осужденных трудоустроились, 2 – продолжили обучение.

Эти данные свидетельствуют о том, что у условно осужденных, принимавших участие в психологической программе развития конфликтологической компетентности, в экспериментальной группе произошла трансформация деструктивного внутриличностного конфликта в конструктивный, что, в свою очередь, способствует успешности отбывания наказания, ресоциализации и в целом исправлению.

Проведенная психокоррекционная и педагогическая работа неизбежно ставит условно осужденного в абсолютно новую и незнакомую для него жизненную ситуацию. Он вынужден учиться планировать и прогнозировать свою жизнь, ставить перед собой отдельные и вытекающие из них ежедневные цели и задачи, «ломать» привычный жизненный стереотип, пересматривать контакты, по-другому строить отношения с семьей, брать ответственность за свою жизнь и поступки на себя. Иными словами: определить «ближнюю, среднюю, дальнюю перспективы» (А. С. Макаренко). Естественно, такая ситуация наступает, как свидетельствует практика, «с учетом личности»: деструктивный внутриличностный конфликт путем «взрыва» трансформируется в конфликт конструктивный.

Предпринятая авторами экскурсивная выборка (практические примеры, статьи, результаты исследований) основных направлений, форм, методов, средств в деятельности уголовно-исполнительных инспекций позволила доказать действенность психологической программы развития конфликтологической компетентности и в конечном итоге успешной трансформации деструктивного внутриличностного конфликта в конструктивный.

Список источников

1. Ванюшина А. Ю. Теоретические основы исследования внутриличностного конфликта условно осужденных // *World science: problems and innovations* : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Пенза, 2018. Ч. 2. С. 225–227.
2. Жильцова Ю. В. К вопросу исследования конфликтного поведения среди сотрудников уголовно-исполнительной системы // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта.* 2023. № 4(208). С. 535.
3. Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. М. : Академия педагогических наук РСФСР, 1958. Т. 5. 558 с.
4. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. М. : Педагогика, 1986. Т. 7. 318 с.
5. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 3. 508 с.
6. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 5. 331 с.
7. Подласый И. П. Курс лекций по коррекционной педагогике. М. : Владос, 2002. С. 349 с.
8. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М. : Академия наук СССР, 1959. 354 с.

9. Сухов А. Н. Социально-психологическая конфликтология: состояние и перспективы развития // Человеческий капитал. 2022. № 12(168). С. 247–256.

10. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л. : Академия педагогических наук РСФСР, 1950. Т. 8. 774 с.

References

1. Vanyushina, A. Yu. 2018, 'Theoretical foundations of the study of intrapersonal conflict of probation prisoners', in *World science: problems and innovations: collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference*, in 2 vols, vol 2, pp. 225–227, Penza.

2. Zhiltsova, Yu. V. 2023, 'On the issue of studying conflict behavior among employees of the penal enforcement system', *Scientific Notes of the P. F. Lesgaft University*, iss. 4(208), p. 535.

3. Makarenko, A. S. 1958, *Essays*, in 7 vols, vol. 5, Academy Pedagogical Sciences of the RSFSR, Moscow.

4. Makarenko, A. S. 1986, *Pedagogical works*, in 8 vols, vol. 7, Pedagogy, Moscow.

5. Makarenko, A. S. 1984, *Pedagogical works*, in 8 vols, vol. 3, Pedagogy, Moscow.

6. Makarenko, A. S. 1984, *Pedagogical works*, in 8 vols, vol. 5, Pedagogy, Moscow.

7. Podlasyi, I. P. 2002, *Course of lectures on correctional pedagogy*, Vlados, Moscow.

8. Rubinstein, S. L. 1959, *Principles and ways of development of psychology*, USSR Academy of Sciences, Moscow.

9. Sukhov, A. N. 2022, 'Socio-psychological conflictology: the state and prospects of development', *Human Capital*, iss. 12(168), pp. 247–256.

10. Ushinsky, K. D. 1950, *Collected Works*, in 11 vols, vol. 8, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, Moscow, Leningrad.

Информация об авторах

Н. А. Тюгаева – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры юридической психологии и педагогики;

А. Ю. Ванюшина – старший преподаватель-методист факультета подготовки научно-педагогических кадров.

Information about the authors

N. A. Tjugueva – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy;

A. Ju. Vanjushina – senior lecturer-methodologist of the Faculty of training of scientific and pedagogical personnel.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 17.08.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 17.08.2023.

Научная статья

УДК 159.9:343.8 (477)

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.434-445

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОСУЖДЕННЫХ-ИНОСТРАНЦЕВ (ГРАЖДАН УКРАИНЫ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ)

Александр Викторович Рогов¹, Станислав Викторович Горностаев², Роман Михайлович Воронин³

¹ УФСИН России по Владимирской области, г. Владимир, Россия, vladmpl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7808-1611>

^{2,3} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

² stanislavrz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>

³ rmvoronin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9794-972X>

Аннотация. В статье рассмотрены психологические особенности осужденных-иностранцев. Ранее рядом ученых поднимался вопрос национальных особенностей осужденных и их учета в работе по исправлению. Имеющиеся исследования были направлены преимущественно на изучение особенностей осужденных – выходцев из государств Средней Азии в связи с их значительной долей в социально-демографической структуре осужденных. Осужденные граждане Украины ранее не выступали в качестве специального предмета психологических исследований, в том числе сравнительного характера. Объектом исследования являются психологические характеристики осужденных граждан Украины, полученные в ходе проведения психологических исследований в исправительных колониях. Методики исследования: «Опросник суицидального риска» (ОСР), тест Г. Смишека, «Карантин», «Индивидуальный типологический опросник» (ИТО), «Оценка уровня волевого самоконтроля» (ВСК), «Изучение смысложизненных ориентаций» (СЖО) и «Комплексное исследование личности осужденного» (КИЛО). Методы статистической обработки данных – расчет средних значений и графический анализ. Объем выборки исследования – 754 чел.

Ключевые слова: характеристика личности, осужденные иностранцы, национальный менталитет, исправительные колонии, психологическая диагностика, граждане Украины, национальные особенности, национальная специфика осужденных

Для цитирования

Рогов А. В., Горностаев С. В., Воронин Р. М. Психологические особенности русскоязычных осужденных-иностранцев (граждан Украины, отбывающих наказание

в виде лишения свободы) // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 434–445. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.434-455.

Original article

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF RUSSIAN-SPEAKING FOREIGN CONVICTS (CITIZENS OF UKRAINE SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT)

Aleksandr Viktorovich Rogov¹, Stanislav Viktorovich Gornostaev², Roman Mihajlovich Voronin¹

¹ The Federal Penitentiary Service of Russia for the Vladimir region, Vladimir, Russia, vladmpl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7808-1611>

^{2,3} Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

² stanislavrz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>

³ rmvoronin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9794-972X>

Abstract. The article examines the psychological characteristics of foreign convicts. Earlier, a number of scientists raised the issue of the national characteristics of convicts and their consideration in the work of correction. The available studies were mainly aimed at studying the characteristics of convicts from Central Asian states in connection with their significant share in the socio-demographic structure of convicts. Convicted citizens of Ukraine have not previously acted as a special subject of psychological research, including comparative studies. The object of the study is the psychological characteristics of convicted citizens of Ukraine obtained during psychological research in correctional colonies. Research methods: "Suicide Risk Questionnaire" (SRS), G. Smishek test, "Quarantine", "Individual typological Questionnaire" (ITO), "Assessment of the level of volitional self-control" (VSK), "Study of life orientations" (SSO) and "Comprehensive study of the personality of the convicted person" (KILO). Methods of statistical data processing – calculation of averages and graphical analysis. The sample size of the study is 754 people.

Keywords: personality characteristics, convicted foreigners, national mentality, correctional colonies, psychological diagnostics, citizens of Ukraine, national characteristics, national specifics of convicts

For citation

Rogov, A. V., Gornostaev, S. V. & Voronin, R. M. 2023, 'Psychological features of Russian-speaking foreign convicts (citizens of Ukraine serving a sentence of imprisonment)', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 434–445, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.434-445.

Введение

Психологическое обеспечение работы с различными социально-демографическими категориями осужденных является одним из актуальных направлений современной пенитенциарной психологии. Наряду с более разработанными вопросами возрастных

и гендерных различий ряд ученых предпринимает попытки исследования национальной специфики осужденных. На необходимость анализа воспитательной работы с осужденными, учета их национально-психологических особенностей или национального характера указывала, в частности, О. Н. Мазеина [8]. Попытки исследования национально-психологических особенностей осужденных в отечественных пенитенциарных учреждениях предпринимались и ранее [2, 9, 11]. По данным М. И. Кузнецова, О. Г. Ананьева [7] и С. А. Красненковой [6], среди осужденных-иностранцев до недавнего времени преобладали осужденные из Средней Азии, и именно они преимущественно являлись объектами исследования пенитенциарных психологов. Однако в современных условиях актуализировалась проблема осужденных – выходцев из Украины. Перспектива расследования военных и иных преступлений, связанных с проведением специальной военной операции, и вынесения приговоров по этим преступлениям, в том числе с исполнением наказаний в виде лишения свободы, делает актуальным изучение психологических особенностей граждан Украины, число которых в учреждениях уголовно-исполнительной системы России можеткратно возрасти. Ориентиром для психологов и начальников отрядов в деле исправления осужденных данной категории будут являться надежные психологические данные о выявленных особенностях этих осужденных, помогающие интерпретировать с позиции национальных черт личность осужденного, избегать измышлений и стереотипов, которые имелись и ранее [3], однако заметно активнее стали распространяться в обществе на фоне текущего конфликта. Влиянию предубеждений, которые могут неосознанно реализовываться в работе с таким контингентом осужденных, необходимо противопоставить современные данные научного характера, обеспечивающие возможность построения результативной индивидуальной и групповой работы с осужденными гражданами Украины. Получение таких данных и являлось целью исследования, освещенного в настоящей статье.

Организация и методы исследования

Выборку исследования составили осужденные к лишению свободы мужчины, имеющие гражданство Украины, содержащиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Центрального федерального округа (ЦФО). Объем выборки составил 754 чел. Отбор осужденных для обработки данных производился поэтапно. Сначала согласно информации психологических служб территориальных органов ЦФО было подсчитано общее количество осужденных интересующей категории, составлен их список, получены данные проведенных с ними в учреждениях психологических исследований. Далее были проанализированы методики, с помощью которых исследовались отобранные осужденные. Установлены психодиагностические методики, данные по которым имелись более чем у 100 осужденных. Определена методика, результаты исследования по которой имели большинство осужденных. Ей оказалась методика «Опросник суицидального риска (ОСР), по которой было протестировано 754 осужденных, из них 588 чел. также имели результаты обследования по тесту Г. Смишека. Третьей по количеству обследований была методика «Карантин», результаты по которой имелись у 294 осужденных. 144 из них имели результаты применения Индивидуального типологического опросника (ИТО), 142 – оценки уровня волевого самоконтроля (ВСК), 112 – методики изучения смысложизненных ориентаций (СЖО) 108 – комплексного исследования личности осужденного (КИЛО). Средний возраст осужденных, попавших в выборку, составил 38 лет. По шкалам каждой методики были получены средние, которые вручную введены в программную среду автоматизированного рабочего места пенитенциарного психолога

«Psychometric Expert» как данные виртуального усредненного осужденного гражданина Украины. Затем усредненные профили по методикам были проанализированы, как с представленными в них сырыми баллами, так и после перевода в стэны, в соответствии с нормами, ранее полученными для каждой из методик на выборке осужденных граждан Российской Федерации.

В целях повышения объективности в интерпретации полученных выводов они были предъявлены 12 экспертам – 8 сотрудникам уголовно-исполнительной системы, работающим с гражданами Украины, содержащимися в местах лишения свободы, а 4 также уроженцам Украины, постоянно проживающим в РФ, не являющимся осужденными. Экспертам предлагалось оценить наличие выделенных отличительных черт жителей Украины и выразить свое мнение по иным качествам, которые не вошли в перечень. Качества, предложенные экспертами, исследовались при помощи контент-анализа.

Данные для последующего представления были обработаны в программе Psychometric Expert.

Результаты исследования

Следует отметить, что при нормировании и переводе в стэны усредненные профили значительно сглаживались и большинство показателей не выходило за границы нормы, поэтому для интерпретации по методикам, где сглаживание нивелировало результаты, сравнивались графики в сырых баллах и стэнах.

На рисунке 1 все показатели среднего осужденного гражданина Украины по тесту ВСК лежат в зоне средних значений, однако показатели в системе сырых баллов, отображенные на рисунке 2, указывают на их некоторую неоднородность, как и в выборке, использованной для нормирования.

Профиль, построенный по результатам методики ИТО, получился не только не имеющим пиков за пределами нормы, но и приближенным к результатам в сырых баллах (рис. 3).

Средневыборочным значениям соответствуют также показатели среднего осужденного гражданина Украины по тесту «Карантин» (рис. 4).

Рис. 1. Показатели по методике ВСК (в стэнах)

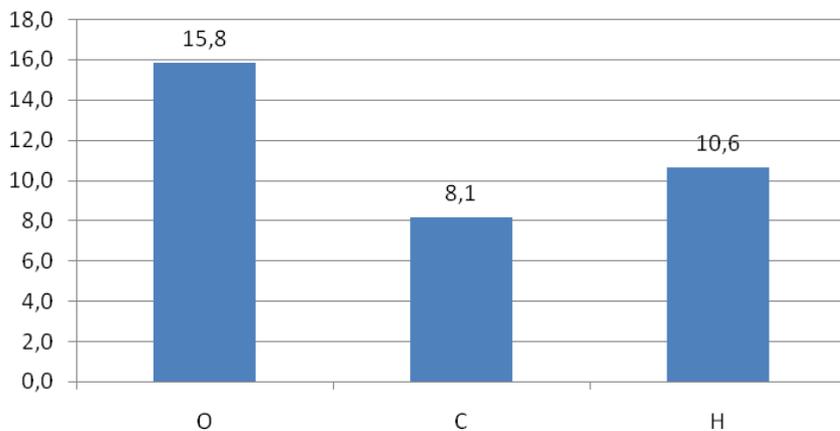

Рис. 2. Показатели по методике ВСК (в сырых баллах)

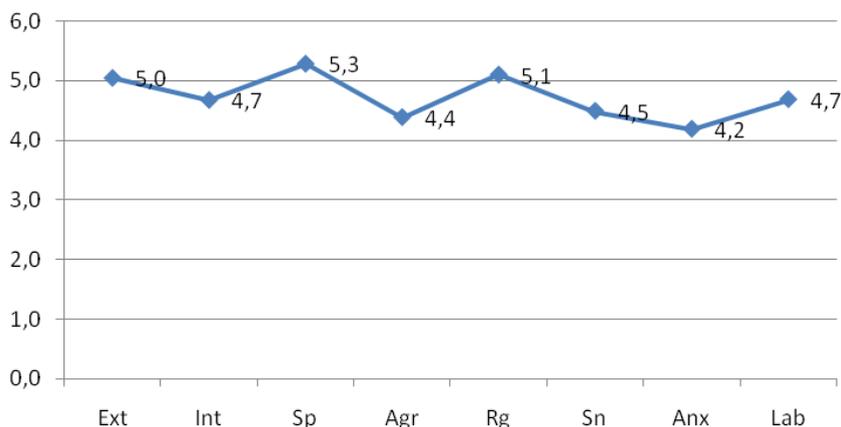

Рис. 3. Показатели по методике ИТО (в сырых баллах)

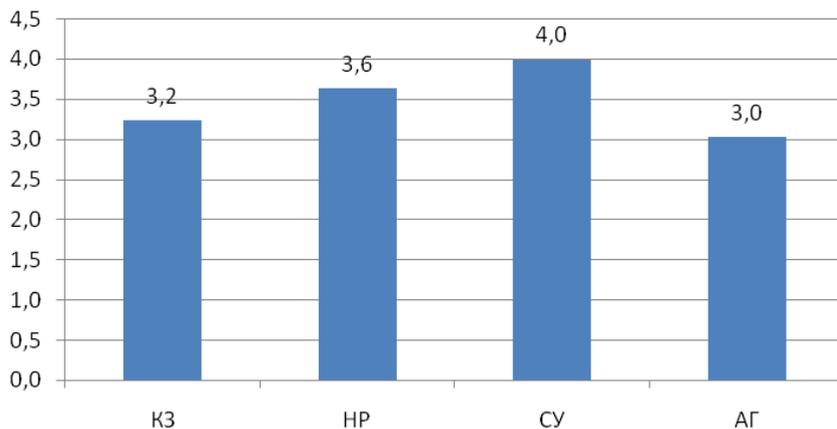

Рис. 4. Показатели по методике «Карантин» (в сырых баллах)

Рис. 5. Показатели по методике КИЛО (в стенах)

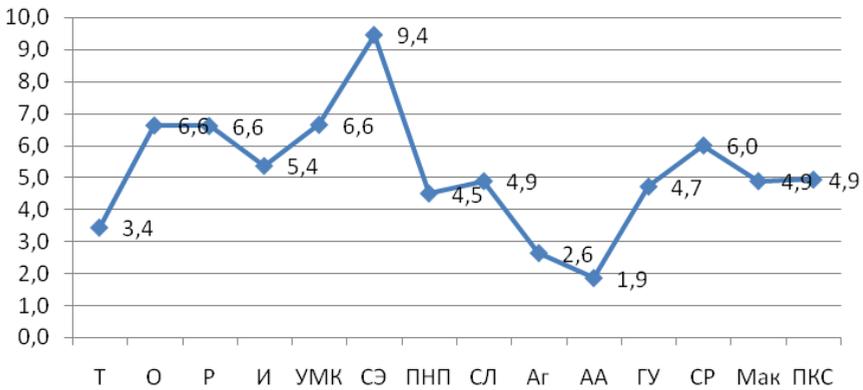

Рис. 6. Показатели по методике КИЛО (в сырых баллах)

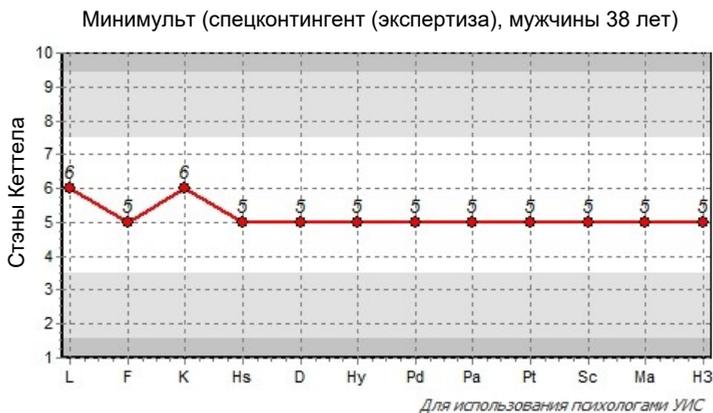

Рис. 7. Показатели по методике «Минимумт» (в стенах)

Методика «Комплексное исследование личности осужденного» (КИЛО), несмотря на «безпиковый» профиль в стэнах (рис. 5), на профиле в сырых баллах (рис. 6) обнаружила пиковые значения, находящиеся на границе нормы.

В частности, показатель «аутоагрессия» (АА), оцененный в стэнах баллом «4», рассматриваемым как крайний вариант нормы, имеет крайне низкое значение в сырых баллах. Данный показатель в методике КИЛО при его высоких значениях указывает на агрессию, направленную на себя, готовность реализовать различные формы аутоагрессивного поведения вследствие постоянной субъективной тревожности, неуверенности в себе в сочетании с искусственным устранением страха путем безразличного отношения к себе. Соответственно, имеющиеся низкие баллы, напротив, указывают на уверенность в себе и готовность справляться с жизненными трудностями.

Методика «Минимум» не выявила каких-либо отличий от нормы (рис. 7).

По методике исследования акцентуаций характера Г. Смишека (рис. 8, 9) наблюдается пониженное значение показателя «тревожность», что свидетельствует об отсутствии немотивированного беспокойства, уверенности в себе.

По методике СЖО профиль как в стэнах (рис. 10), так и в сырых баллах не имел тенденции к выходу за нормальные значения.

Наибольшее количество отличий от нормальных значений наблюдалось в результатах методики ОСР, они были настолько серьезными, что выходили за пределы норм даже при переводе в стэны (рис. 11).

Интерпретация данного профиля позволяет оценить суицидальный риск (СР) у среднего осужденного гражданина Украины как крайне низкий. На шкале присутствует экстремально низкое значение социального пессимизма (СП), то есть полученный результат свидетельствует о наличии у испытуемых положительной концепции окружающего мира, его восприятию как нормального и удовлетворительного, в том числе в социальном аспекте. Значительно заниженными по отношению к нормам для осужденных граждан РФ у осужденных граждан Украины являются и многие другие показатели по методике.

В интерпретации АРМ ПП Psychometric Expert полученные по методике ОСР оцениваются следующим образом.

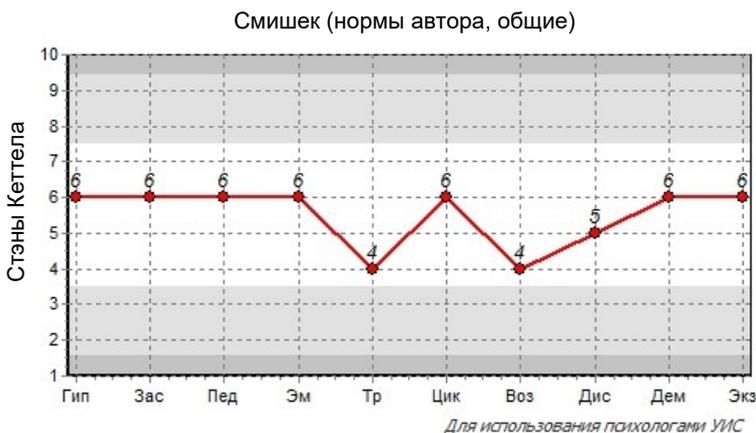

Рис. 8. Показатели по методике Г. Смишека (в стэнах)

Низкий уровень демонстративности (Д). Обычно не стремится привлечь внимание окружающих с целью добиться сочувствия и понимания. В состоянии самостоятельно справиться со встречающимися трудностями.

Низкий уровень аффективности (А). В оценке ситуации доминирует интеллектуальный контроль. На психотравмирующую ситуацию реагирует взвешенно, рационально.

Низкий уровень уникальности (У). Для восприятия себя, ситуации и собственной жизни в целом характерна адекватная оценка. Хорошая адаптация в социуме.

Низкий уровень несостоятельности (Н). В целом позитивная концепция собственной личности. Представление о себе как о состоявшейся компетентной личности, отсутствие комплексов.

Средний (ниже среднего) уровень максимализма (М). Зрелые, целостные ценностные установки. Адекватная оценка собственных неудач и достижений. Локальный конфликт в какой-то одной жизненной сфере не воспринимается как глобальный, фиксации на неудачах не происходит, адекватный механизм компенсации.

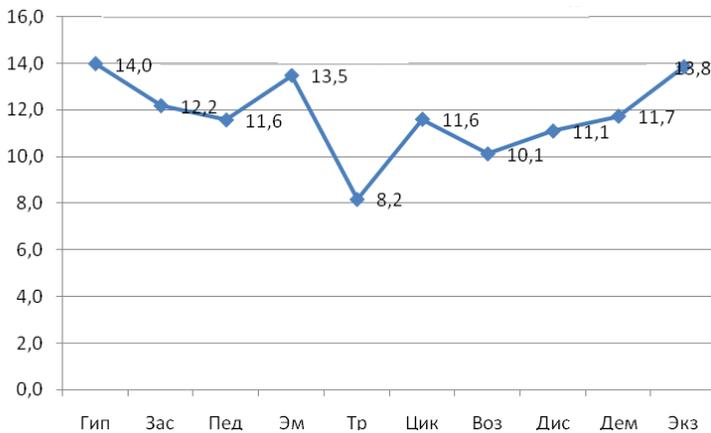

Рис. 10. Показатели по методике СЖО (в стэзах)

Рис. 11. Показатели по методике ОСР (в стэзах)

Низкий уровень культурных барьеров (КБ). Принятие традиционных этических норм общества, порицающих суицидальное поведение.

Низкий уровень временной перспективы (ВП). Характерно стремление конструктивного планирования будущего. Не застревает в текущей проблемной ситуации, оптимистичный взгляд на жизнь.

Такой профиль, тяготеющий к низким оценкам у отдельного осужденного, мог бы быть оценен как попытка создания желаемого впечатления, однако усредненный профиль, полученный на значительной массе испытуемых, не может быть результатом подобных искажений, особенно с учетом того, что по другим тестам результаты практически не выходят за пределы норм.

Кроме того, результат, полученный по методике ОСР, коррелирует с заниженным показателем по шкале аутоагрессии (АА) теста КИЛО.

Обсуждение

В результате исследования было установлено, что профиль среднего осужденного гражданина Украины по большинству шкал и даже методик не выходит за пределы норм, полученных на осужденных гражданах РФ. Яркие отличия были выявлены лишь в сфере восприятия себя и мира, а также восприятия возникающих проблемных ситуаций и реагирования на них. Установлено, что осужденные граждане Украины гораздо более адаптивны, психологически готовы столкнуться с трудностями и неудачами и преодолеть их, обладают более позитивным восприятием себя и мира, в том числе социума вокруг себя, смотрят на жизнь реалистично, не склонны к драматизации.

Благодаря данным качествам исследуемая категория в большей мере готова к приспособлению в условиях исправительных учреждений, имеет более широкий ролевой диапазон, что позволяет им находить общий язык со всеми категориями осужденных и с администрацией исправительного учреждения, а также баланс между ними, удовлетворяя свои потребности, что обеспечивается тяготеющими к уровню выше среднего экстраверсии и спонтанности по тесту Г. Смишека и к пониженному уровню ригидности, выявленным по нескольким шкалам.

Полученные выводы об особенностях осужденных граждан Украины были положительно оценены всеми привлеченными экспертами. Причинами выявленных отличий были названы следующие (по мере убывания частоты упоминания):

1) адаптивность и эмоциональная устойчивость является национальной чертой жителей Украины, исторически проживавших на стыке культур или даже под эгидой различных государств, вынужденных приспосабливаться к меняющейся обстановке и стойко переносить различные неудобства и угрозы. Отсюда же следуют некоторая приземленность и прагматичность, простота отношения к себе и к миру, стремление использовать возникающие шансы для улучшения своего положения;

2) простота и позитивное отношение к себе и к миру также является следствием «мещечковости» менталитета многих граждан Украины, более благоприятного климата и условий для проживания и пропитания, сильных религиозных традиций на территории Украины;

3) устойчивость личной позиции и адаптивность могут быть не национальными особенностями, а наднациональным типом личности человека, готового к переезду, смене жизни, новым условиям и вызовам, имеющего позитивные ожидания от новых начинаний.

С большой вероятностью выявленные особенности являются результатом комплексного влияния всех трех перечисленных факторов.

Полученные нами данные в разной мере корреспондируют с противоречивыми результатами проведенных ранее исследований национально-психологических особенностей современных жителей Украины [1, 4, 5, 10], что может быть связано, как отметили привлеченные нами эксперты, с различными контекстами исследований и неоднородностью менталитета различных регионов Украины (эксперты выделили от трех до шести).

Полученный психологический портрет может свидетельствовать о том, что осужденные граждане Украины индивидуально не склонны создавать проблемы при отбывании наказания для себя, других осужденных и администрации.

При индивидуализации работы по их исправлению в первую очередь необходимо опираться на позитивную оценку осужденным себя и мира. С одной стороны, важно акцентировать внимание осужденного на вине в совершенном преступлении, преодолеть легкомысленное отношение к его последствиям, как для пострадавших, так и для самого осужденного. С другой стороны, достаточно просто будет установить с ним контакт, замотивировать к взаимодействию, убедить осужденного в возможности и пользе исправления своей личности и изменения жизни к лучшему.

В целом психологический портрет среднего осужденного гражданина Украины указывает на высокую психологическую ресурсность данной категории осужденных, позволяющую использовать широкий арсенал методов исправительного воздействия и регуляции поведения в условиях исправительного учреждения.

Перспективы исследования

В результате проведенной работы был построен преимущественно характерологический профиль осужденных, имеющих гражданство Украины. При этом в меньшей степени было охвачено конкретное содержание их мотивационной сферы, требующей дополнительного изучения. Важно в перспективе изучить также социально-психологические явления в национальных группах осужденных граждан Украины и связанные с ними риски, поскольку имеется перспектива увеличения числа их количества в местах лишения свободы.

Список источников

1. Абрамова И. Г. К проблеме психологии народного характера в украинской литературе // *Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания* : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти М. А. Черкаса. Минск, 2022. С. 455–460.
2. Джумабаев О. С., Ионцева М. В. Особенности этнической идентичности осужденных мигрантов с рецидивным поведением: развитие толерантности у осужденных мигрантов к другим этническим группам // *Вестник университета.* 2023. № 6. С. 205–211.
3. Ильюшкин В. В. Специфика социально-психологических стереотипов в межнациональном взаимодействии: на примере русских и украинцев : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2008. 28 с.
4. Калита В. Н. Особенности менталитета украинцев в контексте российско-украинских отношений // *Обозреватель.* 2017. № 9. С. 83–93.
5. Кандыбович С. Л., Разина Т. В. Психологические истоки украинского национализма // *Мировые цивилизации.* 2022. Т. 7, № 2. С. 20–30.
6. Красненкова С. А. Профилактика пенитенциарных преступлений на этнической и религиозной почве // *Юристь-Правоведь.* 2014. № 5(66). С. 73–77.
7. Кузнецов М. И., Ананьев О. Г. Социальная работа с осужденными иностранцами // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* 2016. № 8(171). С. 40–41.

8. Мазеина О. Н. Учет национально-психологических особенностей осужденных в педагогической деятельности начальника отряда // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4(33). С. 145–150.

9. Майоров О. А., Полянин Н. А., Пинтяшин Е. В. Особенности осужденных мигрантов // Экономика и социум. 2014. № 4-3(13). С. 1020–1023.

10. Печенюк А. В., Пастух Ю. А. Ментальные препятствия украинцев на пути к построению эффективного общества // Актуальные научные исследования в современном мире. 2018. № 3-8(35). С. 96–100.

11. Полянин Н. А., Марков А. Ю. Некоторые особенности личности осужденного-иностранца // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 101–106.

References

1. Abramova, I. G. 2022, 'On the problem of Psychology of Folk character in Ukrainian literature', in *Foreign Languages: Innovations, prospects for research and teaching: materials of the V International Scientific and Practical Conference dedicated to the Memory of M. A. Cherkas*, pp. 455–460, Minsk.

2. Dzhumabaev, O. S. & Iontseva, M. V. 2023, 'Features of the ethnic identity of convicted migrants with recidivist behavior: the development of tolerance among convicted migrants to other ethnic groups', *Bulletin of the University*, iss. 6, pp. 205–211.

3. Ilyushkin, V. V. 2008, *The specifics of socio-psychological stereotypes in interethnic interaction: on the example of Russians and Ukrainians: PhD thesis (Psychology)*, Kostroma.

4. Kalita, V. N. 2017, 'Peculiarities of Ukrainians' mentality in the context of Russian-Ukrainian relations', *Observer*, iss. 9, pp. 83–93.

5. Kandybovich, S. L. & Razina, T. V. 2022, 'Psychological Origins of Ukrainian Nationalism', *World Civilizations*, vol. 7, iss. 2, pp. 20–30.

6. Krasnenkova, S. A. 2014, 'Prevention of penitentiary crimes on ethnic and religious grounds', *Jurist-Jurist*, iss. 5(66), pp. 73–77.

7. Kuznetsov, M. I. & Ananyev, O. G. 2016, 'Social work with convicted foreigners', *Vedomosti of the penal system*, iss. 8(171), pp. 40–41.

8. Mazeina, O. N. 2017, 'Taking into account the national psychological characteristics of convicts in the pedagogical activity of the head of the detachment', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 4(33), pp. 145–150.

9. Mayorov, O. A., Polyandin, N. A. & Pinyashin, E. V. 2014, 'Features of convicted migrants', *Economics and Society*, iss. 4-3(13), pp. 1020–1023.

10. Pechenyuk, A.V. & Pastukh, Yu. A. 2018, 'Mental obstacles of Ukrainians on the way to building an Effective Society', *Actual Scientific Research in the Modern World*, iss. 3-8(35), pp. 96–100.

11. Polyandin, N. A. & Markov, A. Yu. 2014, 'Some personality features of a convicted foreigner', *Applied Legal Psychology*, iss. 4, pp. 101–106.

Информация об авторах

А. В. Рогов – кандидат психологических наук, начальник межрегионального отдела психологической работы;

С. В. Горностаев – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики;

Р. М. Воронин – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС.

Information about the authors

A. V. Rogov – Candidate of Psychological Sciences, Head of the Interregional Department of Psychological Work;

S. V. Gornostaev – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy;

R. M. Voronin – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Activity in the UIS.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 17.08.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 17.08.2023.

Научная статья

УДК 159.9:378.6

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.446-457

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анатолий Николаевич Сухов¹

¹Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье раскрывается актуальность проблемы, связанной с развитием социальной психологии образования. Рассматривается сущность социально-психологического подхода к пониманию социальной психологии образования и науки. Анализируются итоги реформ, а также трудности, которые имеют место при реконструкции истории становления, определении понятия, предмета, структуры, функций социальной психологии образования и науки. Важнейшую задачу автор видит в создании полноценной теории социальной психологии образования и науки, без этого невозможно вести речь о повышении эффективности образования.

Ключевые слова: реформа, образование, компетентность, профессионально важные качества, наука, показатели, ученый, виды научной карьеры

Для цитирования

Сухов А. Н. Образование и наука: социально-психологический аспект // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 446–457. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.446-457.

Original article

EDUCATION AND SCIENCE: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT

Anatolij Nikolaevich Suhov¹

¹Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article reveals the relevance of the problem associated with the development of social psychology of education. The essence of the socio-psychological approach to understanding the social psychology of education and science is considered. The results of the reforms are analyzed, as well as the difficulties that occur during the reconstruction of the history of formation, definition of the concept, subject, structure, functions of the social psychology of education and science. The author sees the most important task in creating a full-fledged theory of social psychology of education

© Сухов А. Н., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

and science, without this it is impossible to talk about improving the effectiveness of education.

Keywords: reform, education, competence, professionally important qualities, science, indicators, scientist, types of scientific career

For citation

Suhov, A. N. 2023, 'Education and science: socio-psychological aspect', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 446–457, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4). 3.446-457.

Как известно, с 90-х годов XX столетия в России сфера образования подвергалась реформированию. Это осуществлялось в целях внедрения стандартов, отвечающих мировым нормам, и на данной основе постепенной конвертируемости российских специалистов. Однако в области образования возник ряд существенных проблем. Образование еще не стало приоритетной социальной ценностью. Количество желающих его получить возросло, но оно не заняло то место, которое должно занимать в любом постиндустриальном обществе. Между тем без этого Россия не может в полной мере стать конкурентоспособной страной в современном мире.

Глобализация и унификация национальных систем образования – два взаимосвязанных процесса. Россия не исключение. Приняв ряд нормативных актов, она пошла именно по этому пути. Переход на двухуровневую систему образования, введение ЕГЭ говорит именно об этом. Однако практика данных инноваций вызвала волну не только дискуссий, но и обоснованной критики. В связи с этим встает далеко не риторический вопрос: можно ли все лучшее, что имеется в иностранных системах образования совместить с опытом в сфере отечественного образования, который представляет несомненную ценность. Естественно, ответ однозначен: не только можно, но и крайне необходимо.

Накопление социально-психологических знаний в области образования происходило в рамках философии, а затем педагогики (VI в. до н. э. – середина XIX в.). Весомым вкладом в становление социальной психологии образования как науки явились труды А. Дистервега (1790–1866), П. Ф. Каптерева (1849–1922). Важнейшую роль в разработке этого вопроса сыграл К. Д. Ушинский, юбилей со дня рождения которого отмечается в 2023 г. Педагогика, по К. Д. Ушинскому, должна стоять на фундаменте обширного круга наук. Без опоры на физиологию и психологию она не может развиваться и остается голой рецептурой.

Судьба отечественной психологии в советское время долгое время развивалась под влиянием партийной идеологии и педагогики, а не как самостоятельная дисциплина. В силу этого не случайно социально-психологическая проблематика образования была представлена в основном в рамках педагогической психологии или психологии профессиональной деятельности. При этом социально-психологическая проблематика в сфере образования (организационная культура, безопасность образовательных учреждений, профессиональная социализация студентов и т. п.) оказалась вне поля зрения исследователей. Такая ситуация сложилась примерно с конца 20-х годов XX столетия и продолжалась до «хрущевской оттепели» (50-х, 60-х годов).

В то же время социальная психология образования долгое время занималась разработкой так называемой теории коллектива (В. М. Бехтерев, А. С. Залужный, А. С. Марченко). А. В. Петровский и его ученики пытались решить эту проблему с позиции со-

циальной психологии. Но в конце концов все усилия свелись к созданию надуманной стратометрической теории. Во всем мире имеют дело с теорией и практикой социальных организаций, в том числе образовательных учреждений.

Предмет социальной психологии образования стал подробно рассматриваться лишь в 80-х годах XX в. (Я. Л. Коломинский, 1983). Важный вклад в разработку проблемы профессиональной подготовки внесли представители акмеологического подхода (А. А. Бодалев, А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, Н. В. Кузьмина, Ф. М. Секач и др.). Что касается отечественного опыта в области профессиональной подготовки, то он отражен в ряде психолого-педагогических публикаций. По этой теме были подготовлены диссертационные работы И. Б. Терешкина (Санкт-Петербург, 2000), Е. В. Прокофьева (Ростов-на-Дону, 2000), Л. Н. Иванова (М., 1996), М. В. Федотова (М., 2000), И. Е. Шейнюк (М., 2002), Е. А. Тарасова (М., 2002), Е. Е. Суховой (Рязань, 2002) и др.

История развития социальной психологии образования и история педагогической психологии пересекаются, но не совпадают между собой. До конца развести их пока не представляется возможным. Современная история отечественной социальной психологии образования складывается из истории исследования различных социально-психологических явлений в этой сфере.

Проблема профессиональной подготовки не нова. Она ставилась и разрабатывалась еще во времена Древней Греции и Рима. Многосторонний подход к проблеме профессиональной подготовки в процессе обучения определился и в русской прогрессивной педагогической мысли. Основоположником этого процесса можно считать М. В. Ломоносова, возглавившего борьбу за создание отечественной науки и просвещения. Его идеи и мысли нашли продолжение в трудах таких замечательных педагогов России, как В. О. Ключевский, Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев. Обучение стало рассматриваться как фундамент профессиональной подготовки.

Свою историю имеет развитие профессиональной подготовки курсантов в военных учебных заведениях. Она связана с именами многих видных отечественных психологов: К. К. Платонова, А. Г. Глоточкина, С. В. Середенко (М., 1997), Ю. Н. Хряпина (М., 1998), Ю. А. Червякова (М., 2003) и др. Проблема профессиональной подготовки и воспитания курсантов (слушателей) в вузах МВД России, Минюста России, ФСИН России освещалась в работах и статьях А. А. Аксенова, А. В. Борисова, А. В. Димитрова, А. М. Киселева, А. А. Федотова, А. Н. Сухова, А. И. Ушатикова.

В свое время опубликована книга Г. В. Аكوпова «Социальная психология образования» (М., 2000), где предпринята попытка сформулировать предмет и охарактеризовать социально-психологические проблемы профессиональной подготовки студентов. Разумеется, это были усилия по решению социально-психологических проблем в области образования. К ним можно относиться достаточно критически. Главное были сделаны первые шаги в нужном направлении.

Следует отметить, что развитие образования в период с 80-х годов XX в. – начала XXI столетия происходило противоречиво. С одной стороны, в 80–90-е годы XX в. образование носило идеологизированный характер и было тем самым отчасти выключено из мирового образовательного пространства. Но качество советского образования, по оценке международных организаций, и престижность преподавательской деятельности были достаточно высокими. Создавались в отдельных вузах первые психологические службы. С другой стороны, в 90-е годы XX в. и в начале XXI столетия идеологические рамки были разрушены; российское образование постепенно стало интегрироваться

в мировое образовательное пространство. Происходило это в ходе известных реформ, результаты которых оказались противоречивыми. Отечественное образование трансформировалось и стало входить в мировую систему образования. Последствия данного процесса оказались далеко не позитивными. В частности, в области образования возник ряд негативных явлений: снизились качество образования и престижность преподавательской деятельности; наметилась тенденция, связанная со старением материально-технической базы и преподавательского состава и т. д.

На Западе действительно существует двухуровневая система образования: бакалавриат и магистратура. Кроме того, защищают диссертации по философии и по специальности. В России сложилась образовательная система, которая нуждается в модернизации. Возникли негативные явления в преподавательской и студенческой среде. Имеется в виду определенная деформация организационной культуры образовательных учреждений, отношений, общения, вооруженные конфликты и т. п. Все это потребовало профессионального социально-психологического осмысления.

С позиции социологии и социальной психологии образование можно рассматривать и как социальный институт, и более узко, как систему образовательных учреждений. Образование как социальный институт выполняет ряд существенных функций: 1) трансляция и распространение культуры в обществе; 2) социализация, в том числе профессиональная, предполагающая развитие профессиональной компетентности (социальных знаний и профессионального менталитета) и профессионально важных качеств, необходимых для овладения той или иной специальностью; 3) влияние на стратификацию, социально-экономические, политические и культурные изменения общества. Образование как социальный институт включает в себя правовые институты, нормативную базу (законы, положения, приказы и т. п.), официальные специальные учреждения, а также общественные организации, фонды, попечительские советы, движения и общественное мнение, возникающее по поводу того или иного образовательного учреждения, специальности, учебной дисциплины и преподавателя. В то же время образование выступает и как социальная ценность, от которой зависит состояние общества и его стратификация. В различных обществах образование занимает то или иное положение среди других ценностей [1]. Исходя из этого образование неодинаково влияет на социально-экономическое, политическое и культурное развитие общества, а также на его стратификацию.

Указанные проблемы находятся в поле зрения социологии образования. Социально-психологический подход к образованию пересекается с социологическим, но в то же время имеет различия. Он прежде всего нацелен на учет социально-психологических аспектов образования, то есть их влияния на профессионально-личностное развитие студентов. По нашему мнению, в качестве предмета социальной психологии образования выступают закономерности воздействия социально-психологических явлений на разных уровнях, в различных сферах и условиях на профессионально-личностное развитие студентов [1].

В высших образовательных учреждениях аспиранты изучают такие курсы, как «Педагогика и психология высшей школы», «Социология образования», а студенты – «Педагогическая психология». Однако этого явно недостаточно для развития профессиональной компетентности и профессионально важных качеств студентов. Как показывает жизнь, далеко не все выпускники образовательных учреждений готовы к выполнению профессиональной деятельности. Во многом это связано с тем, что с на-

чала 90-х годов XX столетия в отечественных образовательных учреждениях по тем или иным причинам было упразднено воспитание. Отчасти это оправданно, поскольку оно было идеологизированным и направленным на развитие в первую очередь классового мировоззрения.

Тем не менее пускать на самотек профессиональную подготовку студентов нельзя. В данном случае свою роль должны сыграть и воспитание с позиции идеологии общенациональных интересов, и профессиональная социализация (деонтология), которая нацелена на развитие их нормативного профессионализма. Между тем профессиональная социализация студентов невозможна без социальной психологии образования. К сожалению, у социальной психологии «сложилась непростые отношения» с рядом дисциплин, которые традиционно занимаются проблемами образования.

Так случилось, что примерно с конца 20-х годов XX столетия и до «хрущевской оттепели» (50–60-х годов) отечественная социальная психология в собственных рамках не развивалась. Пробел в ее развитии связан с прямым запретом заниматься социально-психологическими исследованиями в то время. Впрочем, это не совсем так. Социально-психологическая проблематика разрабатывалась, но на школьном материале. Изучать, скажем, социальные конфликты и другие реальные социально-психологические проблемы было практически невозможно [2]. В связи с этим социальная психология отдала на откуп, точнее говоря, в «чужие» педагогические руки целую прикладную отрасль – социальную психологию образования. Последствия этого события так или иначе отразились на развитии не только самой социальной психологии, но и педагогики и педагогической психологии. В результате содержание программ по педагогике и педагогической психологии во многом социально психологизировано. Но образование – это своего рода поле, которое нужно вспахивать своим «плугом», а не чужим.

Структура образовательного процесса состоит из следующих компонентов: преподаватель, профессионально ориентированный материал (текст), обучаемые (студенты) и средства обучения. Существуют такие понятия, как «образование», «обучение», «воспитание», «профессиональное обучение», «профессиональная социализация», «подготовка», «профессионально-личностное развитие». О некоторых из них говорится в Федеральном законе «Об образовании», где дается их юридическая трактовка.

Наиболее широким понятием является термин «образование». Оно означает не только наличие знаний, но и определенных качеств. Понятия «образованный» и «интеллигентный» не отделимы друг от друга. По существу, это синонимы. Процессуальные характеристики образования, то есть технологии получения знаний, выражаются в понятиях, связанных с обучением, профессиональной подготовкой и т. д. В настоящее время в сфере образования вместо таких понятий, как «учебно-воспитательный процесс» или «педагогический процесс», гораздо чаще употребляют более современные термины, в частности, «профессиональная социализация» и «профессионально-личностное развитие». При этом в гражданских образовательных учреждениях, как правило, говорят об обучении студентов, а в военных – о профессиональной подготовке.

Процесс коммерциализации глубоко вошел в практику образовательных учреждений. Об этом красноречиво свидетельствует соответствующая лексика. Например, сейчас вместо образования получают «образовательные услуги». Вроде бы никакой разницы. Мелочь. Подумаешь, одно слово добавилось. Но не тут-то было. Есть разница. Да еще какая. Не случайно экс-министр образования и науки О. Васильева выступила за изъятие из лексики словосочетания «образовательные услуги».

Термин «профессионально-личностное развитие» более корректен по сравнению с другими и позволяет говорить о подготовке специалистов как в гражданских, так и в военных учебных заведениях. Что касается понятия «профессиональная подготовка студентов образовательных учреждений», то под ней подразумевается система развития их профессиональной компетентности (специальных знаний) и профессионально важных качеств, то есть готовности к профессиональной деятельности – профессионализма.

Некоторые авторы полагают, что обучение и профессиональная подготовка – это одно и то же. Вряд ли можно согласиться с такой точкой зрения полностью, хотя связь между этими процессами существует самая непосредственная. При наличии такой связи между учебно-воспитательным процессом и профессиональной подготовкой последняя по своему содержанию в основном психологична и включает в себя методы психологической диагностики, отбора, психологические методы оптимизации (психологическое сопровождение, специальную психологическую подготовку и т. п.). В силу этого о полной идентичности этих понятий говорить не приходится.

Конечная цель профессиональной подготовки – процесс восхождения человека к профессионализму, одним из структурных компонентов которого является профессиональная компетентность [3]. Профессионально-личностное развитие студентов на этапе обучения в вузе – это система развития их профессиональной компетентности, профессионально важных, а также личностных качеств, необходимых для успешного выполнения профессиональных функций и задач в будущем. Вопросы профессионального и личностного развития неразрывно связаны; одно обуславливает другое. Как пишет А. А. Деркач, «высокий профессионализм – это не просто знания, навыки и умения, но всегда и самореализация личности. Профессионал в современном значении слова – это прежде всего стремление личности предъявить миру свое «Я» (составляющие его смыслы) через «деловое поле» той или иной социальной деятельности, зафиксироваться (определиться) в ее результатах. Именно этот момент является ключевым в подлинном профессионализме» [4]. Таким образом, профессиональное развитие неотделимо от личностного роста.

Профессионально-личностное развитие студентов предполагает развитие их профессиональной компетентности, а также профессионально важных и определенных личностных качеств. А. А. Деркач рассматривает профессиональную компетентность как один из компонентов подструктуры профессионализма [4]. В данном случае под термином «профессиональная компетентность» понимается система приобретаемых профессиональных знаний в области той или иной специальности. Система профессиональной компетентности студентов связана с особенностями специальных знаний по обеспечению профессионализма, то есть с готовностью, профессионально важными качествами.

Профессиональная подготовка всех специалистов должна включать в себя развитие у них готовности к выполнению профессиональной деятельности в любых условиях. Общая психологическая готовность имеет универсальную структуру (О. О. Дмитриева), включающую в себя мотивы деятельности и сформировавшиеся установки (мотивационный компонент), профессиональные умения (операционно-деятельностный компонент), глубокие профессиональные знания (когнитивный компонент), личностно-деловые и профессионально важные качества (личностный компонент). Физическая подготовленность заключается в формировании физических качеств для решения профессиональных задач. Профессиональная психологическая подготовленность студентов пред-

ставлена несколькими составляющими: эмоционально-волевая подготовка, морально-психологическая подготовка, собственно профессионально-психологическая подготовка.

В целом можно выделить два основных вида системы профессионально-личностного развития: теоретическую и практическую. Под теоретической подготовкой понимается развитие профессиональной компетентности студентов. Что касается практической подготовки, то она в основном предназначена для развития профессиональной готовности по применению знаний, а также развития определенных личностных качеств. Степень эффективности профессиональной подготовки определяется уровнем их готовности, профессионализма, который складывается из профессиональной компетентности и уровня развития профессионально важных качеств, необходимых для выполнения профессиональных функций. Кроме того, уровень профессиональной подготовки студентов определяется уровнем не только профессионализма их личности, но и профессионализации деятельности, оценка которой содержится в отзывах с мест работы. Следовательно, уровень эффективности профессиональной подготовки студентов можно определить через уровень личного профессионализма. Вместе с тем следует учитывать и уровень профессионализма профессиональной деятельности выпускников высших учебных заведений на основе анализа отзывов с мест их работы после распределения из вуза.

В качестве одного из подходов к оптимизации профессионализма студентов вузов использовалась интегральная рейтинговая оценка. При этом показатели развития индивидуальной профессиональной компетентности (специальных знаний, умений и навыков) и профессионально важных свойств сводились в единую рейтинговую оценку студентов и отражали степень достижения цели (СДЦ).

Единая рейтинговая оценка создается за счет среднеарифметической оценки специальных знаний, умений, навыков и профессионально важных свойств студентов и образует своеобразную модель развития их профессионализма. Отклонение от идеального значения, то есть единицы, является критерием оценки эффективности профессиональной подготовки студентов в вузе с учетом отзывов о выпускниках и времени их должностного становления (адаптационного периода) [1]. В качестве критерия профессиональной подготовленности специалистов в различных случаях выступают разные показатели: время профессиональной адаптации (вхождение в должность), успешность, конкурентоспособность и т. д.

В настоящее время на первом плане по своей актуальности стоит проблема профессиональной компетентности и ее развития у будущих специалистов – студентов учебных заведений различного типа. Именно от уровня развития профессиональной компетентности студента зависит их дальнейший успех. В словарях компетентность определяется как обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо, высказывать веское авторитетное мнение. Однако компетентность следует отличать от компетенции – определенной сферы, круга вопросов, которые человек уполномочен решать.

С социально-психологической точки зрения профессиональная компетентность проявляется в виде не только специальных знаний, но и личностных конструктов, образа мира, в профессиональном его видении, профессиональном мышлении, точнее говоря, в профессиональном менталитете, профессиональной Я-концепции. Профессиональная Я-концепция во многом зависит от престижности профессии, ее значимости, социальной ценности, в том числе экономической. Это окрашивает образ профессии в те или иные краски и тона и мотивирует. Сейчас в России уровень профессиональной

компетентности студентов пытаются обеспечить за счет федеральных государственных образовательных стандартов. Вообще говоря, стандарт, если он стандарт и таким является не на бумаге, а на самом деле, надолго остается неизменным в течение продолжительного времени. На то он и стандарт. Но в сфере образования они периодически меняются.

Как ни странно, сложившаяся ситуация связана с компетентностным подходом. Казалось бы, все верно и правильно. Именно компетентностный подход позволяет определить то, что необходимо специалисту. Раньше так и было. Тогда шла речь о профессионализме, который складывался из профессиональной компетентности и профессионально важных качеств. В свою очередь, они вытекали из профессиограммы и психограммы, в которых закладывались обоснованные требования к тому или иному специалисту со стороны практики, эталонной группы. В настоящее время все вроде бы осталось по-прежнему, продолжается разговор о компетентностном подходе. Правда, вместо профессиональной компетентности и профессионально важных качеств употребляется ставшее чрезвычайно модным понятие, которое звучит как «компетенция».

Такое понимание компетенции возникло в результате перевода с английского языка на русский слова «competence». В английском оно действительно означает специальные знания. В русском языке – совершенно другое и имеет юридическое значение. К сожалению, под компетенцией понимаются и специальные знания, и профессионально важные качества. Как бы два в одном. Речь идет не о глоссариях, терминах, дефинициях, понятиях, которые всегда составляли основу классических программ и учебников, а о виртуальных компетенциях, количественно ограниченных, в содержательном плане представляющих нередко загадку и ребус.

Представления студентов о престижности будущей профессии определяет их отношение к обучению в вузе и к специальности после окончания образовательного учреждения. Развитие профессиональной компетентности студентов происходит в ходе их поэтапной теоретической и практической подготовки в вузе. Данная подготовка включает в себя три этапа: довузовской подготовки, общепрофессиональной подготовки, специализации.

Главной целью набора студентов на первый курс является профотбор лучших кандидатов, способных по своим знаниям, моральным, деловым, психологическим, психофизиологическим и физическим данным обучаться в вузе. Исследование соответствия человека его профессиональной деятельности предполагает анализ требований, которые эта деятельность предъявляет своему субъекту и которые выступают как точки проекции его соответствия этой деятельности. В качестве основных составляющих «соответствия», по А. Н. Леонтьеву, можно выделить: ориентировку в профессиональной деятельности; готовность к профессиональной деятельности; включаемость в профессиональную деятельность; переживание чувства удовлетворения, получаемое от выполнения профессиональной деятельности; соотнесенность смысла жизни человека с содержанием и целью его профессиональной деятельности. Развитие профессиональной компетентности студентов непосредственно в образовательном учреждении происходит в соответствии с государственными стандартами, в которых содержатся требования к уровню их знаний по той или иной специальности. В вузе организация учебного процесса предусматривает разнообразные виды занятий.

Приходится констатировать, что из научного оборота выпали не только такие понятия, как «модель специалиста» и «модель профессиональной подготовки», но и «пси-

хограмма». Вместо них пришла внешне эффектная, но по сути недостаточно обоснованная лексика: основная профессиональная образовательная программа высшего образования (ОПОП), карта компетенций и т. п.

Система вступительных экзаменов также требует совершенствования. Вступительные экзамены в вузы должны выполнять функцию профессионального отбора. Проходной балл стал одним из показателей вуза. Но он определяется престижностью профессии, которая мало зависит от него. Дело в том, что престижность профессии во многом определяется зарплатой, которую будет получать выпускник после окончания вуза. Но данная проблема находится далеко за пределами сферы образования. Негативные условия приводят к деформации профессиональной Я-концепции студентов, которая проявляется в достаточно устойчивых изменениях самооценки и самоотношения.

В России слово «ученый» всегда вызывало уважительное отношение. В царской России, например, профессор получал зарплату несколько сотен тысяч в перерасчете на современные деньги. Кстати, в развитых странах аналогичная ситуация с оплатой труда ученых сохранилась и поныне. Однако с некоторых пор в России это слово девальвировалось и стало мало что значить. Переход на эффективный контракт и другие шаги по повышению оплаты труда ученых должны изменить ситуацию к лучшему. В то же время пример Перельмана, отказавшегося от премии в 1 млн долларов за доказанную теорему, говорит о том, что наукой занимаются не только «денег ради».

Как правило, научная карьера ассоциируется с чистой, благородной деятельностью. Ученый не может быть бесчестным по определению, если он ученый. Наука не совместима с ложью. Это исключено. Графы Калиостро не в счет. Впрочем, у современных «мошенников от науки» фамилии иные. Что касается академической науки, то в ней главная роль должна принадлежать самим ученым, а не чиновникам. Определение перспективности научных исследований – их прерогатива.

По мнению А. М. Аблажей, существуют не только традиционные, но и современные факторы, определяющие отношение к научной карьере. Если говорить о тренде, то на основе опросов можно сделать следующий вывод: интерес к науке низкий, разумеется, и к научной карьере тоже. Падение престижа науки происходило год от года. Прав лауреат Нобелевской премии Ж. Алферов: проблема – в невостребованности науки, научной карьеры. Сколково мало делу помогает.

В целом среди вариантов научной карьеры современных аспирантов резко выделяются два лидирующих: первый – классический (или традиционный) – научный сотрудник академического института, и второй – бизнес в сфере науки и высоких технологий. Однако эффективность науки (особенно фундаментальной), а также образования не в сиюминутных экономических результатах. Она многомерна и проявляется не сразу. Те, кто понимает это, выражают национальные интересы.

Научные центры, лаборатории большинства иностранных образовательных учреждений прекрасно оснащены и щедро финансируются со стороны фондов, фирм, кампаний и государственных институтов. Все просто: наука нужна, государство, бизнес, общество заинтересованы в развитии интеллектуальной собственности. Перед отечественными вузами поставлена аналогичная задача – превратить их в научно-образовательные центры. Инновационная деятельность вуза является важнейшим показателем при определении его статуса и аттестации. С этим нельзя не согласиться.

Однако пока экономика не будет диверсифицирована и не приобретет другой структурный характер, вряд ли она будет вкладываться в вузовскую науку. Не вуз должен

«ходить с протянутой рукой» и предлагать заказы. Но пока прибыль будут получать не за счет хай-тека, технологий, обеспечивающих конкурентоспособность, все так и будет продолжаться. На самом деле бизнес должен быть крайне заинтересован в образовании и на этой основе в развитии человеческого капитала. Россия должна стать страной среднего класса, тогда и спрос будет на отечественную продукцию. Бизнес выиграет в конечном счете. Нужно видеть перспективу.

Для реального изменения ситуации предстоит еще сделать немало. Важен механизм статусообразования. Он должен быть нормальным, а не перевернутым. Главенствующая роль должна принадлежать стандартной, честной модели достижения успеха.

В условиях санкционной войны в России стала создаваться национальная система оценки имиджевого рейтинга научно-педагогических кадров. В этом контексте важно подчеркнуть следующее. Репутационный рейтинг научно-исследовательской деятельности (НИД) преподавателей, научных сотрудников нужно определять на основе общепринятых показателей: индекса цитирования, мобильности, востребованности в среде студентов и т. д. В то же время эти инструменты оценки должны быть предельно отработаны и объективны.

Чтобы избежать ошибок при определении репутационного рейтинга НИД преподавателей и научных сотрудников, следует использовать возможности более надежной системы его оценки, в том числе учитывать мнение экспертов и другие показатели. В связи с этим важно подчеркнуть следующее. Данное обстоятельство не должно иметь никакого отношения к «табелю о рангах» сотрудников, построенного с учетом их лояльности к руководителям образовательного учреждения. Некоторый опыт по определению рейтинга НИД имеется и в нашей стране. Его результаты говорят о перспективности имиджевой, рейтинговой оценки НИД. Система национальной оценки труда преподавателей и научных сотрудников призвана способствовать этому.

Борьба с интернет-пиратством, плагиатством способствует обеспечению информационной безопасности, сохранению интеллектуальной собственности, авторского права и повышению объективности репутационного рейтинга научно-педагогических сотрудников при его определении. К сожалению, оригинальность текста статей и других видов изданий нередко достигается путем применения технологий (например, перевод текста с русского языка на какой-либо экзотический или перефразирование). При этом ничего, по сути, не меняется, кроме перестановки слов. Однако программы этого не фиксируют, наоборот, показывают 100 % оригинальности.

На самом деле понятие «оригинальность» текста должно означать не что иное, как научную новизну. В таком случае все встанет на свои места. В качестве показателя оригинальности текста должно выступать содержание текста, новизна идей, а не степень совпадения слов. Кроме того, важно учитывать не только факт ссылки, но и оценку публикации: одно дело положительная оценка, другое – отрицательная.

При этом искусственное завышение индекса цитирования статьи в результате приказа, просьбы, взаимной договоренности искажает показатель ее истинной оригинальности и востребованности. Самое главное в данном случае заключается в том, что без определения авторства статьи или учебника индекс Хирша ни о чем не говорит и ничего не значит. Ссылка множество может быть на публикацию, но нужно знать точно, кто ее автор. В противном случае выстрел может быть холостым, так как бьет мимо цели и вводит в заблуждение, скрывая мошенничество. Именно это обстоятельство должно стать главной целью антиплагиатских программ.

При этом автор должен иметь право пользоваться своей интеллектуальной собственностью без искусственных ограничений. Имеются в виду случаи обоснованного самоцитирования, когда без него в определенных случаях просто не обойтись, например, при изложении истории вопроса и т. д.

К сожалению, образование и наука при определенных условиях выполняют и деструктивные функции. Следует констатировать, что образование может выступать в качестве деструктора культурных ценностей, механизма искажения истории, а также инструмента неонацизма. Об этом говорит анализ событий в некоторых бывших союзных республиках. Однако на этом перечень деструктивных функций образования не заканчивается. Оно широко используется и как инструмент информационно-психологической войны.

Итак, можно сделать вывод о том, что интегральная теория социальной психологии образования находится в стадии становления. Ее создание позволит избежать путаницы в понятийном аппарате: определениях, понимании структуры, классификации, функций, средств и механизмов функционирования социально-психологических явлений в сфере образования. Давным-давно назрела необходимость инвентаризации и уточнения дефиниций. Профессиональный анализ социально-психологических явлений в сфере образования в систематизированном виде крайне необходим. Он позволяет повысить эффективность профессионально-личностного развития студентов. Более того, социальная психология образования имеет возможность использовать свой потенциал и внести свой вклад в решение актуальных проблем не только в области образования и науки, но и в других сферах.

Список источников

1. Социальная психология образования / под ред. А. Н. Сухова. М. : Московский психолого-социальный институт, 2005. 359 с.
2. Социальная психология : учеб. пособие / под ред. А. Н. Сухова. М. : Academia, 2017. 599 с.
3. Петрунева Р., Дулина Н., Токарев В. О главной цели образования // Высшее образование в России. 1998. № 3. С. 40–46.
4. Деркач А. А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. М. : РАГС, 2000.

References

1. Sukhov A. N. (ed.) 2005, *Social Psychology of Education*, Moscow Psychological and Social Institute, Moscow.
2. Sukhov A. N. (ed.) 2017, *Social Psychology: textbook*, Academia, Moscow.
3. Petruneva, R., Dulina, N. & Tokarev, V. 1998, 'On the main goal of education', *Higher education in Russia*, iss. 3, pp. 40-46.
4. Derkach, A. A. 2000, *Acmeology: Personal and professional development of a person*, RAGS, Moscow.

Информация об авторе

А. Н. Сухов – доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы.

Information about the author

A. N. Suhov – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Social Psychology and Social Work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 14.08.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 14.08.2023.

Научная статья

УДК 343.825

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.458-465

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕТЕРАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Рафик Нуруллоевич Халилов¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, khalilofrn@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа деятельности ветеранской организации исправительного учреждения сформулирована модель воспитательной работы с молодыми сотрудниками, ее применение может способствовать совершенствованию деятельности воспитательных служб уголовно-исполнительной системы. В статье выявлены наиболее актуальные проблемы воспитательной работы с молодыми сотрудниками в современных условиях, проанализирована работа ветеранской организации Исправительной колонии № 3 УФСИН России по Республике Татарстан по патриотическому и нравственному воспитанию.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, воспитательная работа, ветеранские организации, патриотическое воспитание, модель воспитательного процесса

Для цитирования

Халилов Р. Н. Региональный опыт деятельности ветеранской организации в сфере воспитательной работы с личным составом исправительного учреждения // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 458–465. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.458-465.

Original article

REGIONAL EXPERIENCE OF THE VETERAN ORGANIZATION IN THE FIELD OF EDUCATIONAL WORK WITH THE STAFF OF THE CORRECTIONAL INSTITUTION

Rafik Nurulloevich Halilov¹

¹ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, khalilofrn@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of the activities of the veteran organization of the correctional institution, a model of educational work with young employees is formulated, its application can contribute to improving the activities of educational services of the penal system. The article identifies the most urgent problems of educational work with young employees in modern conditions, analyzes the work of the veteran organization of Correctional Colony No. 3 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Tatarstan on patriotic and moral education.

Keywords: penal enforcement system, educational work, veteran organizations, patriotic education, model of the educational process

For citation

Halilov, R. N. 2023, 'Regional experience of the veteran organization in the field of educational work with the staff of the correctional institution', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 458–465, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.458-465.

Формирование профессионально важных качеств у личного состава и сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) относится к числу важнейших задач, обеспечивающих эффективность работы системы в целом и отдельного исправительного учреждения в частности. Формирование личного состава исправительного учреждения (ИУ) – важный перманентный процесс, в котором задействованы кадровые, психологические, воспитательные службы исправительного учреждения. В практике деятельности УИС сложились эффективные формы, методы, принципы работы с личным составом. Совершенствование воспитательного процесса относится к числу наиболее актуальных проблем современной уголовно-исполнительной науки, пенитенциарной педагогики и психологии и находится в фокусе общественного внимания.

Вместе с тем практика деятельности отдельного ИУ и УИС в целом показывает, что существующие методы и формы воспитательной работы не обеспечивают должного уровня функционирования кадрового состава, о чем свидетельствуют статистические данные о совершенных административных правонарушениях и уголовных преступлениях. По сведениям Генеральной прокуратуры за девять месяцев 2021 г. прокурорами в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы выявлено более 103 тыс. нарушений. 34 тыс. сотрудников УИС привлечены к дисциплинарной ответственности, к административной ответственности – 1,7 тыс. лиц, за преступления по службе осуждены 89 сотрудников УИС¹.

¹ См.: URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2636840> (дата обращения: 07.02.2023).

В данной работе автор поставил цель проанализировать деятельность ветеранской организации ФКУ ИК-3 УФСИН России по Республике Татарстан по организации воспитательной работы с личным составом ИУ, ее формы, методы, а также провести оценку эффективности сложившейся в ветеранской организации модели воспитательного процесса.

Традиционные и апробированные методы воспитательной работы обучающихся в учебных заведениях Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), а также действующих сотрудников регламентированы ведомственными нормативными правовыми актами¹. Основная задача, поставленная государством в данном направлении, заключается в обеспечении эффективного процесса исполнения уголовных наказаний, в том числе в виде лишения свободы, что зависит в значительной степени от персонала учреждений, исполняющих наказания, его выучки и профессионализма, моральной зрелости и уровня правовой культуры.

В ведомственных нормативных правовых актах подробно детализированы основные аспекты проведения воспитательной работы с сотрудниками в учреждениях УИС: определены формы и методы проведения воспитательной работы, круг ответственных лиц, процедура осуществления наставничества; содержание мероприятий в рамках воспитательной работы.

Моральная зрелость, правовая культура, профессионализм – это личностные качества, формируемые для осуществления профессиональной деятельности, определяющие специфику поведения в профессиональной среде. В специальной педагогической литературе проблема формирования личности сотрудника УИС не раз была предметом исследования с точки зрения организации учебного процесса, педагогических условий, содержания обучения, психологического обеспечения педагогической подготовки [2].

Автор данного исследования много лет проработал на руководящих должностях в УИС, сначала в оперативной службе, много лет – в должности заместителя начальника управления по кадровой работе, на основании личного опыта пришел к твердому убеждению о том, что именно воспитательная работа является основой для формирования личности сотрудника, способного честно и добросовестно исполнять служебный долг.

Так, при поступлении на службу вновь принятый сотрудник нуждается в психолого-педагогическом и воспитательном сопровождении. Категории сотрудников, чьи служебные обязанности непосредственно связаны с работой с осужденными к лишению свободы, попадают в особые условия службы, характеризующиеся целым рядом обстоятельств: взаимодействие с тем особым контингентом, для которого принятые в обществе правовые и моральные устои не являются нормой; неприятие и необязательность следования ими общепринятым этическим и нравственным принципам; сложные иерархические отношения, принятые в криминализованной среде, следовательно, непонимание сложившихся в исправительных учреждениях социальных и личностных отношений; и, наконец, повышенная опасность при исполнении служебных обязанностей. На данном этапе педагогическое и психологическое воздействие предусмотрено в форме наставничества, основным содержанием которого становится знакомство с порядком прохождения службы, с контингентом осужденных к лишению свободы. В этот период

¹ См.: О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»; Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы: приказ ФСИН России от 28 декабря 2010 г. № 555 // СПС «КонсультантПлюс».

сотрудник должен сформировать у себя устойчивую мотивацию к добросовестному несению службы, нетерпимость к нарушению дисциплины и законности.

Второй этап в становлении сотрудника, когда необходимо воспитательное и психологическое воздействие по профилактике профессиональной деформации, наступает по истечении нескольких лет службы. Психологическое состояние сотрудника характеризуется как стабильное, в этот период он уже достаточно адаптирован, разобрался в служебных и межличностных отношениях в коллективе сослуживцев, во взаимоотношениях с руководством, понял специфику жизненного цикла групп осужденных. В этот период возникает опасная ситуация для сотрудника: вступая в личные отношения с осужденными, он вполне может допустить превышение служебных полномочий в пределах своей личной ответственности: назначить или снять взыскание, инициировать подготовку документов недостойного осужденного для условно-досрочного освобождения, то есть те деяния, которые находятся в сфере его компетенции.

В этот период также возникает опасность попадания сотрудника УИС в мировоззренческую ловушку «понятий», по которым живет контингент осужденных к лишению свободы. Специалисты отмечают, что осужденные как «носители маргинализованного сознания, антиправовых установок, ценностей и норм тюремной субкультуры... оказывают значительное деформирующее воздействие» [1, с. 10] на сотрудников УИС. Проблема, обозначенная исследователем, представляется нам достаточно актуальной, связано это с тем обстоятельством, что так называемые «воровские понятия» в силу психологического эффекта включенности сотрудника в криминализованную среду, отчасти недостаточно развитого критического мышления могут стать частью его ценностных установок. Кроме того, «воровские понятия» дают определенную искаженную картину мира, основанную на примитивных представлениях о справедливости, добре, специфические этические нормы и правила.

Представляется, что в современных условиях перед УИС и ее сотрудниками поставлены новые масштабные задачи на фоне усложнения контингента осужденных, обусловленного общей тенденцией назначения наказаний, не связанных с лишением свободы. Мы имеем в виду то обстоятельство, что в ИУ попадают осужденные к лишению свободы, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления.

Практика деятельности исправительных учреждений показывает, что воспитательная работа с сотрудниками нуждается в постоянном совершенствовании, поиске новых ресурсов, форм, методов, подходов, на основании которых складываются новые психолого-педагогические технологии. Мы считаем, что они должны основываться в том числе на региональной специфике, которая формирует личный состав сотрудников УИС, то есть национальные, социальные, демографические характеристики, отражающие особенности менталитета.

Воспитательная работа – это сфера взаимодействия в системе «человек – человек», где личностные качества воспитателя: его внутренняя убежденность, авторитет, моральная зрелость, становятся решающими факторами. В связи с этим возрастающую роль приобретает деятельность Общероссийской общественной организации ветеранов уголовно-исполнительной системы, которая стала заметным явлением в современном пенитенциарном пространстве. Председатель Общероссийской общественной организации ветеранов уголовно-исполнительной системы С. Х. Шамсунов определил задачи, поставленные перед этой организацией:

«– защита прав и законных интересов пенсионеров и ветеранов;

– активное содействие в решении задач по укреплению правопорядка в Российской Федерации, а также воспитанию молодых сотрудников;

– тесное взаимодействие в решении поставленных целей с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, структурами МВД России и Минюста России, организациями пенсионеров, ветеранов войны и труда, государственными и общественными организациями, творческими союзами и добровольными обществами» [6, с. 100].

Автор отмечает, что на современном этапе настало время уточнить и расширить сферу деятельности ветеранских организаций на местах и закрепить за ними «проведение работы по патриотическому и военно-патриотическому, нравственному, культурному воспитанию молодых сотрудников УИС» [6, с. 101]. Мы считаем, что высказанная идея является продуктивной и открывает перед ветеранами новые горизонты деятельности, дает им возможность включиться в активную работу.

Совершенно ясно, что ветераны службы обладают достаточным потенциалом для проведения воспитательной работы с действующими сотрудниками УИС. Оценка потенциала ветеранского корпуса не раз была предметом анализа пенитенциарной науки, отмечается, что «ветераны – это хранители традиции государственной службы; это те, кто выполнял служебные задачи по обеспечению безопасности общества и государства в других социально-исторических условиях» [5]. В данном контексте переживание и осмысление опыта «иных социально-исторических условий» для действующих ветеранов – это достаточно сложный и насыщенный процесс, который оказался содержанием их службы. Прежде всего служба современных ветеранов началась в период эволюции социалистической пенитенциарной модели, которая постепенно видоизменялась от карательной к исправительной.

Существенно изменилось отношение к осужденным к лишению свободы: люди преступили закон, но при этом необходимое условие исправительной деятельности – соблюдение их прав и законных интересов, что стало актуальной задачей государства и УИС. В 1990-е годы УИС испытывала серьезные трудности, связанные не только с потерей идеологических установок, являющихся системообразующими для органов государственной службы, но и с недостатком финансирования, задержками денежных выплат, а следовательно, с потерей престижа службы. В этот период ситуация характеризовалась общей криминализацией общества, распространением новых видов преступлений, таких как организованная преступность, мошенничество. Указанные проблемы коснулись практически всех сотрудников УИС и наложили отпечаток на формирование современного ветеранского движения.

В 2001 г. в рамках ветеранского движения в с. Пановка Пестречинского района Республики Татарстан на базе ФКУ ИК-3 был создан Совет ветеранов. Первоначально организаторы поставили перед советом достаточно скромные и утилитарные задачи: оказывать финансовую, бытовую и социальную помощь пенсионерам УИС, проживающим в селе. На современном этапе ветеранская организация – это динамично развивающаяся структура: для ветеранов УИС проводятся культурно-массовые, спортивные мероприятия, организуются выездные экскурсии, отмечаются профессиональные праздники.

Село Пановка – уникальное явление на карте Татарстана, это населенный пункт, где исправительное учреждение является главным структурным элементом. Сегодня практически вся повседневная жизнь села связана с деятельностью ИУ: в селе проживают целые династии сотрудников, многие жители работают в ИУ либо обеспечивают ее жизнедеятельность.

Заметным явлением в истории села и деятельности местной ветеранской организации стала реализованная инициатива по созданию Аллеи славы (2016 г.), на которой

увековечена память сотрудников УИС – участников Великой Отечественной войны, а также тех тружеников тыла, которые доблестно работали на обеспечение Победы. Исправительно-трудовое учреждение было создано накануне войны – в 1935 г., оно функционировало и в годы войны, сотрудники после фронта поступали на службу. Аллея славы стала центром формирования патриотизма у населения села, в том числе подрастающего поколения и действующих сотрудников ИУ.

В настоящее время тема формирования патриотизма как ключевого термина содержания воспитания, одного из самых понятных для граждан России, становится актуальной. «Патриотизм олицетворяет уважение к своему Отечеству, сопричастность к его истории, культуре, достижениям и ценностям народа, важнейшая ценность, интегрирующая не только социальный, но и духовно-нравственный, идеологический, культурно-исторический, военно-исторический и другие компоненты [5, с. 312].

В контексте воспитательной работы с сотрудниками ФКУ ИК-3 существование Аллеи славы имеет большее значение – на ее площадке проходят все важные для учреждения события: церемонии празднования государственных праздников; торжественных дат, связанных с учреждением; принятие Присяги. По взаимной договоренности активные члены ветеранской организации проводят воспитательную работу с сотрудниками учреждения, она охватывает младший начальствующий и рядовой состав: это начальники отрядов, режимные, оперативные, производственные службы. Планируя воспитательную работу, Совет ветеранов имеет в виду, что это контингент в основном молодой и нуждается в психолого-педагогическом сопровождении.

Как известно, эффективность воспитательной работы зависит прежде всего от ее адресности и точности педагогического воздействия. Для создания региональной модели воспитательной работы автор провел социологическое исследование с обратной связью, цели которого – экспертиза модели и оценка ее результативности.

На первом этапе была сформулирована исследовательская проблема и определена адресность. Автор статьи на основании анализа личных дел, интервью создал социологический портрет сотрудника УИС, в данном случае, ФКУ ИК-3. Средний возраст – до 35 лет, местный уроженец или уроженец близлежащих небольших населенных пунктов, образование среднее специальное, число получивших образование в учебных заведениях ФСИН России ничтожно мало. Первоначальную специальную подготовку в основном получили в Учебном центре УФСИН России по Республике Татарстан. Для большинства сотрудников мотивирующим фактором службы является денежное и пенсионное обеспечение, социальные льготы и выплаты. Мы выявили, что, во-первых, они испытывали определенные трудности в процессе прохождения службы; во-вторых, устойчивые личностные установки по противодействию влиянию криминализованной среде осужденных у большинства сотрудников не сформированы или сформированы слабо, как и антикоррупционное поведение.

На втором этапе исследования мы выявили наиболее эффективные формы и методы воспитательной работы, имеющиеся в распоряжении Совета ветеранов ФКУ ИК-3. Для достоверности мы провели выборочный опрос и интервьюирование молодых сотрудников. Наиболее значимыми они назвали мероприятия, проводимые совместными усилиями руководства ИУ, Советом ветеранов и общественностью с. Пановка. Такими праздниками были названы День Победы, День Республики, День села. Фиксируя личные переживания, респонденты отметили, что наибольшее впечатление на них произвело ежегодное празднование Дня Победы, они испытали чувство гордости за участников

Великой Отечественной войны. Некоторые опрошенные отметили, что для них важным стало то, что они увидели преемственность поколений – имена, увековеченные на Аллее славы, имена нынешних ветеранов и действующих сотрудников.

Важное место в воспитательной работе занимает индивидуальная и групповая работа с молодыми сотрудниками. Согласно договоренности с руководством ФКУ ИК-3 представители Совета ветеранов принимают участие в кадровых комиссиях, в соответствии с разработанным планом мероприятий проводят индивидуальные встречи с молодыми сотрудниками.

Тематика встреч напрямую связана с содержанием служебной деятельности: антикоррупционная политика (касающаяся службы в УИС), предупреждение административных и уголовных преступлений, злоупотребление служебными полномочиями и т. д. Мы считаем, что личная убежденность, апелляция к жизненному опыту, глубокое понимание особенностей службы, а также авторитет как показатель жизненного успеха наполняют воспитательную работу необходимым содержанием.

На третьем этапе проведенного исследования нам удалось сформулировать региональную модель воспитательной работы с молодыми сотрудниками УИС, ознакомить с результатами проведенной работы руководство ФКУ ИК-3 и воспитательного отдела УФСИН России по Республике Татарстан.

Выводы

Современное состояние воспитательной работы нуждается в совершенствовании, поиске новых технологий ее проведения. Она требует новых подходов, должна быть адресной и индивидуализированной, опираться на значимые и понятные ориентиры.

Предлагаемая модель воспитательной работы основана на изучении деятельности УИС, специальной литературы и опыта членов Совета ветеранов. Выявлено, что воспитательное воздействие на молодых сотрудников обладает достаточным потенциалом и может дополнять и обогащать деятельность воспитательных служб ИУ и УФСИН России по Республике Татарстан.

Список источников

1. Додуева О. Ф., Евсеева О. В. Некоторые аспекты защиты правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы от негативного влияния субкультуры осужденных // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4(49). С. 7–12.

2. Долгин Д. С. О понятиях «воспитание», «воспитательный процесс», «воспитательная работа с сотрудниками уголовно-исполнительной системы» // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3(28). С. 151–157.

3. Самарин В. А. Деятельность ветеранской организации Санкт-Петербургского ИПКР ФСИН России: исторический опыт // Петербургские пенитенциарные конференции : материалы конференций (Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 г.) : в 4 т. СПб. : Университет ФСИН России, 2021. Т. I. С. 325–330.

4. Соболев Ю. Н. История создания ветеранской организации университета. Роль ветеранов УИС в патриотическом воспитании сотрудников // Петербургские пенитенциарные конференции : материалы конференций (Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 г.) : в 4 т. СПб. : Университет ФСИН России, 2021. Т. I. С. 331–334.

5. Тимошук А. С., Трофимова Н. Н. Общественная организация ветеранов ВЮИ ФСИН России в патриотическом воспитании курсантов // Уголовно-исполнительная система:

педагогика, психология и право : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 10–11 окт. 2019 г.). Томск : Томский ИПКР ФСИН России, 2019. Т. 7. С. 309–314.

6. Шамсунов С. Х., Заводчиков Н. В. Ветеранское движение уголовно-исполнительной системы современной России: актуальные проблемы и пути их решения // Профессиональное юридическое образование и наука. 2022. № 2(6). С. 100–106.

References

1. Dodueva, O. F. & Evseeva, O. V. 2018, 'Some aspects of protecting the legal consciousness of employees of the penal enforcement system from the negative influence of the subculture of convicts', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 4(49), pp. 7–12.

2. Dolgin, D. S. 2016, 'On the concepts of "education", "educational process", "educational work with employees of the penal system"', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 3(28), pp. 151–157.

3. Samarin, V. A. 2021, 'Activities of the veteran organization of the St. Petersburg IPKR of the Federal Penitentiary Service of Russia: Historical experience', in *St. Petersburg Penitentiary Conferences: Conference Proceedings (St. Petersburg, 17–18 May 2021)*, in 4 vols, vol. I, pp. 325–330, University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg.

4. Sobolev, Yu. N. 2021, 'The history of the creation of the veteran organization of the University. The role of UIS veterans in the patriotic education of employees', *St. Petersburg Penitentiary Conferences: Conference Proceedings (St. Petersburg, 17–18 May 2021)*, in 4 vols, vol. I, pp. 331–334, University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg.

5. Tymoshchuk, A. S. & Trofimova, N. N. 2019, 'Public organization of Veterans of the Federal Penitentiary Service of Russia in patriotic education of cadets', in *Penal system: pedagogy, psychology and law: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Tomsk, October 10–11, 2019)*, vol. 7, pp. 309-314, Tomsk IPKR of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk.

6. Shamsunov, S. H. & Breeders, N. V. 2022, 'Veteran movement of the penal system of modern Russia: actual problems and ways to solve them', *Professional Legal Education and Science*, iss. 2(6), pp. 100–106.

Информация об авторе

Р. Н. Халилов – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, доцент кафедры уголовного права.

Information about the author

R. N. Halilov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Associate Professor of the Department of Criminal Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication 31.07.2023.

Научная статья

УДК 343.8 – 056.24

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.466-476

ЛИЧНОСТЬ ОСУЖДЕННОГО, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Сергей Александрович Хохрин¹

¹ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, hohrinsa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0900-1195>

Аннотация. Статья посвящена изучению основных характеристик личности пенитенциарного преступника, полученных в результате анализа эмпирических материалов, собранных в период 2010–2022 гг. Официальные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что за последние десять лет увеличилось количество преступлений, совершаемых осужденными в период отбывания наказания, в отличие от общего состояния преступности в стране. Автор полагает, что личность пенитенциарного преступника в последние годы характеризуется более молодым возрастом, более высоким уровнем образования по сравнению с ранними исследованиями. Отмечаются нежелание осужденных трудоустроиться и поддерживать социальные связи.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, исправительные учреждения, осужденные, возраст, степень адаптации, образование, трудовая занятость, сотрудники, личность преступника

Для цитирования

Хохрин С. А. Личность осужденного, совершившего преступление в период отбывания наказания // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 466–476. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.466-476.

Original article

THE IDENTITY OF THE CONVICTED PERSON WHO COMMITTED A CRIME WHILE SERVING HIS SENTENCE

Sergey Alexandrovich Khokhrin¹

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, hohrinsa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0900-1195>

Abstract. The article is devoted to the study of the main characteristics of the personality of a penitentiary criminal, obtained as a result of the analysis of empirical materials collected in the period 2010-2022. Official statistics allow us to conclude that over the past ten years the number of crimes committed by convicts while serving their sentences has increased, in contrast to the general state of crime in the country. The author believes that the personality of a penitentiary criminal in recent years has been characterized by a younger age, a higher level of education compared to early studies. The reluctance of convicts to get a job and maintain social ties is noted.

Keywords: penitentiary crime, correctional institutions, convicts, age, degree of adaptation, education, employment, employees, identity of the criminal

For citation

Khokhrin, S. A. 2023, 'The identity of the convicted person who committed a crime while serving his sentence', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 466–476, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.466-476.

Прошедшее в России реформирование уголовно-исполнительной системы, активное применение судами альтернативных видов наказаний способствовали снижению количества осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Как следствие, в пенитенциарных учреждениях произошла концентрация наиболее криминализированной категории осужденных. Официальные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что за последние десять лет увеличилось количество преступлений, совершаемых осужденными в период отбывания наказания, в отличие от общего состояния преступности в стране¹.

Криминологические показатели преступности дают возможность утверждать, что реализация режима отбывания наказания на территории исправительного учреждения не позволяет в полной мере пресечь факты совершения преступлений осужденными. Как следствие, возникает необходимость выработки мер, направленных на их предупреждение и пресечение. Мы согласны с мнением профессора А. П. Некрасова, который высказал свою солидарность с другими авторами в том, что «успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника» [21, с. 43–49].

¹ Количество преступлений, совершенных осужденными в период 2011–2021 гг., увеличилось на 43,1 % (в 2011 г. – 888 преступлений, 2012 – 959, 2013 – 971, 2014 – 857, 2015 – 953, 2016 – 948, 2017 – 971, 2018 – 1024, 2019 – 1172, 2020 – 1181, в 2021 г. – 1271 преступление).

В юридической литературе изучению личности преступника посвящено большое количество работ. Применительно к нашему вопросу, наиболее интересной является позиция авторов учебника по пенитенциарной криминологии, где под рассматриваемым понятием подразумевается «разновидность (отдельный тип) личности вообще, которая представляет собой человека, наделенного сознанием, речью, способностью к деятельности и выполнению разнообразных социальных ролей, вместе с тем совершившего преступление после вынесения ему обвинительного приговора» [22, с. 411]. В этом понятии авторы соотносят личность пенитенциарного преступника не с кем иным, как с осужденным. Данная позиция является спорной и расходится с нашим пониманием пенитенциарной преступности.

Работы по исследованию личности пенитенциарного преступника условно можно разделить на две группы: в первой рассматриваются физические признаки преступника, социальное положение [17, с. 25]; во второй – психологическое отношение личности к совершаемому преступлению [5, с. 50–51]. Мы предпочитаем объединить эти точки зрения, но, по нашему мнению, определяющие роли в совершении преступления играют личность и социальная среда.

Так, пенитенциарное учреждение как окружающая среда способствует формированию у осужденного постоянного стрессового состояния, что может вызвать определенные психологические отклонения и привести к срыву [19, с. 105–106]. Как справедливо отмечал Б. С. Утевский, «колония, тюрьма – самое неблагоприятное место для воспитательной работы», поскольку принципы педагогики «трудно применять, одновременно и непрерывно карая» [28, с. 288].

Осужденный отбывает наказание в постоянном режиме ожидания. Справедливо выражение, применяемое в криминологии «личность – это свернутая среда, а среда – развернутая личность» [1, с. 164]. В исправительном учреждении личность утрачивает социальные связи, у человека возрастает конфликтность, агрессивность, вырабатывается приспособляемость (адаптивность). У личности возникает чувство безнадежности, угнетения, происходит изменение стереотипа жизни. Необходимо согласиться с мнением О. В. Старкова, который указывал, что внутренний (психологический) фактор в мотивации преступного поведения – наличие лидерских качеств, желание уклониться от отбывания наказания, лояльность к воровским традициям [27, с. 42].

Роль социально-психологической адаптации осужденных к окружающей обстановке в условиях концентрированной криминогенной среды повышается. По степени успешности социально-психологической адаптации лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, мы можем условно разделить на три группы:

– к первой группе (адаптированные) предлагаем отнести осужденных, являющихся профессиональными преступниками. Чаще всего это лица неоднократно судимые, поддерживающие «воровские традиции», нередко признанные злостными нарушителями режима содержания, у данной категории утрачены социальные связи, осужденные чаще всего отбывают наказание в колониях строгого и особого режимов;

– во вторую группу (условно адаптированные) предлагаем включить осужденных, впервые попавших в места лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, неоднократно отбывавших наказание в исправительных учреждениях, освобожденных от отбывания наказания условно-досрочно, относящихся негативно к «воровским традициям» и активно сотрудничающих с администрацией. Данная категория лиц допускает разовые нарушения, старается поддерживать социальные связи,

если те имеются. Отбывают наказание такие осужденные в учреждениях строгого, общего режимов, в колониях-поселениях;

– в третью группу (слабо адаптированные) включим осужденных, впервые отбывающих наказание в местах лишения свободы, переведенных из воспитательных колоний, отбывающих наказание в колонии-поселении (за исключением указанных категорий), ранее привлекавшихся к уголовной ответственности условно или в отношении которых применялись наказания, не связанные с лишением свободы (за исключением штрафа). Данная категория лиц допускает разовые нарушения, старается поддерживать социальные связи, если те имеются.

Четкое разграничение адаптации личности невозможно, процесс происходит неравномерно, индивидуально, зависит от характера человека и окружающей среды. Формирование примерных групп адаптивности позволяет разработать комплекс мер, направленных на предупреждение ряда преступлений, совершаемых на территории исправительных учреждений.

Рассматривая вопрос структуры личности пенитенциарного преступника, необходимо уделить внимание социально-демографическим свойствам личности, которые сами по себе не криминогенны, а формируются под воздействием негативных социальных факторов. Ю. М. Антонян определял структуру личности «как совокупность характеристик личности осужденного, совершившего преступление в тюрьме» [4, с. 91].

Сама по себе структура личности пенитенциарного преступника характеризуется рядом элементов. К ним относят пол, возраст, уровень образования, семейное положение, поддержание социальных связей, социально-культурологические и трудовые отношения, выполнение общегражданских обязанностей.

Социально-демографические данные являются одним из основополагающих элементов изучения личности преступника в криминологии. Заслуживает внимания мнение Д. А. Шестакова о том, что значимые отличия от населения могут свидетельствовать о предрасположенности к совершению преступлений отдельных социальных групп [31, с. 115]. В противоположность этому мнению в юридической литературе существует другое: социально-демографические свойства личности не криминогенны. Они оказывают влияние на формирование личности и социальную роль личности [14, с. 125].

Одно из основных социально-демографических свойств личности – возраст преступника. Изучение возраста позволяет отслеживать процесс изменений личности в социальной среде. Под воздействием возрастных изменений у человека меняются не только физические данные, но и социальные ценности, психологические привычки, манера общения. Зависимость криминологической активности от возраста преступника в результате психологических изменений отмечал в своих работах и Ю. М. Антонян [3]. Многие ученые считают влияние возраста на преступность предметом спора (К. Бартол, М. Н. Гернет, В. Н. Кудрявцев, Ч. Ломброзо, О. Д. Ситковская и др.) [16, с. 21]. Отсутствие связи между возрастом и причинами преступности отмечали Б. Б. Казак и А. И. Ушатиков, но при этом они указали на четкую взаимосвязь возраста и характера совершенного преступления [10, с. 21]. Данная точка зрения частично подтвердилась нашим исследованием. В рамках формирования мнения о личности преступника – осужденного, совершившего преступление в период отбывания наказания, – нами было проанализировано 849 приговоров, по фактам совершения преступлений в период отбывания наказания за 2012–2022 гг. Это позволило сформировать возрастные группы пенитенциарных преступников: от 25 до 29 лет – 36,1 %, от 30 до 39 – 31, до 25 лет – 23, от 40 до 49 – 10 %.

Заслуживает внимания мнение профессора А. И. Ушатикова, который отмечал зависимость начала криминальной карьеры и рецидива преступления от возраста [24, с. 21]. Интересна взаимосвязь возраста осужденных и видов преступлений:

- преступления, связанные с незаконными операциями с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами [ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)], совершают чаще лица старшего возраста – 40–49 лет (17,4 %);
- посягающие на жизнь и здоровье (ст. 105–113 УК РФ) – лица среднего возраста – 30–39 лет (41,8 %), реже – лица старшего возраста – 40–49 лет (11,6 %);
- связанные с дезорганизацией деятельности учреждений (ст. 321 УК РФ) – осужденные 30–39 лет (36,9 %), реже – лица старшего возраста – 40–49 лет (9,7 %);
- связанные с дачей взятки (ст. 291 УК РФ) – лица от 25 до 29 лет (37,5 %), реже лица старшего возраста – 40–49 лет (8,3 %);
- посягающие на право собственности (ст. 158, 159, 163 УК РФ) – осужденные в возрасте от 25 до 29 лет (41,4 %).

Дополнительно отметим, что представители возрастной группы от 25 до 29 лет чаще совершают побеги и уклоняются от отбывания наказания (ст. 313, 314 УК РФ) – 39,7 %, посягают на порядок управления (ст. 318, 319 УК РФ) – 35,7 %, совершают иные преступления – 45,8 %.

Изучая социально-демографические данные пенитенциарных преступников, необходимо уделить внимание образованию. В юридической литературе наличие образования отмечается как антикриминогенный фактор [25, с. 155–160], который впоследствии способствует ресоциализации и социальной адаптации осужденного [23, с. 129–131]. Образовательный уровень, по мнению Я. Ивасенко, способствует нейтрализации отрицательных черт характера и искоренению криминального поведения [9, с. 10]. Образовательный уровень как фактор нравственного становления личности отмечал в своих работах Н. Н. Кондрашков [12, с. 45].

Право каждого человека на образование в Российской Федерации гарантируется (ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Статьей 108 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) регламентировано: «В исправительных учреждениях организуются обязательное профессиональное обучение или среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих осужденных к лишению свободы, не имеющих профессии (специальности), по которой осужденный может работать в исправительном учреждении и после освобождения из него». По состоянию на январь 2022 года в исправительных учреждениях функционируют 283 общеобразовательные организации и 503 их филиала. В целях получения осужденными среднего профессионального образования функционируют 307 профессиональных училищ (техникумов) и 392 их филиала¹.

«В течение 2013–2020 годов в профессиональных образовательных организациях ФСИН России общая численность осужденных, подлежащих профессиональному обучению, составила – 1 083 518 человек; закончивших профессиональное обучение – 715 480, закончивших профессиональное обучение по второй и более специальности – 132 345, а также осужденных-выпускников, трудоустроенных в учреждении в течение первого года после завершения обучения, – 415 367 человек. Это, в свою очередь,

¹ См.: Официально опубликованные статистические данные ФСИН России. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika> (дата обращения: 21.09.2022).

принесло положительные плоды» [30, с. 187]. Образовательный уровень осужденных вырос, это подтверждается и материалами судебной практики.

Например, в работах М. Ф. Костюка отмечалось, что «подавляющее большинство осужденных, на основе анализа судебной практики 2000 г., (58 %), совершивших преступление, имели среднее общее образование, неполное среднее (7–9 классов) образование было у 4 % совершивших преступление в ИУ; начальное (4–6 классов) – 1,4 %; среднее специальное – 13,6; неоконченное высшее – 2; высшее – 1 %» [13, с. 239].

Мы смогли проанализировать данные об уровне образования осужденных, совершивших преступление в период отбывания наказания в исправительных учреждениях: не имеют полного среднего образования – 0,9 %, имеют полное среднее образование – 41,9 %, имеют среднее профессиональное образование – 29,4 %, имеют высшее образование – 27,8 %. При этом максимальное количество лиц, имеющих высшее образование, совершили дачу взятки (ст. 291 УК РФ) – 41,6 %. Максимальное количество осужденных, имеющих среднее профессиональное образование, совершили побег из учреждений (ст. 313, 314 УК РФ) – 38,4 %, преступления, связанные с незаконными операциями с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами (ст. 228 УК РФ) – 38 %, преступления, посягающие на право собственности (ст. 158, 159, 163 УК РФ), – 41,6 %.

Следующим социально-демографическим признаком является социальное положение и род занятий, однако применительно к лицам, совершившим пенитенциарное преступление, наиболее целесообразно рассмотреть их трудовую занятость. Трудовая деятельность как мера предупреждения преступности осужденных озвучивалась в современной литературе [26, с. 150–154]. В советском уголовном законодательстве предусматривалась ответственность за уклонение от труда. Необходимость трудовой занятости осужденных отмечал в своем произведении «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевский: «Арестанты без работы похожи на пауков в склянке, которые готовы поесть друг друга» [7, с. 406].

Необходимо также отметить, что в производственной зоне совершается более 25 % от общего количества преступлений. Вместе с тем в процессе изучения материалов мы выяснили, что преступления в период отбывания наказания совершаются следующим образом: в жилой зоне – 12,9 %, в производственной зоне – 47,2 %, нетрудоустроенными осужденными – 39,7 %. Следовательно, почти половина всех осужденных, совершивших преступление в период отбывания наказания, не были трудоустроены. Рассматривая зависимость вида преступления от трудоустройства, необходимо отметить, что наибольшее количество преступлений в производственной зоне связаны с дачей взятки (ст. 291 УК РФ) – 70,8 %. По нашему мнению, это можно объяснить тем, что наличие трудовой занятости у осужденных в первую очередь влияет на облегчение условий отбывания наказания и предоставление УДО, что, в свою очередь, и является мотивом совершения данного преступления. Еще одним видом преступлений, совершенных трудоустроенными лицами, являются посягающие на жизнь и здоровье (ст. 105–113 УК РФ) – 41,8 %. Возникновение конфликтных ситуаций в процессе выполнения работ может происходить чаще, как следствие, возрастает вероятность совершения преступления. Конфликтная ситуация при выполнении работ может сыграть роль мотива при совершении преступления, посягающего на порядок управления (ст. 318–319 УК РФ) – 42,8 %. Указанной категорией осужденных также совершаются преступления, связанные с незаконными операциями с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами (ст. 228 УК РФ) – 46 %.

Интересен факт, что, например, побеги из учреждений в большей степени совершают неработающие осужденные – 46,1 %. Это подтверждается и соотношением побегов из-под охраны из жилой и производственной зон. Чаще всего побег совершается через контрольно-пропускной пункт или из жилой зоны. Это связано с системой оборудования объекта инженерно-техническими средствами охраны. Здания жилой зоны соприкасаются с внутренней запретной зоной и часто есть вероятность установления «мертвой зоны» для систем наблюдения.

Отметим, что трудоустроенные осужденные в жилой зоне совершают незначительное количество преступлений. По нашему мнению, это связано с тем, что осужденные занимают административные должности и на них назначаются лица, лояльные к администрации учреждения, после тщательной оперативной проверки. Жилые зоны также оборудованы системами охранного телевидения.

Последний из социально-демографических признаков, на котором мы хотели остановить внимание и который, несомненно, занимает одно из главенствующих мест в социально-демографической характеристике личности пенитенциарного преступника, – это семейное положение. Для осужденного наличие семейных связей является основополагающим элементом при адаптации после отбытия наказания [29, с. 128]. Наличие семейных отношений позитивно влияет на формирование личности и способствует правопослушному поведению. В период отбывания наказания именно семья оказывает поддержку осужденному, способствует общению. Так, «выборочные исследования женщин говорят, что тяжело они переносят отсутствие социальной поддержки со стороны семьи и утрату родственных связей» [11, с. 88–89]. А. С. Михлин указывал «на актуальность поддержки осужденного семьей в период отбывания наказания и основополагающей роли семьи после окончания срока отбывания наказания для социальной адаптации освобожденного» [20, с. 117]. Наличие семейных отношений – важный фактор при выборе форм и методов воспитательной работы с осужденным.

Нормы, реализация которых способствует как сохранению семьи, так и ее созданию, предусмотрены в уголовно-исполнительном законодательстве, например:

– отбывание наказания осужденными, как правило, в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены (ч. 1 ст. 73 УИК РФ);

– предоставление краткосрочных и длительных свиданий. Отметим, что длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания с супругом (супругой), родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, родными братьями и сестрами, бабушками и дедушками, внуками, а с разрешения начальника исправительного учреждения – с иными лицами (ст. 89 УИК РФ). Кроме того, осужденным могут предоставляться длительные свидания вне исправительного учреждения продолжительностью 5 суток;

– переписка осужденных без ограничения ее получения (ч. 1 ст. 91 УИК РФ);

– телефонные разговоры осужденных (ст. 92 УИК РФ);

– разрешение осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях, в целях успешной социальной адаптации за шесть месяцев до окончания срока наказания проживать и работать за пределами исправительной колонии (ч. 3 ст. 121 УИК РФ).

К сожалению, не все указанные и другие нормы реализуются, что негативно отражается на семейных отношениях. Анализ материалов позволяет сделать вывод о том, что более 60 % осужденных на момент совершения преступления в пенитенциарном учреждении были разведены или не женаты, однако при этом на наличие детей указыва-

ли также более 60 %, что позволяет сделать вывод о поддержании социальных связей осужденных со своими семьями даже после развода. Необходимо отметить, что количество женатых осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и совершивших побег, составило более половины всех осужденных, совершивших побег, а мотивом совершения побега из колонии-поселения служили семейные проблемы и диссонирование (личные разногласия) – 88,4 %.

Обобщение полученных результатов позволяет сделать вывод: личность пенитенциарного преступника в последние годы характеризуется более молодым возрастом по сравнению с ранними исследованиями, увеличением корыстных мотивов совершения преступлений. Отмечается более высокий уровень образования пенитенциарного преступника, нежелание осужденных трудоустроиваться, поддерживать социальные связи.

Список источников

1. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография. СПб., 2000. 276 с.
2. Алексеев А. И. Криминология : курс лекций. М. : Щит-М, 1998. 331 с.
3. Антонян Ю. М. Преступник как предмет криминологического изучения // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 34. С. 38–46.
4. Антонян Ю. М., Эминов В. Е., Еникеев М. И. Психология преступления и наказания. М. : ПЕНАТЕС-ПЕНАТЫ, 2000. 451 с.
5. Белозерова И. И. Личность преступника и ее криминалистический аспект // Следователь. 1998. № 4. С. 50–51.
6. Глэйзер Д., Райс К. Преступность, возраст и занятость // Социология преступности. Современные буржуазные теории : сб. ст. М., 1966. С. 217–231.
7. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. СПб. : Наука, 1988. Т. 3. 576 с.
8. Ивасенко Я. С. Образование как фактор успешной социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Законодательное обеспечение социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы : материалы круглого стола (Москва, 17 мая 2007 г.). М. : Издание Государственной Думы, 2007. С. 129–132.
9. Ивасенко Я. С. Общее и профессиональное образование, профессиональное обучение как средства исправления осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 276 с.
10. Казак Б. Б., Ушатиков А. И. Основы пенитенциарной психологии : учебник. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2001. 536 с.
11. Казберов П., Мокрецов А. Современные «обитатели» исправительных учреждений // Преступление и наказание. 2009. № 7. С. 88–89.
12. Кондрашков Н. Н. Количественные методы в криминологии. М. : Юридическая литература, 1971. 184 с.
13. Костюк М. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 463 с.
14. Криминология : учебник / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. 629 с.
15. Кузнецова Н. В., Эминов В. Е. Криминология. М., 1995. 629 с.
16. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Ленинград : Ленинградский университет, 1968. 129 с.

17. Личность преступника. Уголовно-правовое и криминологическое исследование / науч. ред. Б. С. Волков. Казань : Казанский университет, 1972. 187 с.
18. Личность преступника / под ред. В. Н. Кудрявцева, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова. М., 1975. 270 с.
19. Мельникова Д. В., Дебольский М. Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых // Психология и право. 2015. Т. 5, № 2. С. 105–116.
20. Михлин А. С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1974.
21. Некрасов А. П. Криминологическая характеристика личности осужденного, совершившего преступление в учреждении пенитенциарной системы // Вестник Самарского юридического института . 2013. № 3(11). С. 43–49.
22. Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань : Академия ФСИН России, 2009. 567 с.
23. Профессиональное образование осужденных как фактор их ресоциализации : монография. Рязань : Академия ФСИН России, 2010. 131 с.
24. Горностаев С. В., Ушатиков А. И., Кириллова Т. В., Лафуткин А. М. Психологические проблемы профессиональной пригодности и служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы : монография. М. : Проспект ; Академия ФСИН России, 2017. 152 с.
25. Сайгушев А. А. Основы христианской морали и религиозного образования как фактор профилактики преступности несовершеннолетних преступников и правонарушителей в XVIII–XIX веках // История становления и развития правоохранительной системы России : сб. материалов науч. семинара (Псков, 5 июня 2009 г.). Псков : Псковский юридический институт ФСИН России, 2009. С. 155–160.
26. Слонова М. А. Обеспечение занятости как мера общесоциального, специально-криминологического, индивидуального предупреждения преступности несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов XIV научно-практической конференции (Красноярск, 17 февраля 2011 г.) : в 2 ч. Красноярск, 2011. Ч. 1. С. 150–154.
27. Старков О. В. Криминология : учеб. пособие. М. : Экзамен, 2004. 478 с.
28. Утевский Б. С. Воспоминания юриста. М. : Юридическая литература, 1989. 302 с.
29. Уткин В. А. Осужденные в колониях-поселениях. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2011. 128 с.
30. Шеслер А. В. Групповая преступность (криминологические и уголовно-правовые аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 395 с.
31. Шестаков Д. А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. СПб. : Юридический центр, 2015. 430 с.

References

1. Milyukov, S. F. 2000, *Russian criminal legislation: the experience of critical analysis: monograph*, St. Petersburg.
2. Alekseev, A. I. 1998, *Criminology: a course of lectures*, Shield-M, Moscow.
3. Antonyan, Yu. M. 1981, 'The criminal as a subject of criminological study', in *Issues of combating crime*, vol. 34, pp. 38–46.

4. Antonyan, Yu. M., Eminov, V. E. & Enikeev, M. I. 2000, *Psychology of Crime and Punishment*, PENATES-PENATES, Moscow.
5. Belozerova, I. I. 1998, 'The identity of the criminal and its criminalistic aspect', *Investigator*, iss. 4, pp. 50–51.
6. Glazer, D. & Rice, K. 1966, 'Crime, age and employment', in *Sociology of Crime, Modern Bourgeois Theories: Collection of Articles*, pp. 217–231, Moscow.
7. Dostoevsky, F. M. 1988, *Collected Works*, in 15 vols, vol. 3, Nauka, St. Petersburg.
8. Ivashenko, Ya. S. 2007, 'Education as a factor of successful social adaptation of persons released from prison', in *Legislative support of social adaptation of persons released from prison: materials of the round table (Moscow, May 17, 2007)*, pp. 129–132, Edition of the State Duma, Moscow.
9. Ivashenko, Ya. S. 2014, *General and vocational education, vocational training as a means of correcting those sentenced to imprisonment: PhD thesis (Law)*, Ryazan.
10. Kazak, B. B. & Ushatikov, A. I. 2001, *Fundamentals of penitentiary psychology: textbook*, Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, Ryazan.
11. Kazberov, P. & Mokretsov, A. 2009, 'Modern "inhabitants" of correctional institutions', *Crime and Punishment*, iss. 7.
12. Kondrashkov, N. N. 1971, *Quantitative methods in criminology*, Legal Literature, Moscow.
13. Kostyuk, M. F. 2000, *Criminal law and criminological problems of combating crime in correctional institutions: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
14. Kuznetsova, N. F. & Luneev, V. V. (eds) 2004, *Criminology: Textbook*, 2nd edn, Volters Kluver, Moscow.
15. Kuznetsova, N. V. & Eminov, V. E. 1995, *Criminology*, Moscow.
16. Leikina, N. S. 1968, *Criminal identity and criminal responsibility*, Leningrad University, Leningrad.
17. Volkov, B. S. (ed.) 1972, *Criminal identity, Criminal law and Criminological research*, Kazan University, Kazan.
18. Kudryavtsev, V. N., Minkovsky, G. M. & Sakharov, A. B. (eds) 1975, *Criminal Identity*, Moscow.
19. Melnikova, D. V. & Debolsky, M. G. 2015, 'Penitentiary stress and features of its manifestation in convicts, suspects, accused', *Psychology and Law*, vol. 5, iss. 2, pp. 105–116.
20. Mikhlin, A. S. 1974, *The personality of those sentenced to imprisonment and the problems of their correction and re-education: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
21. Nekrasov, A. P. 2013, 'Criminological characteristics of the personality of a convicted person who committed a crime in a penitentiary institution', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 3(11), pp. 43–49.
22. Antonyan, Yu. M., Grishko, A. Ya. & Filchenko, A. P. (eds) 2009, *Penitentiary Criminology: textbook*, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan.
23. *Vocational education of convicts as a factor of their re-socialization: monograph* 2010, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan.
24. Gornostaev, S. V., Ushatikov, A. I., Kirillova, T. V. & Lafutkin, A. M. 2017, *Psychological problems of professional fitness and service loyalty of employees of the penal enforcement system: monograph*, Prospect, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow.
25. Saigushev, A. A. 2009, 'Fundamentals of Christian morality and religious education as a factor in crime prevention of juvenile delinquents and delinquents in the XVIII–XIX centuries' in *The history of the formation and development of the Russian law enforcement system: Collection*

of materials of the scientific seminar (Pskov, June 5, 2009), pp. 155–160, Pskov Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov.

26. Slonova, M. A. 2011, 'Ensuring employment as a measure of general social, special criminological, individual prevention of juvenile delinquency', in *Actual problems of combating crime in the Siberian region: collection of materials of the XIV Scientific and Practical Conference (Krasnoyarsk, February 17, 2011)*, in 2 vols, vol. 1, pp. 150–154, Krasnoyarsk.

27. Starkov, O. V. 2004, *Criminopenology: textbook*, Exam, Moscow.

28. Utevsky, B. S. 1989, *Memoirs of a lawyer*, Legal literature, Moscow.

29. Utkin, V. A. 2011, Convicts in colonies-settlements, *Based on the materials of a special census of convicts and persons in custody, November 12–18, 2009*, V. I. Seliverstov (ed.), Jurisprudence, Moscow.

30. Shesler, A.V. 2000, *Group crime (criminological and criminal-legal aspects): Sc.D thesis (Law)*, Yekaterinburg.

31. Shestakov, D. A. 2015, *Theory of crime and fundamentals of branch criminology*, Law Center, St. Petersburg.

Информация об авторе

С. А. Хохрин – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе.

Information about the author

S. A. Khokhin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the penal system.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 07.08.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 07.08.2023.

Научная статья

УДК 378.147:343.83

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.477-488

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕПУТАЦИИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Елена Евгеньевна Гаврина¹, Александр Викторович Заргаров²

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, gawrina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8131-8122>

² Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, azargarov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7385-6518>

Аннотация. В статье представлены результаты пилотажного исследования особенностей профессиональной ответственности курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний, а также показано наличие влияния профессиональной ответственности на формирование репутации курсантов. Исследование было проведено на базе Академии ФСИН России, в выборку вошли 77 курсантов 4–5-х курсов. Актуальность проведенного исследования основывается на том, что в отличие от обучающихся в гражданских вузах курсанты уже с момента зачисления в образовательную организацию Федеральной службы исполнения наказаний назначаются на должность рядового внутренней службы, то есть становятся действующими сотрудниками уголовно-исполнительной системы. В процессе обучения в вузе они проходят первые этапы профессионального становления. Проведенный корреляционный анализ позволил выделить особенности профессиональной ответственности курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний и на их основе обосновать типологию курсантов по уровню сформированности репутации и профессиональной ответственности.

Ключевые слова: профессиональная ответственность, репутация, курсанты образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний

Для цитирования

Гаврина Е. Е., Заргаров А. В. Влияние профессиональной ответственности на формирование репутации курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 477–488. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.477-488.

Original article

THE INFLUENCE OF PROFESSIONAL RESPONSIBILITY ON THE FORMATION OF THE REPUTATION OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Elena Evgen'evna Gavrina¹, Aleksandr Viktorovich Zargarov²

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, gavrina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8131-8122>

² Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, azargarov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7385-6518>

Abstract. The article presents the results of a pilot study of the features of professional responsibility of cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, and also shows the influence of professional responsibility on the formation of the reputation of cadets. The study was conducted on the basis of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, the sample included 77 cadets of 4–5 courses. The relevance of the study is based on the fact that, unlike students in civilian universities, cadets are appointed to the position of an ordinary internal service officer from the moment of enrollment in the educational organization of the Federal Penitentiary Service of Russia, that is, they become active employees of the penal system. In the process of studying at the university, they go through the first stages of professional formation. The correlation analysis made it possible to identify the features of professional responsibility of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia and, based on them, to substantiate the typology of cadets according to the level of reputation and professional responsibility.

Keywords: professional responsibility, reputation, cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia

For citation

Gavrina, E. E. & Zargarov, A. V. 2023, 'The influence of professional responsibility on the formation of the reputation of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 477–488, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.477-488.

В Дисциплинарном уставе уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации (утвержден приказом Минюста России от 12 сентября 2019 г. № 202) указано, что руководители в целях поддержания служебной дисциплины должны «воспитывать у подчиненных сотрудников чувство ответственности за выполнение служебных обязанностей», а «служебная дисциплина в УИС обеспечивается, в частности, ответственностью каждого сотрудника за выполнение своих служебных обязанностей и ответственностью руководителя (начальника) за состояние служебной дисциплины среди подчиненных сотрудников». Таким образом, Дисциплинарный устав подчеркивает важность изучения профессиональной ответственности сотрудников УИС.

Анализируя научные источники по вопросу профессиональной ответственности, мы обратили внимание на наличие связи этого понятия с понятием «репутация». Так, Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк трактуют ответственность личности как стремление и умение оценивать свои поступки через призму пользы или вреда для людей и каждой отдельной личности. А. А. Гусейнов, И. С. Кон, Н. П. Соколова, В. А. Шабалин и другие ученые указывают связь профессиональной ответственности специалиста с соблюдением им нравственно-этических норм, а также нравственного долга при выполнении профессиональных задач. Очень часто психологи трактуют ответственность сотрудника как формы контроля своей деятельности, соотнося их с нормами и правилами, которые он усвоил и принял для себя.

В Кодексе этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих УИС (утвержден приказом ФСИН России от 11 января 2012 г. № 5) указывается на необходимость «формирования позитивного облика компетентного поведения сотрудника и федерального государственного гражданского служащего», а также рекомендуется сотрудникам УИС «избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб их репутации или авторитету УИС», а руководителям – быть для подчиненных «образцом профессионализма, безупречной репутации».

В «Словаре по этике» под редакцией А. А. Гусейнова и И. С. Кона отмечено, что под репутацией понимают сложившееся у окружающих мнение о нравственном облике того или иного человека (коллектива), основанное на его предшествующем поведении и выражающееся в признании его заслуг, авторитета, в том, чего от него ожидают в дальнейшем, какая мера ответственности на него возлагается и как оцениваются его поступки [7, с. 437].

Все изложенное выступило основой изучения влияния профессиональной ответственности на формирование репутации курсантов образовательных организаций ФСИН России, что и стало целью нашего исследования. Однако для восприятия эмпирических результатов представляется необходимым остановиться на рассмотрении понятия «профессиональная ответственность». Проблему профессиональной ответственности в своих трудах рассматривали О. Н. Ежова и Ф. И. Ушков (2021), Н. Ф. Желаевская (2009), Е. М. Кочнева и Л. Б. Морозова (2016), А. Г. Перлин (2000), Н. Н. Семенов (2008), О. В. Сысоева (2006), И. В. Тетеревкова (2005), О. Н. Шалдыбина (2009), Н. Н. Ярушкин и др.

Анализ современных исследований в области профессиональной ответственности показывает, что данное личностное качество входит в ядро наиболее важных и необходимых для эффективности и успешности в трудовой деятельности [3]. В современной науке нет единого мнения относительно сущности понятий «ответственность» и «профессиональная ответственность». Большинство исследователей рассматривают профессиональную ответственность во взаимосвязи с профессиональными функциями и обязанностями. Л. И. Дементий понимает под ответственностью «особое отношение субъекта труда к своим должностным обязанностям и к самой необходимости их выполнения при осуществлении профессиональной деятельности, его отношение к соблюдению правил поведения, выработанных профессиональным сообществом» [4].

О. Н. Шалдыбина в своем диссертационном исследовании указывает, что «личности специалиста любого профиля ответственность должна присутствовать как одно из проявлений его сущности» [2]. Специалиста с несформированной ответственностью она относит к низкому профессиональному уровню.

Н. Ю. Макеева дает в диссертации такое определение: «профессиональная ответственность – это интегральная характеристика субъекта труда (профессионала), отражающая процесс осуществления им деятельности с опорой на самостоятельные решения и действия с целью достижения оптимального результата, соответствующего профессиональным стандартам и общественным требованиям» [5].

В исследованиях А. В. Котеневой, А. В. Кокурина, А. В. Литвиновой, А. В. Гончаренко обращается внимание на то, что адаптация молодых сотрудников к службе в УИС зависит от моральной нормативности, в основе которой находится ответственность как психологическое качество личности [6].

Профессиональная ответственность сотрудника УИС выражается в его способности исполнять свои профессиональные обязанности на гарантированно высоком уровне; соблюдать принятые в УИС служебные и этические нормы и правила; готовность держать отчет перед собой и внешними инстанциями за принятые решения и поступки, как за уже осуществленные, так и планируемые; признавать свои ошибки и вносить изменения в свою служебную деятельность.

В рамках нашего исследования был использован следующий психодиагностический инструментарий: анкетирование, направленное на изучение социально-демографических данных и уровня сформированности репутации, методика В. П. Прядеина «Многомерно-функциональная диагностика «Ответственность-110» (ОТВ-110), тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, диагностика уровня личной готовности к риску («PSK» Шуберта), «Диагностика волевого потенциала личности» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов).

Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева был выбран нами на основе теоретического анализа научных источников (В. А. Канке, Т. В. Морозкина, К. Роджерс, В. Франкл и др.), который показал, что ответственность выступает средством регуляции (самореализации) деятельности личности, а именно как средство внутреннего контроля (самоконтроля), в том числе собственных переживаний, а также как качество личности, регулирующее ответ на внешние факторы.

В работах таких ученых, как А. И. Голубева, Р. С. Немов, Н. Н. Семенов, Т. И. Сидорова, Л. С. Славина, Н. И. Румянцева и др., ответственность трактуется как волевое качество, обусловленное морально-ценностной ориентацией личности. Для изучения взаимосвязи профессиональной ответственности и воли нами была выбрана методика «Диагностика волевого потенциала личности» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов).

В ходе исследования мы также хотели установить наличие (отсутствие) связи между склонностью к риску и профессиональной ответственностью. Деятельность сотрудников УИС предполагает ответственное отношение к исполнению своих обязанностей, но в их профессиональной деятельности могут возникать ситуации, сопряженные с «допустимым (обоснованным) риском». Для решения этой задачи нами была выбрана методика «Диагностика уровня личной готовности к риску» («PSK» Шуберта).

Пилотажное исследование влияния профессиональной ответственности на формирование репутации курсантов образовательных организаций ФСИН России было организовано на базе Академии ФСИН России. Общее количество выборки составило 77 курсантов, из них 60 девушек и 17 юношей 4-го и 5-го курсов. Выбор для обследования курсантов старших курсов обосновывается тем, что к этому периоду у них уже начинает формироваться профессиональная ответственность, так как с момента зачис-

ления в образовательную организацию курсанты назначаются на должность рядового внутренней службы, то есть становятся действующими сотрудниками УИС.

С помощью анкетирования нами были получены данные об оценке сформированности репутации у обследуемых курсантов, соответствующей образу сотрудника УИС (табл. 1).

Большинство курсантов оценили свою репутацию, соответствующую образу сотрудника УИС, как очень высокую и высокую (55 %), 42 % курсантов – как сформированную на среднем уровне. Лишь только 3 % из числа обследованных курсантов указали на низкий уровень сформированности репутации, соответствующей образу сотрудника УИС. Необходимо отметить, что курсанты, указавшие на низкий уровень сформированности у них репутации, не смогли дать развернутое определение понятию «репутация», то есть мы можем предположить, что у этих курсантов не сформированы представления и отсутствуют знания об особенностях репутации сотрудника УИС.

Таблица 1

Оценка сформированности уровня репутации у курсантов, %

Очень высокий уровень	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Не сформирована
11	44	42	3	0

В статье мы не будем останавливаться на причинах, связанных с оцениванием сформированности репутации, соответствующей образу сотрудника УИС, у курсантов на среднем и низком уровнях, так как это не является целью исследования. Основной акцент будет сделан на влиянии профессиональной ответственности на репутацию курсантов.

Ранее в своих исследованиях мы отмечали, что формирование репутационного поведения сотрудников УИС связано с личностными качествами [1]. Именно поэтому считаем необходимым более детально изучить влияние профессиональной ответственности курсантов на формирование репутации, что позволит достичь поставленной цели в данной статье. Для этого нами был проведен корреляционный анализ ($p < 0,01$) с помощью компьютерной программы Statistica 8.0, результаты которого показали, что уровень репутации имеет 8 корреляционных связей, а именно с количеством поощрений (0,89) и взысканий (-0,73), и следующими шкалами: «динамическая эргичность» (0,75), «мотивация социоцентрическая» (0,67), «результат предметный» (0,54), «результат субъектный» (0,58), «регуляторная интернальность» (0,85) и «экстраполяция» (0,96) – по методике В. П. Прядеина «Многомерно-функциональная диагностика «Ответственность-110» (ОТВ-110) (рис. 1).

Корреляционный анализ позволил нам выделить два типа курсантов в зависимости от оценки уровня сформированности у них репутации, соответствующей образу сотрудника УИС, и особенностей проявления профессиональной ответственности:

1. Курсанты с высокой самооценкой сформированности у себя репутации имеют много поощрений и меньше взысканий, характеризуются самостоятельностью при выполнении заданий по службе, не боятся ответственных и трудных поручений. У них выражены чувство долга и социально значимая мотивация при выполнении ответственных заданий вследствие потребности быть в коллективе. Общественные интересы у них преобладают над личностными. Более того, они очень добросовестно и самоотверженно подходят к выполнению коллективных дел. Для них очень важно завершить ответственные дела, связанные с их благополучием, саморазвитием и самореализацией. При выполнении

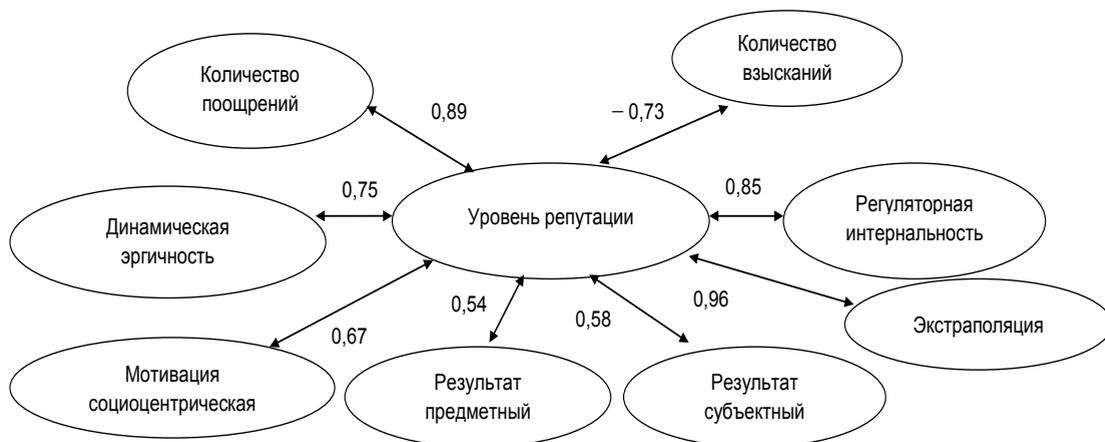

Рис. Корреляционная плеяда «Уровень репутации» (р < 0,01)

ответственных дел проявляют внешнюю независимость от обстоятельств. При выполнении ответственных дел предпочитают просчитать все возможные варианты последствий от предстоящих действий и поступков.

2. Курсанты с низкой самооценкой сформированности у себя репутации имеют больше взысканий, чем поощрений, не склонны выполнять свои обещания, характеризуются необязательностью и нуждаются в постоянном внешнем контроле при выполнении заданий по службе. Для них характерно преобладание личных мотивов над общественными. В коллективной деятельности они показывают низкие результаты ответственности, стараются переложить выполнение работы на других коллег, а сами предпочитают остаться в стороне. Для них не является значимым выполнение ответственных дел с целью личного развития и достижения благополучия. Постоянно пытаются найти объективные причины для невыполнения ответственных дел. Склонны быть импульсивными в своих действиях, поступках и высказываниях.

Чтобы сформировать целостное представление об особенностях профессиональной ответственности курсантов, считаем необходимым продемонстрировать результаты корреляционного анализа по всем шкалам методики В. П. Прядеина «Многомерно-функциональная диагностика «Ответственность-110» (ОТВ-110).

Результаты корреляционного анализа (р < 0,01) показали, что 7 шкал («динамическая эргичность», «когнитивная осмысленность», «когнитивная осведомленность», «трудности операциональные», «стремления инструментально-стилевые», «стремления содержательно-смысловые», «взятие ответственности на себя») из 22 шкал методики В. П. Прядеина «Многомерно-функциональная диагностика «Ответственность-110» (ОТВ-110) не имеют корреляционных связей как между шкалами указанной методики, так и с уровнем репутации и со шкалами других методик, выбранных нами в рамках исследования (табл. 2).

Шкалы «эмоциональность стеническая», «интуиция», «искренность» имеют по одной корреляционной связи, причем шкалы «эмоциональность стеническая» и «интуиция» коррелируют друг с другом (0,50). Следовательно, курсанты, обладающие способностями к внезапному предвидению явлений и событий, испытывают положительные эмоции в процессе выполнения ответственных дел. И, напротив, у курсантов, не обладающих способностями к предвидению будущего, выполнение ответственных дел не вызывает

положительных эмоций. К негативным эмоциям таких курсантов может привести даже перспектива выполнения важных, ответственных дел по службе.

Вызывает интерес наличие корреляционной связи между шкалами «искренность» методики В. П. Прядеина «Многомерно-функциональная диагностика «Ответственность-110» (ОТВ-110) и «результативность жизни» теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева (–0,45). Полученные данные показывают, что в своих ответах более искренними были курсанты, которые придают особое значение своему прошлому при построении своего будущего (напоминаем, что чем ниже баллы по шкале «искренность», тем более достоверны результаты). Курсанты, демонстрирующие неискренность в своих ответах, неудовлетворены своим прошлым.

Значения по шкале «результат предметный» коррелируют с данными по уровню сформированности репутации, соответствующей образу сотрудника УИС (табл. 2). Курсанты с высокой самооценкой сформированности у себя репутации готовы проявлять самоотверженность и добросовестность при выполнении служебных задач в коллективе (0,54). Курсанты с низкой самооценкой сформированности у себя репутации не стремятся подходить ответственно к коллективному выполнению служебных заданий.

Шкала «регуляторная экстернальность» имеет 6 корреляционных плеяд со шкалами «эмоциональность астеническая» (–0,54), «эмпатия к близким» (0,47), «эмпатия к окружающим» (0,46) по методике В. П. Прядеина «Многомерно-функциональная диагностика «Ответственность-110» (ОТВ-110); «риск» (–0,50) методики «Диагностика уровня личной готовности к риску» («PSK» Шуберта); «локус контроля – жизнь» (0,45) теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; «поощрения» (0,50) по анкетным данным (табл. 2).

Следовательно, у курсантов, неспособных взять на себя ответственность при выполнении важных служебных задач и предпочитающих их перекладывать на других людей, отсутствуют отрицательные эмоции (злости, страха, обиды, раздражения) в ситуациях ответственной зависимости, они склонны к сопереживанию и соучастию в решении проблем близких для них людей и к избеганию неудач, оказывают посильную помощь окружающим, не склонны к проявлению риска. Они убеждены, что способны контролировать свою жизнь, самостоятельно принимать решения и реализовывать их. Имеют много поощрений, что не вызывает никаких вопросов. Действительно, люди, предпочитающие избегать неудач, совершают мало проступков, за которые можно понести наказание, и предпочитают участвовать в выполнении заданий, с высокой вероятностью на успешное выполнение.

В то же время курсанты, способные взять на себя ответственность при выполнении важных служебных задач, испытывают отрицательные эмоции в процессе выполнения служебных задач, особенно в случае неудачи в ответственном деле, проявляют равнодушие к неудачам близких, а проблемы окружающих не вызывают у них каких-либо переживаний, их склонность к риску сопровождается низкой мотивацией к избеганию неудач при выполнении ответственных заданий. Они убеждены, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, поэтому бессмысленно что-либо планировать на будущее. Имеют мало поощрений по службе.

Корреляционный анализ показал наличие корреляционных плеяд от 13 до 17 по 10 шкалам, таким как «динамическая эргичность», «мотивация социоцентрическая», «мотивация эгоцентрическая», «результат субъективный», «эмоциональность астеническая», «регуляторная интернальность», «трудности личностные», «экстраполяция», «эмпатия к

близким», «эмпатия к окружающим» по методике В. П. Прядеина «Многомерно-функциональная диагностика «Ответственность-110» (ОТВ-110). Анализ корреляционных связей показывает их схожесть почти по всем шкалам (табл. 2). Однако есть исключения по шкалам «эмоциональность астеническая» и «трудности личностные», где наблюдаются противоположные корреляционные связи в отличие от остальных. Рассмотрим эти шкалы более подробно.

Шкала «эмоциональность астеническая» имеет 17 корреляционных плеяд с «количеством поощрений» (–0,87), «количеством взысканий» (0,57) по анкетным данным; со шкалами «динамическая эргичность» (–0,89), «мотивация социоцентрическая» (–0,88), «мотивация эгоцентрическая» (–0,86), «результат субъектный» (–0,86), «регуляторная интернальность» (–0,88), «регуляторная экстернальность» (–0,54), «трудности личностные» (0,89), «экстраполяция» (–0,86), «эмпатия к близким» (0,90), «эмпатия к окружающим» (–0,88) по методике В. П. Прядеина «Многомерно-функциональная диагностика «Ответственность-110» (ОТВ-110); «риск» (0,89) по методике «Диагностика уровня личной готовности к риску» («PSK» Шуберта); «сила воли» (–0,88) по методике «Диагностика волевого потенциала личности» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов); «цели в жизни» (–0,88), «локус контроля – Я» (–0,84) и «локус контроля – жизнь» (–0,89) теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева (табл. 2).

Шкала «трудности личностные» имеет 16 корреляционных плеяд с «количеством поощрений» (–0,93), «количеством взысканий» (0,62) по анкетным данным; со шкалами «динамическая эргичность» (–0,94), «мотивация социоцентрическая» (–0,94), «мотивация эгоцентрическая» (–0,95), «результат субъектный» (–0,95), «эмоциональная астеничность» (0,89), «регуляторная интернальность» (–0,94), «экстраполяция» (–0,94), «эмпатия к близким» (–0,97), «эмпатия к окружающим» (–0,93) по методике В. П. Прядеина «Многомерно-функциональная диагностика «Ответственность-110» (ОТВ-110); «риск» (0,96) по методике «Диагностика уровня личной готовности к риску» («PSK» Шуберта); «сила воли» (–0,93) по методике «Диагностика волевого потенциала личности» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов); «цели в жизни» (–0,96), «локус контроля – Я» (–0,94) и «локус контроля – жизнь» (–0,95) теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева (табл. 2).

Как видим, эти две шкалы («эмоциональность астеническая» и «трудности личностные») имеют схожие корреляционные связи. Единственное отличие заключается в том, что шкала «личностные трудности» не коррелирует со шкалой «регуляторная экстернальность». Это означает, что личностные трудности (зависимость от самочувствия, настроения, эмоционального настроения) не связаны с регуляторной экстернальностью (зависимость от других людей и внешних обстоятельств).

Анализ полученных результатов корреляционного анализа по шкалам «эмоциональность астеническая» и «трудности личностные» показывает нам, что курсанты, испытывающие отрицательные эмоции при необходимости выполнения ответственных заданий по службе и в случае неуспеха в ответственном деле и зависимость от самочувствия и эмоционального состояния, имеют мало поощрений и много взысканий, не склонны выполнять свои обещания, необязательны, за ними постоянно должен быть внешний контроль со стороны руководства, живут сегодняшним или вчерашним днем. На первом месте для такой категории курсантов стоит преобладание личных мотивов над общественно значимыми. В то же время для них не особенно важную роль играют материальные стимулы, связанные с личным благополучием, при выполнении ответ-

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа ($p < 0,01$)

Шкалы	ДЭ	МС	МЭ	РП	РС	ЭС	ЭА	РИ	РЭ	ТЛ	ИН	ЭКС	ЭБ	ЭО	ЛЖ
Уровень репутации	0.75	0.67	0,13	0.54	0.58	0,12	0,01	0.85	0,23	0,01	0,06	0.96	0,04	-0,31	0,01
Поощрения	0.96	0.96	0.95	0,08	0.93	-0,06	-0.87	0.95	0.50	-0.93	-0,23	0.96	0.97	0.96	-0,04
Взыскания	-0.53	-0.51	-0.51	0,01	-0.57	0,09	0.57	-0.54	-0,19	0.62	0,27	-0.53	-0.59	-0.52	-0,08
ДЭ	1,00	0.99	0.99	-0,01	0.97	-0,07	-0.89	0.98	0,43	-0.94	-0,27	0.98	0.98	0.98	0,02
МС	0.99	1,00	0.98	-0,31	0.96	-0,06	-0.88	0.97	0,44	-0.94	-0,24	0.96	0.97	0.97	0,02
МЭ	0.99	0.98	1,00	0,16	0,98	-0,10	-0.86	0.98	0,41	-0.95	-0,28	0.97	0.98	0.97	0,03
РС	0.97	0.96	0.98	-0,26	1,00	-0,14	-0.86	0.97	0,40	-0.95	-0,33	0.96	0.98	0.96	0,03
ЭС	-0,07	-0,06	-0,10	0,13	-0,14	1,00	0,12	-0,14	0,01	0,06	0.50	-0,13	-0,07	-0,07	-0,35
ЭА	-0.89	-0.88	-0.86	-0,25	-0.86	0,12	1,00	-0.88	-0.54	0.89	0,21	-0.86	-0.90	-0.88	0,03
РИ	0.98	0.97	0.98	-0,24	0.97	-0,14	-0.88	1,00	0,39	-0.94	-0,30	0.97	0.97	0.96	0,06
РЭ	0,43	0,44	0,41	0,04	0,40	0,01	-0.54	0,39	1,00	-0,45	0,01	0,36	0.47	0.46	-0,09
ТЛ	-0.94	-0.94	-0.95	0,02	-0.95	0,06	0.89	-0.94	-0,45	1,00	0,22	-0.94	-0.97	-0.93	0,04
ИН	-0,27	-0,24	-0,28	1,00	-0,33	0.50	0,21	-0,30	0,01	0,22	1,00	-0,31	-0,28	-0,27	-0,25
ЭКС	0.98	0.96	0.97	-0,21	0.96	-0,13	-0.86	0.97	0,36	-0.94	-0,31	1,00	0.96	0.96	0,04
ЭБ	0.98	0.97	0.98	0,08	0.98	-0,07	-0.90	0.97	0.47	-0.97	-0,28	0.96	1,00	0.98	0,04
ЭО	0.98	0.97	0.97	0,25	0.96	-0,07	-0.88	0.96	0.46	-0.93	-0,27	0.96	0.98	1,00	-0,05
Риск	-0.98	-0.97	-0.97	-0,21	-0.96	-0,01	0.89	-0.96	-0.50	0.96	0,21	-0.95	-0.98	-0.97	0,04
Сила воли	0.99	0.98	0.97	-0,29	0.95	-0,07	-0.88	0.97	0,43	-0.93	-0,28	0.96	0.97	0.97	0,02
Цели в жизни	0.96	0.95	0.95	0,30	0.95	0,00	-0.88	0.94	0,43	-0.96	-0,20	0.93	0.97	0.95	-0,01
Результативность жизни	-0,08	-0,05	-0,09	0,02	-0,08	0,18	0,16	-0,06	-0,18	0,07	0,03	-0,10	-0,10	-0,06	-0.45
Локус контроля – Я	0.94	0.93	0.95	-0,01	0.96	0,02	-0.84	0.94	0,35	-0.94	-0,30	0.93	0.96	0.92	0,05
Локус контроля – жизнь	0.97	0.96	0.97	-0,20	0.97	0,01	-0.89	0.96	0.45	-0.95	-0,26	0.95	0.98	0.96	-0,02

Примечания к таблице 2: ДЭ – динамическая эргичность; МС – мотивация социоцентрическая; МЭ – мотивация эгоцентрическая; РП – результат предметный; РС – результат субъектный; ЭС – эмоциональность стеническая; ЭА – эмоциональность астеническая; РИ – регуляторная интернальность; РЕ – регуляторная экстернальность; ТЛ – трудности личностные; ИН – интуиция; ЭКС – экстраполяция; ЭБ – эмпатия к близким; ЭО – эмпатия к окружающим; ЛЖ – искренность шкалы по методике В. П. Пряжина «Многомерно-функциональная диагностика «Ответственность-110» (ОТВ-110). «Риск» – шкала по методике «Диагностика уровня личной готовности к риску» («PSK» Шуберта). «Сила воли» – шкала по методике «Диагностика волевого потенциала личности» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов). «Цели жизни», «результативность жизни» – результативность жизни, «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь» – шкалы теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, уровень репутации – уровень сформированности репутации у курсанта, соответствующий образу сотрудника УИС, поощрения – количество поощрений, взыскания – количество взысканий по анкетным данным.

ственных заданий и результаты собственной деятельности, направленные на личностное развитие и благополучие. На качество выполнения ими служебных заданий оказывают серьезное влияние их самочувствие и эмоциональное состояние. Склонны проявлять равнодушное отношение к неудачам близких людей и окружающих, импульсивность в действиях и высказываниях, рисковать, вследствие чего мотивация к избеганию неудач находится на низком уровне. Предпочитают делать то, что для них легче и интереснее, к своим обязанностям нередко относятся халатно, за что имеют взыскания. Причиной этого может быть не только слабая воля, но и эгоизм. Они не верят, что способны самостоятельно контролировать события собственной жизни, склонны к фатализму, убеждены в том, что их жизнь неподвластна сознательному контролю, и поэтому бессмысленно что-либо планировать.

Вызывают дискуссию данные по корреляционным связям шкалы «эмоциональность астеническая» со шкалами «регуляторная интернальность» ($-0,88$) и «регуляторная экстернальность» ($-0,54$). По сути, это означает, что курсанты, испытывающие отрицательные эмоции при необходимости выполнения ответственных заданий по службе и в случае неуспеха в ответственном деле, осуществляют поиск «объективных» причин для отхода от ответственных дел и в то же время готовы взять на себя ответственность. В дальнейших исследованиях мы уделим более детальное внимание этому обстоятельству.

Курсанты, у которых отсутствуют отрицательные эмоции (злости, страха, обиды, раздражения) в ситуациях ответственной зависимости и эмоциональное состояние (настроение, тревожность, неуверенность) не является препятствием в реализации ответственности, имеют особенности, противоположные описанным выше.

Отметим, что проведенное пилотажное исследование, выявило наличие связей между сформированностью репутации у курсантов с профессиональной ответственностью. При этом представляется целесообразным провести дополнительные исследования. Например, очень важно выявить взаимосвязи между личностной и профессиональной ответственностью курсантов ведомственных образовательных организаций и нравственной надежностью как одного из показателей репутации. Наряду с этим выявленные взаимосвязи профессиональной ответственности позволят разработать практические рекомендации, направленные на оптимизацию процесса формирования профессиональной ответственности, что, в свою очередь, будет оказывать позитивное влияние на формирование репутации курсантов образовательных организаций, соответствующей образу сотрудника УИС.

Список источников

1. Гаврина Е. Е., Аксенова Г. И., Ковальчук И. А., Тюгаева Н. А. Эмпирическое исследование репутационных ориентаций курсантов // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 5. С. 67–76.
2. Шалдыбина О. Н. Профессиональная ответственность в структуре социально-психологических характеристик личности руководителя низового звена : дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2009. 179 с.
3. Ярушкин Н. Н., Шалдыбина О. Н. Профессиональная ответственность и социально-психологические характеристики личности руководителя // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 4. С. 164–170.
4. Дементий Л. И. Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005. 357 с.
5. Макеева Н. Ю. Психологическая структура профессиональной ответственности специалистов пенсионного обеспечения: на примере Пенсионного фонда Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2014. 31 с.
6. Ежова О. Н., Ушков Ф. И. Ответственность как профессионально значимое качество сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Психология и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 72–85.
7. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова, И. С. Кона. 6-е изд. М. : Политиздат, 1989. 447 с.

References

1. Gavrina, E. E., Aksenova, G. I., Koval'chuk, I. A. & Tjugueva, N. A. 2018, 'Empirical study of cadets' Reputational Orientations, *Psychological Science and Education*, vol. 23, iss. 5, pp. 67–76.
2. Shaldybina, O. N. 2009, *Professional responsibility in the structure of socio-psychological characteristics of the personality of a grassroots manager: PhD thesis (Psychology)*, Saratov.
3. Jarushkin, N. N. & Shaldybina, O. N. 2009, 'Professional responsibility and socio-psychological characteristics of the personality of the head', *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, iss. 4, pp. 164–170.
4. Dementij, L. I. 2005, *Personal responsibility as a property of the subject of vital activity: Sc.D thesis (Psychology)*, Moscow.
5. Makeeva, N. Ju. 2014, *Psychological structure of professional responsibility of pension provision specialists: on the Example of the Pension Fund of the Russian Federation: PhD thesis (Psychology)*, Tver'.
6. Ezhova, O. N. & Ushkov, F. I. 2021, 'Responsibility as a professionally Significant Quality of an employee of the penal system of the Russian Federation', *Psychology and Law*, vol. 11, iss. 2, pp. 72–85.
7. Gusejnov, A. A. & Kon, I. S. (eds) 1989, *Dictionary of Ethics*, 6th edn, Politizdat, Moscow.

Информация об авторах

Е. Е. Гаврина – кандидат психологических наук, доцент, начальник факультета психологии и пробацции;

А. В. Заргаров – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров.

Information about the authors

E. E. Gavrina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Faculty of Psychology and Probation;

A. V. Zargarov – adjunct of the Faculty of training of scientific and pedagogical personnel.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 17.08.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 17.08.2023.

ПЕРСОНАЛИИ

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.489-502

ВЕЛИКИЙ ПЕДАГОГ И ВЕЛИКИЙ ПСИХОЛОГ К. Д. УШИНСКИЙ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Алексей Алексеевич Романов¹, Ирина Сергеевна Ганишина²

^{1,2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

¹ a.romanov@365.rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0066-6860>

² irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>

Аннотация. Статья подготовлена в рамках научных мероприятий Года педагога и наставника и посвящена 200-летию со дня рождения великого подвижника отечественного образования К. Д. Ушинского. При анализе его творческого наследия использованы аксиологический, антропологический, герменевтический методологические подходы, ретроспективный и конструктивно-генетический методы историко-педагогического исследования. Основными источниками для научного поиска стали педагогические сочинения К. Д. Ушинского, работы известных педагогов, психологов, историков педагогики и психологии, чей научный интерес связан с изучением идей и опыта классика отечественной педагогики. Основной целью статьи явилось определение тех содержательных аспектов научных трудов К. Д. Ушинского, концептуальных идей, выводов, которые позволили бы характеризовать его не только в качестве великого педагога, но и великого психолога.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, великий педагог, великий психолог, педагогическая антропология, педагогическая психология, практическая психология

Для цитирования

Романов А. А., Ганишина И. С. Великий педагог и великий психолог К. Д. Ушинский (к 200-летию со дня рождения) // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 489–502. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.489-502.

PERSONALIA

Original article

THE GREAT TEACHER AND THE GREAT PSYCHOLOGIST K. D. USHINSKY (TO THE 200TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

Aleksej Alekseevich Romanov¹, Irina Sergeevna Ganishina²

^{1,2} Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

¹ a.romanov@365.rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0066-6860>

² irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>

Abstract. The article was prepared as part of the scientific events of the Year of the Teacher and Mentor and is dedicated to the 200th anniversary of the birth of the great ascetic of national education K. D. Ushinsky. Axiological, anthropological, hermeneutic methodological approaches, retrospective and constructive-genetic methods of historical and pedagogical research were used in the analysis of his creative heritage. The main sources for scientific research were the pedagogical writings of K. D. Ushinsky, the works of famous teachers, psychologists, historians of pedagogy and psychology, whose scientific interest is connected with the study of the ideas and experience of the classic of Russian pedagogy. The main purpose of the article was to identify those substantive aspects of K. D. Ushinsky's scientific works, conceptual ideas, conclusions that would characterize him not only as a great teacher, but also as a great psychologist.

Keywords: K. D. Ushinsky, great teacher, great psychologist, pedagogical anthropology, pedagogical psychology, practical psychology

For citation

Romanov, A. A. & Ganishina, I. S. 2023, 'The great teacher and the great psychologist K. D. Ushinsky (to the 200th anniversary of his birth)', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 489–502, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.489-502.

Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях,
то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях.

К. Д. Ушинский

2023 г. в России был объявлен Годом педагога и наставника в знак высочайшей общественной значимости профессии учителя и к 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского. На протяжении всего года по всей стране проходили съезды учителей, научные конгрессы, форумы, конференции, тематические фестивали, конкурсы, олимпиады разного уровня. Академия ФСИН России провела в Рязани научно-методическую конференцию «Роль педагогической компетентности преподавателя в подготовке кадров для уголовно-исполнительной системы», пленарное заседание которой открылось докладом «К. Д. Ушинский как основоположник педагогической антропологии» (6 апреля 2023 г.).

Значимость наследия К. Д. Ушинского в истории России определяется тем, что именно с его именем и деятельностью ассоциируется становление отечественной педаго-

гики в качестве самостоятельной науки. Он, по словам выдающегося современного реформатора образования Э. Д. Днепров, «создал классические педагогические труды, непревзойденные в русской педагогике учебные книги, явился инициатором педагогической журналистики в России, первым русским педагогом-теоретиком, педагогом-публицистом. После него составила богатейшая педагогическая литература». И далее: К. Д. Ушинский «был педагогом энциклопедического склада, он олицетворял многогранность самой педагогики. Его отличали глубокое проникновение в существо педагогических явлений и процессов, стремительность и смелость мысли, масштабность теоретических обобщений и прозрачная ясность изложения сложнейших проблем, изложения, по изяществу стиля и афористичности языка не уступающего художественной прозе» [12, с. 274–275]. Он отразил господствующие потребности своего времени, характеризующиеся бурным развитием наук, среди которых значимое место должна была занять педагогика. Именно поэтому в XX веке его назовут не только классиком педагогики, но и великим педагогом [5, 9], а также великим психологом [1].

К. Д. Ушинскому удалось на основе анализа идей и опыта предшественников создать свою уникальную педагогическую теорию, отразившую духовный мир и общенациональные идеалы, ставшую частью отечественной национальной культуры. Он поставил задачу объединения педагогики с другими областями знания, решение которой состоялось в фундаментальной работе «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», главном труде его жизни. Говоря словами Э. Д. Днепров, «крупнейший педагог-теоретик, педагог-философ, К. Д. Ушинский впервые объединил в педагогике усилия и достижения различных наук, осуществил поразительный по объему педагогический синтез научных знаний о человеке. Этот синтез кардинально менял традиционный взгляд на задачи и содержание педагогики, раскрывал коренную особенность функционирования педагогического знания – зависимость прогресса педагогики от глубины постижения ею закономерностей развития человека. Ушинский показал, сколь плодотворно их познание для науки и практики воспитания, для обогащения арсенала воспитательных средств. Труды Ушинского открывали новые горизонты развития педагогики, новые пути, по которым пошла педагогическая наука» [12, с. 275].

Исследователи наследия К. Д. Ушинского выделяют два основных направления в его деятельности: радикальное преобразование русской школы и разработка теоретических основ педагогики. Он фактически стал создателем народной школы, основоположником и крупнейшим теоретиком педагогического, профессионально-технического и женского образования в России. При этом оба указанных процесса происходили параллельно и были тесно интегрированы друг с другом.

В отечественной литературе К. Д. Ушинский был первым, кто масштабно поставил задачу построения новой народной школы в качестве необходимого условия общественного развития после отмены крепостного права. Такая задача, по его мнению, становилась «самым государственным вопросом», приобретала характер эпохального значения [7, с. 96–97]. Он видел растущую в народе потребность в образовании, был убежден в востребованности такой школы, в конечном успехе ее создания. При этом глубокие и перспективные идеи педагога далеко обгоняли свое время. Такой, например, была идея единой школы, когда выстраивается преемственная система образования от начальной и до высшей школы. Здесь фактически сливались, «сплавлялись воедино» две фундаментальные социально-педагогические и собственно педагогические задачи эпохи: задача закладки теоретического фундамента возникающей народной шко-

лы и задача создания первоначального, подготовительного или, как говорил педагог, «приготовительного» курса для средних учебных заведений. До него в России никто так отчетливо, широко и полно не ставил вопрос о целях и задачах первоначального образования. Равно как никто не смог раскрыть суть этого образования, его философско-теоретические и научно-методические основания, его содержательный состав, организационно-педагогические условия его практической реализации. Все это и сделало Ушинского родоначальником не только русской народной школы, но также теории и практики первоначального образования в России» [7, с. 97–98].

Позиция К. Д. Ушинского о цели первоначального обучения важна не только для педагогов, но и для психологов. Развивая идеи И. Г. Песталоцци о такой цели (великом открытии Песталоцци), он суть этой идеи изложил следующими словами: «Цель народной школы состоит не в том, чтобы внести в головы детей известное количество определенных знаний, которые они потом позабудут, и сообщить им технический навык чтения и письма, которым они не воспользуются, но в том, чтобы школьным занятием развить способности детей, естественным путем раскрыть в них разумный взгляд на окружающую их природу и общественные отношения и сделать их способными к самостоятельной разумной жизни и деятельности» [7, с. 99–100]. К. Д. Ушинский говорил о душе ребенка и ее развитии в процессе деятельности детей, о неразрывном единстве деятельности и развития.

Можно утверждать, что К. Д. Ушинский, выстраивая собственную философию образования и педагогическую теорию, одновременно закладывал и основы для выделения психологии в самостоятельную науку, хотя многие десятилетия этот факт практически не обсуждался. Упор делался на утверждении, что великий педагог положил начало разработке такой комплексной науки, как педагогическая антропология, призванной к изучению человека в единстве его физического, умственного и нравственного развития, его природы и общественных свойств. Фундаментальный труд К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» стал первым и единственным в мировой науке того времени опытом комплексной постановки и решения проблемы изучения человека в его целостности и во всем многообразии его феноменов. В подтверждение приведем слова педагогического классика двадцатого века П. П. Блонского: «Ушинский не только стоял на уровне европейской науки, он шел в первых рядах ее... он стоял на самых крайних высотах ее, лицом обращенный на правильный путь грядущей педагогики» [8, с. 186]. Педагогическая антропология в качестве синтеза данных антропологических наук, как изучение «человеческой природы в ее вечных основах», главная основа педагогики [8, с. 199], должна была составить фундамент научного педагогического знания.

К обширному кругу антропологических наук К. Д. Ушинский относил анатомию, физиологию и патологию человека, психологию, логику, филологию, географию, изучающую землю как жилище человека и человека как жильца земного шара. Сюда же он включил статистику, политическую экономию и историю в широком смысле, куда относятся история религии, цивилизации, философских систем, литературы, искусств и, собственно воспитания в узком смысле этого слова. Во всех этих науках «излагаются, сличаются и группируются факты и те соотношения фактов, в которых обнаруживаются свойства предмета воспитания, т. е. человека» [19, с. 14]. Без знания этих наук нельзя обойтись при изучении педагогики как собрания правил педагогической деятельности. Отстаивая свою позицию в спорах с оппонентами, К. Д. Ушинский и вывел ставшую знаменитой формулу: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [19, с. 15].

К. Д. Ушинскому пришлось доказывать необходимость создания специальных факультетов для будущих педагогов: «А почему же и не быть педагогическому факультету? Если в университетах существуют факультеты медицинские и даже камеральные и нет педагогических, то это показывает только, что человек до сих пор более дорожит здоровьем своего тела и своего кармана, чем своим нравственным здоровьем, и более заботится о богатстве будущих поколений, чем о хорошем их воспитании. Общественное воспитание совсем не такое малое дело, чтобы не заслуживало особого факультета... Практическое значение такого педагогического или вообще антропологического факультета было бы велико. Педагогов численно нужно не менее, а даже еще более, чем медиков, и если медикам мы вверяем наше здоровье, то воспитателям вверяем нравственность и ум детей наших, вверяем их душу, а вместе с тем и будущность нашего отечества» [20, с. 15].

К. Д. Ушинский успел написать два объемных тома своего труда «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Первый том (1867 г.) открывала физиологическая часть, характеризующая телесную природу человека, ее функционирование на основе детального анализа нервной системы. Далее объяснялся переход от физиологии к психологии, изложение понимания человеческого сознания, через понятия «внимание», «ощущения», «ассоциации», «память», «воображение», «рассудочный процесс» и др. Во втором томе (1869 г.) психологическая часть была представлена разделами о чувствах (чувствованиях) и воле. Выбор определялся тем, что, по убеждению автора, «явления чувствования и воли, как известно всякому, кто знаком с психологической литературой, разработаны гораздо менее, чем явления сознания. Неопределенность, неясность, шаткость наблюдений, противоречия в мнениях составляют отличительную черту этих глав во всех психологических курсах» [20, с. 8]. По объему психологическая часть занимает более восьмидесяти процентов текста этих томов (это к вопросу о том, являлся ли психологом великий педагог).

В планах К. Д. Ушинского были анализ и описание духовных особенностей, составляющих отличительные черты психической жизни человека. В третьем томе педагог планировал поместить окончание «Антропологии» и соответствующие педагогические приложения, представляющие собой «сжатый учебник педагогики, но такой учебник, которого никак нельзя было бы заучивать. Этого в особенности я хочу потому, что считаю заучивание всяких педагогических учебников не только бесполезною, но даже вредною тратой времени. Если воспитатель хорошо познакомится с законами человеческой природы, насколько они нам известны, то для него достаточно здравого рассудка, чтобы оценить ту или другую педагогическую меру, тот или другой педагогический прием, а этих мер и приемов бесчисленное множество, ибо каждый данный действительный случай непременно видоизменяет всякий прием и всякую меру» [20, с. 10]. Скоропостижная кончина не позволила осуществиться этим планам. Материалы к третьему тому удалось собрать, систематизировать и спустя много лет издать в 1908 г. известному педагогу А. Н. Острогорскому.

С выходом «Педагогической антропологии», говоря словами академика Э. Д. Днепровца, «мировая наука обретала первое целостное, капитальное исследование физической и душевной природы человека, закономерностей его развития; мировая педагогика – первый опыт комплексного изучения «человека как предмета воспитания». Этот опыт был наиболее крупным продвижением в решении главной задачи для педагогики той эпохи – в разработке научных оснований педагогического знания, формировании педагогики как науки. Вместе с тем с появлением «Педагогической антропологии» пе-

дагогическая теория и практика обретали и принципиально новый взгляд на сущность и задачи самой педагогической деятельности – концепцию развивающей деятельности «педагогической» [8, с. 212–213].

В теоретических построениях К. Д. Ушинского ключевыми и неразрывными становятся понятия деятельности и развития. Мысль о развитии как главной задаче воспитания прослеживается во всех его работах. Развитие понимается как цель и результат деятельности, деятельность – как фундамент и основной фактор развития, то есть он обосновывал принципы развития и деятельности задолго до появления деятельностного подхода в педагогике и психологии XX века [8, с. 213].

«Педагогическая антропология» к 1916 г. была переиздана тринадцать раз, при этом ее влияние на отечественную педагогику не было всеобъемлющим. Современники в своей массе не смогли по достоинству оценить все богатство идей этого труда, что, в свою очередь, не создавало условий для масштабного продолжения дела К. Д. Ушинского. Однако по двум направлениям продвижение все-таки было заметным: «по линии возрастной физиологии – преимущественно в трудах П. Ф. Лесгафта и по линии педагогической психологии (выделено авторами) – преимущественно в работах П. Ф. Каптерева. Только в конце XIX – начале XX столетий с приходом «золотого века» педологии – изучения ребенка, эти линии стали сближаться» [8, с. 219; 18], хотя кардинального изменения ситуации так и не произошло.

В профильной литературе по педагогике и психологии имелись частные работы, затрагивающие в той или иной степени проблематику педагогической антропологии. Тем не менее «серьезные, фундаментальные попытки комплексного ее рассмотрения предпринимались лишь дважды – в трудах Б. Г. Ананьева и Б. М. Бим-Бада» [8, с. 221]. Объяснение кроется в понимании того, что, во-первых, лишь в последние годы приходит настоящее понимание всей значимости и масштабности «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинского. Во-вторых, автор «ставил и решал в этом фундаментальнейшем труде столь грандиозную научно-педагогическую задачу, что она оказалась не по плечу не только его современникам, но и педагогике XX столетия – ни отдельным ученым-педагогам, ни различным академическим педагогическим сообществам, включая советскую Академию педагогических наук и нынешнюю Российскую академию образования» [8, с. 221].

В истории отечественной педагогики, по словам Э. Д. Днепровца, «Ушинский остался – как великий русский педагог, как предтеча новой демократической гуманистической школы, как наш современник. Может быть, только сейчас, когда ушли в прошлое разные модификации навязываемого всем единомыслия, когда мы медленно, трудно, но все же входим в полосу социальной, умственной и духовной зрелости, наступает время Ушинского. Наступает пора настоящего или по крайней мере нового его прочтения» [8, с. 225].

Такую попытку нового прочтения К. Д. Ушинского предпринял ярославский психолог В. А. Мазилев, считающий великого педагога создателем парадигмы практической психологии [10], которая и в наши дни только формируется. По его мнению, К. Д. Ушинский принадлежит не только педагогике, но и миру психологии, хотя его вклад в эту науку обычно не уточняется. Известный автор популярного учебника по истории психологии А. Н. Ждан отметила, что в труде К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» происходит органичное соединение педагогики с психологией, что эта книга стала предтечей отечественной детской и педагогической психологии. Однако здесь нет посылки к признанию великого педагога и великим психологом. В двухтомной «Истории и теории психологии» А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского К. Д. Ушинский лишь упоминается.

В книге «История психологии» Т. Д. Марцинковской и А. В. Юревича он вообще не упоминается [10, с. 51].

Вопрос не о недоработке авторов, а, скорее, о целевых установках их трудов, идеологической оправданности преобладания материала о достижениях психологов советского периода, об упоминаниях конкретными учеными устоявшихся стереотипов. Однако и простые упоминания могут раскрыть подоплеку в выстраивании авторами иерархии авторитетов в науке. Так, академик А. В. Петровский, анализируя развитие разных течений в психологии накануне и после революции 1917 г., оппонировав сторонникам эмпирического направления, просто упоминает имя К. Д. Ушинского, характеризуя позиции Г. И. Челпанова и А. П. Нечаева. Говоря его словами, «отличную от Челпанова позицию занимал другой известный представитель эмпирической психологии – Нечаев, являвшийся руководителем петербургской лаборатории экспериментальной психологии, одним из основных организаторов съездов по педагогической психологии и экспериментальной педагогике, видным исследователем проблем памяти и ассоциации. Ученик Введенского, он по философским воззрениям был близок к неокантианству и позитивизму. В качестве своих предшественников в психологии он называет В. Прейера и в особенности С. Холла, а также К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова, которые требовали основывать педагогику на изучении психического мира воспитанников, на глубоком знании... Основная линия его психологических построений – отказ выходить за пределы «точных фактов», эмпиризм» [13, с. 42–43]. Но именно о значении фактов говорил К. Д. Ушинский: «Об одном только я прошу читателя: я прошу его помнить, что психический факт, который он сознает совершающимся в самом себе, точно такой же несомненный факт, как и факт какой бы то ни было точной науки. Замечая в себе такой факт, всякий из нас может быть уверен, что он одинаково повторяется в миллионах подобных нам существ и что потому он и может быть изучаем и достоин самого внимательного изучения» [20, с. 10].

В 1923 г. К. Н. Корнилов был назначен директором Московского психологического института вместо Г. И. Челпанова, создавшего этот институт и возглавивший его в 1912 г. Смена руководства означала следующее: «Начиная с 1923 г. советская психология, освободившись от влияния челпановского эмпиризма и усваивая диалектико-материалистическую методологию, сознательно ставит перед собой задачу построения марксистской психологии. Важнейший итог теоретической борьбы Корнилова, поддержанного его сотрудниками против воинствующего эмпиризма и скрытого идеализма Челпанова, Нечаева, Португалова и других защитников консервативной позиции, стремившихся сохранить status quo в психологии, – повсеместное признание необходимости марксистского обоснования психологии» [13, с. 93]. Представителям старой психологической гвардии трудно было понять законы новой жизни и аргументации, согласно которой ученый-психолог должен был ответить на вопрос, марксист ли он [17, с. 105]. Добавим, что в 2002 г. на международной научной конференции, которую организовал и провел академик Б. М. Бим-Бад, А. В. Петровский, «называя выдающихся деятелей отечественной психологии, на первое место поставил имя А. П. Нечаева. И это было символическим признанием, достойным настоящего ученого» [17, с. 127]. Институт психологии, построенный Г. И. Челпановым, работает и сегодня. Стоит и памятник К. Д. Ушинскому, за разрешением на создание которого А. П. Нечаев лично ходил к выдающемуся реформатору и государственному деятелю П. А. Столыпину.

Вернемся к именам Б. Г. Ананьева и Б. М. Бим-Бада, много сделавшим для актуализации идей К. Д. Ушинского в реалиях XX в., а также к уже упомянутой статье

В. А. Мазилова. Автор этой статьи обращает внимание на то, что в 1945 г. Б. Г. Ананьев выступил со статьей в журнале «Советская педагогика» с судьбоносным заглавием «К. Д. Ушинский – великий русский психолог». Содержание соответствовало названию. Приведем в подтверждение отдельные выдержки из статьи: «Развивая гуманистические и демократические традиции русской передовой философской и научной мысли, К. Д. Ушинский создал новые пути в развитии научной психологии»; «Велика роль К. Д. Ушинского, как зачинателя русской педагогической психологии»; «Обозревая всю картину развития русской психологии в XIX столетии, можно утверждать с полным основанием, что К. Д. Ушинский был великим психологом именно потому, что он был великим педагогом и, в свою очередь, его величие в педагогике в значительной мере связано с его капитальным вкладом в развитие русской научной психологии» [10, с. 51]. В современной психологии В. А. Мазиллов отметил две тенденции, проявляющиеся, с одной стороны, в недооценке работ К. Д. Ушинского в области психологии, с другой – в признании его заслуг, касающихся лишь детской и педагогической психологии. По его мнению, «наш долг восстановить историческую справедливость, вернуть Ушинского в число основателей психологической науки. Повторим, Константин Дмитриевич Ушинский – создатель первой в истории мировой психологии, практико-ориентированной психологии... К. Д. Ушинский – великий психолог мирового уровня» [10, с. 55].

Великие ученые не уходят в прошлое бесследно, они, как правило, опережали время, в почве прошлого взращивали ростки будущего, поэтому их наследие всегда способно дать нужные советы подрастающим поколениям. Вдумчивые исследователи помогают раскрыть непонятые в свое время послания титанов мысли из прошлого. Так в современной ситуации развития образования происходит и с наследием К. Д. Ушинского, долгое время ассоциируемым со сферой педагогики. Сегодня приходит понимание необходимости учиться у него не только педагогам, но и психологам, воздавая должное великому педагогу и великому психологу.

Интересен опыт использования идей и опыта К. Д. Ушинского в современной системе педагогического образования при подготовке будущих учителей. В качестве примера изучения профессионально-педагогических ценностных ориентаций российского учительства как уникального по духовной глубине и эмоциональной насыщенности явления приведем выдержки из статьи известного педагога Н. А. Асташовой (Брянск) [2]. По ее мнению, при анализе ценностных ориентаций российского образования необходимо использовать «любое стремление, любое начинание, любую возможность актуального прочтения педагогического наследия классиков отечественной педагогики, ибо это наследие обладает универсальным духовным потенциалом, который может и должен служить источником разработки и внедрения системы образования, гарантирующей развитие у молодежи восприимчивости к неревизуемым духовно-нравственным ценностям, разборчивости в отношении к ценностям новообразования, порождаемым современной ситуацией» [2, с. 108].

Творчество К. Д. Ушинского Н. А. Асташова анализирует как «уникальный пласт культуры, как способ целостного самовыражения личности», где актуализированы глубинные смыслы, ярко выражены установки, ценностные ориентации, потребности педагогической направленности [2, с. 108]. Ценностными доминантами его наследия на социально-культурном уровне называются такие аксиологические ориентации как любовь к родине, народность, чувство современности. Профессионально-педагогический уровень включает ценности «знание», «убежденность», «психологический такт». На личностном

уровне особо выделяются «нравственность», «доброта», «справедливость», «красота». Исповедуя на практике эти начала, отечественная педагогика сегодня «обязана сделать все возможное для возрождения и распространения ценностей, обеспечивающих нашему народу подлинную духовность» [2, с. 109].

Выделим утверждение автора об актуальности этих ценностей в особенности для учителя, так как «история свидетельствует, что только педагог, обладающий чувством национального достоинства, открыто выражающий гражданскую и патриотическую позицию, действительно оправдывает доверие народа непрерывным воспроизводством его самобытного духовного мира и сохранением исторической памяти. Сегодня в сложной политической обстановке об этом особенно важно помнить и жизненно необходимо практически выполнять завет К. Д. Ушинского: в русской школе должны работать русские учителя! Русские не по национальному происхождению, а по духу, по жертвенной готовности не за страх, а за совесть учить своих учеников любить и ценить свой народ, помогать ему в преодолении всяких бедствий и, если возникнет необходимость, защищать» [2, с. 110].

Главными ценностными ориентациями в деятельности учителя великий педагог называл «воспитание у учеников любви к Родине, к своему народу и его историческому прошлому, формирование их духовности на лучших традициях народной культуры, средствами родного языка, народного творчества, отечественной истории и географии. Патриотические чувства, по мнению К. Д. Ушинского, – это самые сильные чувства в человеке, «общественный цемент», который «связывает людей в честное, дружное общество». «Как нет человека без самолюбия, – писал он, – так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека...» [2, с. 111].

Терминальными ценностями у К. Д. Ушинского выступают любовь как первопричина становления Учителя, долг и душа. В группу инструментальных ценностей включено «не только то, что напрямую связано с «пользой педагогической литературы», то есть владение теорией, наличие опыта, но и личностные образования нравственного плана: природное благородство, добродетельность, убежденность, энергичность и др.» [2, с. 114]. Названные ценностные ориентации учителя являются своего рода «генетическим основанием стратегических задач развития современного образования. Осмысление богатейшего наследия классика отечественной педагогики позволяет сделать вывод о гуманистической направленности его отношенческой сферы» [2, с. 116].

Обратим также внимание на значимость нового прочтения произведений великого педагога и психолога не только для профессиональных педагогов и психологов, но и в контексте модернизации российского образования в целом.

В этом плане один из авторитетных исследователей творческого наследия К. Д. Ушинского В. М. Меньшиков (г. Курск) представил собственное видение проблемы: «Оценивая педагогические системы классиков мировой педагогики с точки зрения инновационного потенциала, нельзя не видеть, что педагогическое наследие великого русского ученого К. Д. Ушинского занимает в этом ряду особое место: пожалуй, ни одна другая педагогическая система не несет в себе такого бесконечного множества истин и смыслов, которые есть в его системе. Многие его идеи настолько велики и всеобъемлющи, настолько значительны, что при их развертывании смогут стать самостоятельными педагогическими системами. Этот феномен можно объяснить уникальностью самого педагогического творчества К. Д. Ушинского. В отличие от других педагогических систем с их строгой линейной однозначностью и определенностью, учение К. Д. Ушинского многозначимо и

многогранно, оно наполнено значениями, которые в каждое новое время приобретают новые смыслы и новое содержание» [11, с. 97].

Безграничность наследия К. Д. Ушинского объясняется сочетанием нескольких, как минимум, трех факторов: он был, во-первых, не просто энциклопедически образован, профессионально подготовлен, но был необыкновенно талантлив. Во-вторых, период его жизни совпал со временем великих социальных реформ в России, требующих прорывных решений. Именно поэтому инновационность была органично заложена в творчество К. Д. Ушинского. «А поскольку мы живем во времена все ускоряющихся инноваций, то растет и востребованность педагогического наследия Ушинского с его исключительно творческим потенциалом.

В-третьих, К. Д. Ушинский жил в эпоху русского Просвещения, которое получило название «золотого века» русской культуры, – эпоху, которая явила себя великой русской классической культурой от литературы до философии и, прежде всего, русской религиозной философии, которая стала не просто великим явлением русской культуры, а величайшим шедевром мировой культуры, ее вершиной. Русская культура давала ответы на те вопросы, которые ставило человечество в те времена. Творчество К. Д. Ушинского как раз и живет в этом общем пространстве русской культуры – вершины мировой культуры. И Ушинский как удивительно одаренный человек, живший в этой культуре, дает ответы, которые ставила не только Россия, но и все человечество. И он дает ответы на вопросы не только педагогические, но и социальные, экономические и даже политические. Сегодня поражаешься тому, насколько его ответы были современны. И насколько они, увы, оказались в силу разных обстоятельств не понятыми не только на Западе, но и, что самое обидное, в нашей стране. Кстати, непонимание Ушинского не только при его жизни, но и после – характерная черта русской науки, и об этом правильно говорил П. П. Блонский. Так что мы по-прежнему стоим перед задачей освоения К. Д. Ушинского. И прочтения Ушинского. И поэтому мы обречены, как и в искусстве, на открытие своего Ушинского, подобно тому, как каждый из нас открывает своего Пушкина и Достоевского» [11, с. 98].

Автор статьи считает, что самой важной педагогической проблемой творчества К. Д. Ушинского, значимой и для него, и для нашего времени, является «проблема духовно-нравственного воспитания. Он дает ответы, которые важны не только для его времени, но и для нашего. При этом без понимания этого аспекта его педагогического наследия для нас будет принципиально закрыта его педагогика даже там, где она активно используется» [11, с. 99]. Заканчивается статья В. М. Меньшикова словами: «Вновь и вновь осмысливая фундаментальные проблемы современного образования, пытаюсь их решить, мы должны услышать ответы, уже найденные нашими великими предшественниками» [11, с. 102].

Наиболее плодотворно над развитием идей К. Д. Ушинского по созданию антропологического базиса педагогики работал академик РАО Б. М. Бим-Бад. Его книга «Педагогическая антропология» [4] закрепила за ним право на пионерство и лидерство в разработке педагогического человековедения в отечественной науке конца XX в. Это был «совершенно новый тип учебного пособия, уникальность которого определялась не только актуальностью, но, главным образом, содержательной наполненностью. Автор представил читателям самоучитель исторически накопленной человечеством педагогической мудрости. Борис Михайлович, виртуозно владеющий умением составлять и сочинять художественные тексты, сумел оформить в учебном материале и педагогически интерпретировать мысли великих деятелей культуры. Он смог в опыте последних трех

тысячелетий выбрать злободневные для сегодняшнего дня идеи, прекрасно показав, как пространство-время может быть использовано для полета пытливого мысли и поиска вариантов ответа на современные вызовы. В 2002 г. Б. М. Бим-Бад издает лекции по педагогической антропологии, где акцентирует внимание читателей и побуждает их к решению прикладных аспектов науки и профессиональных проблем педагогов и психологов» [3; 14, с. 50; 17, с. 286].

Отдадим также должное Э. Д. Днепрову, автору трудов, на которые мы ссылались в этой статье, известному ученому и общественному деятелю, выдающемуся реформатору образовательной политики в России рубежа XX–XXI столетий. В завершение своей книги «Ушинский и современность» он написал: «Может быть, только сейчас, когда ушли в прошлое разные модификации навязываемого всем единомыслия, когда мы медленно, трудно, но все же входим в полосу социальной, умственной и духовной зрелости, наступает время Ушинского. Наступает пора настоящего, или по крайней мере нового, его прочтения. Одна из главных задач данной книги и состояла в том, чтобы помочь такому прочтению Ушинского.

Автор считал реализацию этой задачи своим внутренним – гражданским и научным – долгом, ибо прошел с героем книги почти всю свою научную и гражданскую жизнь. Идеи Ушинского были осознанно выбраны автором как ориентир научно-педагогической и общественно-образовательной деятельности в сфере образовательной политики. Личность Ушинского стала эталоном Нравственности, Чести, социального и научного Долга ученого.

Таков закон жизни. Гиганты всегда оставляют после себя простых смертных «одной крови» с ними. Таких людей после Ушинского во все времена было немало среди российских педагогов. На их плечах стояла и стоит наша школа. Их усилиями двигалось и движется вперед отечественное образование» [8, с. 225].

От себя добавим, Э. Д. Днепров воплотил в жизнь в перестроечный период 1980-х годов идею К. Д. Ушинского о необходимости общественного обсуждения назревших в образовании проблем, он создал и возглавил Временный научно-исследовательский коллектив (ВНИК) «Школа», разработавший концепцию общего среднего образования, которая была принята на Всесоюзном съезде работников народного образования (1988 г.). А вскоре стал первым избранным министром народного образования Российской Федерации (1990 г.). Приведем в качестве заключения небольшую выдержку из статьи о Э. Д. Днепрове, характеризующую значение этого человека для России.

«Писать об известных людях, выдающихся ученых, деятелях науки и образования трудно, но необходимо. Важно не только отдать дань памяти знаменитостям и выдающимся подвижникам, ушедшим в вечность, но, главным образом, донести свой взгляд уже другим поколениям, живущим в изменившемся мире, с иными взглядами на жизнь и меняющимися жизненными ценностями. Без этого мы и сами не можем обойтись, так как, сверяя свои дела с достижениями предшественников, возможно считая их великими, видим лучше самих себя, обнажаем новые грани профессионального дискурса, позволяющие подняться на другой уровень осмысления педагогических феноменов. Поэтому исследователи, в первую очередь, должны видеть в историческом наследии вечные идеи и ценности, к пониманию которых педагогические герои пытались вести подрастающие поколения.

Об Эдуарде Дмитриевиче Днепрове говорить и писать можно долго, он действительно много сделал, но даже если мы будем пользоваться только превосходной сте-

пению: Ученый, Историк, Педагог, Гражданин, Патриот – это все равно не будет вести к исчерпывающей характеристике. Для него нужно искать особые слова, он не простой деятель образования, он выдающийся, он первый из выдающихся, даже недруги с самым высоким уровнем притязаний признавали его лучшим. Говоря о таком человеке, из глубин сознания возникают образы и ассоциации, близкие понятиям, связанным с вечностью и произносимые могуче и торжественно: Глыба, Титан, Могиканин... Мне хочется сказать еще и Великий Реформатор. Историки склонны преувеличивать подвиги любимцев своего пера, меня, наверное, тоже могут в этом упрекнуть. Однако мне хочется иметь право на свои слова, и пусть фрагментарно, но показать масштаб деятельности Э. Д. Днепровыа сквозь призму авторского опыта общения с ним.

Многим, вероятно, трудно будет со мной согласиться по каким-то вопросам, не хочу никого убеждать, но подискутировать готов. В союзники возьму признанного авторитета, организатора и первого президента Российской академии образования (РАО) академика А. В. Петровского. По его словам, Э. Д. Днепров проявил себя как «выдающийся реформатор образования, инициатор и «главный конструктор» современной образовательной реформы в России, зачинатель общественного педагогического движения, которое ныне является движущей силой и основной социальной базой развития образования. Его реформаторская деятельность в образовании имеет поистине уникальный характер. Он выступает не только как ведущий российский политик в сфере образования, не только как «отец-основатель», организатор и стратег образовательной реформы, ее идеолог и теоретик, но и как первый ее исследователь, фундаментальные работы которого по широте, глубине, многогранности анализа не имеют аналога в современной образовательной литературе, равно как и в литературе, посвященной другим российским реформам». Фундаментальная образовательная реформа 1992 года, равно как и все прогрессивные начинания последнего двадцатилетия истории отечественного образования будут всегда неразрывно связаны с именем Э. Д. Днепровыа – «самого крупного социального мыслителя и социального реформатора в российском образовании на рубеже прошлого и нынешнего столетий» [17, с. 253–254].

Список источников

1. Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии / под ред. Н. А. Логиновой. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. Т. 1 : Очерки психологии. История русской психологии. 412 с.
2. Асташова Н. А. Аксиологический потенциал наследия К. Д. Ушинского как условие подготовки современного учителя // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 2(30). С. 107–117.
3. Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология : курс лекций. М. : Университет Российской академии образования, 2002. 208 с.
4. Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология : учеб. пособие. М. : Университет Российской академии образования, 1998. 576 с.
5. Великий русский педагог К. Д. Ушинский / отв. ред. А. М. Александров. Ростов н/Д : Росиздат, 1945. 68 с.
6. Гончаров Н. К. Педагогическая система К. Д. Ушинского. М. : Педагогика, 1974. 272 с.
7. Днепров Э. Д. Учебные книги К. Д. Ушинского – нравственная и педагогическая основа русской начальной школы // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии Университета Российской академии образования.

Вып. 5 : Педагогическая антропология и история образования. М. : Университет Российской академии образования, 2001. С. 95–159.

8. Днепров Э. Д. Ушинский и современность. М., 2007. 232 с.

9. К. Д. Ушинский и русская школа: беседы о великом педагоге / под общ. ред. Е. Белозерцева. М. : Роман-газета, 1994. 192 с.

10. Мазилев В. А. К. Д. Ушинский как создатель парадигмы практической психологии: непонятный проект // Образовательная панорама. 2014. № 1(1). С. 48–60.

11. Меньшиков В. М. Педагогическое наследие К. Д. Ушинского в контексте модернизации российского образования // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 2(30). С. 97–103.

12. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А. И. Пискунов. М. : Педагогика, 1976. 600 с.

13. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии: избранные труды. М. : Педагогика, 1984. 272 с.

14. Романов А. А. Историк педагогики Б. М. Бим-Бад: 80 лет со дня рождения // Инновационные проекты и программы в образовании. 2021. № 6(78). С. 46–51.

15. Романов А. А. Научная и просветительская деятельность Б. М. Бим-Бада (к 75-летию со дня рождения) // Педагогика. 2016. № 10. С. 105–111.

16. Романов А. А. Памяти Эдуарда Дмитриевича Днепровца // Психолого-педагогический поиск. 2015. № 1(33). С. 204–212.

17. Романов А. А. Педагогические подвижники в переломные эпохи XX века. Избранные научные статьи и очерки. Рязань : Концепция, 2017. 528 с.

18. Романов А. А. Педология в России: судьба быть запрещенной постановлением власти // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 2(38). С. 82–96.

19. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. М. : Педагогика, 1990. Т. 5. 526 с.

20. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. М. : Педагогика, 1990. Т. 6. 527 с.

References

1. Ananyev, B. G. 2007, *Selected Works on Psychology*, N. A. Loginov (Ed.), vol. 1, Essays on psychology, *History of Russian Psychology*, St. Petersburg State University, St. Petersburg.

2. Astashova N. A. 2014, 'Axiological potential of K. D. Ushinsky's legacy as a condition for training a modern teacher', *Psychological and pedagogical search*, iss. 2(30), pp. 107–117.

3. Bim-Bad, B. M. 2002, *Pedagogical Anthropology: a course of lectures*, University of the Russian Academy of Education, Moscow.

4. Bim-Bad, B. M. 1998, *Pedagogical Anthropology: textbook*, University of the Russian Academy of Education, Moscow.

5. Alexandrov, A.M. (ed.) 1945, *The great Russian teacher K. D. Ushinsky*, Rosizdat, Rostov-on-Don.

6. Goncharov, N. K. 1974, *Pedagogical system of K. D. Ushinsky*, Pedagogy, Moscow.

7. Dneprov E. D. 2001, 'K. D. Ushinsky's educational books – the moral and pedagogical basis of the Russian primary school', in *Proceedings of the Department of Pedagogy, History of Education and Pedagogical Anthropology of the University of the Russian Academy of Education. Issue 5: Pedagogical Anthropology and the History of Education*, pp. 95–159, University of the Russian Academy of Education, Moscow.

8. Dneprov, E. D. 2007, *Ushinsky and Modernity*, Moscow.
9. Belozertsev, E. (ed.) 1994, K. D. Ushinsky and the Russian School: *Conversations about the Great*, Roman-Gazeta, Moscow.
10. Mazilov, V. A. 2014, 'K. D. Ushinsky as the creator of the paradigm of practical psychology: an incomprehensible project', *Educational Panorama*, iss. 1(1), pp. 48–60.
11. Menshikov, V. M. 2014, 'The pedagogical legacy of K. D. Ushinsky in the context of modernization of Russian education', *Psychological and Pedagogical search*, iss. 2(30), pp. 97–103.
12. Piskunov, A. I. (Ed.) 1976, *Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR, the second half of the XIX century*, Pedagogy, Moscow.
13. Petrovsky, A.V. 1984, *Questions of history and theory of psychology: selected works*, Pedagogy, Moscow.
14. Romanov, A. A. 2021, "Historian of pedagogy B. M. Bim-Bad: 80 years since birth", *Innovative projects and programs in education*, iss. 6(78), pp. 46–51.
15. Romanov, A. A. 2016, "Scientific and educational activities of B. M. Bimbad (to the 75th anniversary of his birth)", *Pedagogy*, iss. 10, pp. 105–111.
16. Romanov, A. A. 2015, "In Memory of Eduard Dmitrievich Dneprov", *Psychological and pedagogical search*, iss. 1(33), pp. 204–212.
17. Romanov, A. A. 2017, *Pedagogical ascetics in the critical epochs of the twentieth century, Selected scientific articles and essays*, Ryazan.
18. Romanov, A. A. 2016, "Pedology in Russia: the fate of the power prohibited by the decree", *Psychological and pedagogical search*, iss. 2(38), pp. 82–96.
19. Egorov, S. F. (com.) 1990, *Ushinsky K. D. Pedagogical Works*, in 6 vols, vol. 5, Pedagogy, Moscow.
20. Egorov, S. F. (com.) 1990, *Ushinsky K. D. Pedagogical works*, in 6 vols, vol. 6, Pedagogy, Moscow.

Информация об авторах

А. А. Романов – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики;

И. С. Ганишина – доктор психологических наук, доцент, начальник кафедры юридической психологии и педагогики.

Information about the authors

A. A. Romanov – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy;

I. S. Ganishina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 17.08.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 17.08.2023.

К 85-ЛЕТИЮ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА КУЛЬКОВА

Евгений Валерьевич Назаркин¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, evnr2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7729-0210>

Виктор Владимирович Кульков после окончания Саратовского юридического института работал следователем, старшим следователем следственного отдела УВД г. Новокузнецка Кемеровской области Российской Федерации. После окончания аспирантуры по кафедре криминалистики Саратовского юридического института имени Д. И. Курского, успешной защиты кандидатской диссертации на тему «Борьба с незаконным рыбным промыслом (браконьерством)» по специальности 12.00.09 в 1973 г. и присвоения ему ученой степени кандидата юридических наук В. В. Кульков был приглашен на преподавательскую работу в Рязанскую высшую школу МВД России. Работая старшим преподавателем (получив ученое звание доцент), а затем и начальником кафедры уголовного процесса и криминалистики (с 1988 по 1997 год), в течение многих лет занимался активной организаторской, учебной, научной и воспитательной деятельностью.

В течение длительного периода В. В. Кульков являлся членом научно-методической секции по экспертно-криминалистическим дисциплинам Методического центра профессионального образования и координации научных исследований при Главном управлении кадров МВД России, заслуженным руководителем которой был выдающийся и признанный ученый-криминалист, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР генерал-майор милиции Р. С. Белкин.

В. В. Кульков – один из авторов 13 глав в трех учебниках по криминалистике и уголовному процессу, в двух из них – ответственный редактор. Особо следует отметить первый учебник под его редакцией в серии учебников для МВД России, специально написанный для образовательных учреждений, готовивших кадры для уголовно-исполнительной системы России (т. 2 в 2 ч.), вышедший в 1996 году. На примере написания этого учебника видно плодотворное взаимодействие начальника кафедры и профессорско-преподавательского состава возглавляемой кафедры с признанными учеными-криминалистами страны: кандидатом юридических наук, доцентом В. Г. Асташенковым, кандидатом философских наук, доцентом Э. П. Асташенковой, кандидатом юридических наук, доцентом А. В. Заниным, кандидатом юридических наук, доцентом В. Г. Коломацким, доктором юридических наук, профессором Н. Г. Шурухновым, доктором юридических наук, профессором А. М. Лавровым, кандидатом юридических наук,

© Назаркин Е. В., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

доцентом А. М. Лантухом, кандидатом юридических наук, доцентом С. И. Медведевым, кандидатом юридических наук, профессором А. Г. Филипповым, кандидатом юридических наук, доцентом Ф. Б. Мухаметшиным и др.

Следует отметить динамичность, неиссякаемую энергию В. В. Кулькова, его оптимизм, доброжелательность и честность по отношению к людям, желание работать для науки еще и еще. Он является автором и соавтором более 90 научно-практических и учебных пособий, посвященных вопросам уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, подготовки специалистов разного уровня для правоохранительных органов. В их числе изданные и рекомендованные практиками учебно-методические материалы по дисциплинам уголовно-правового цикла для курсантов и слушателей разных форм обучения, студентов (бакалавров, специалистов).

Выделим последние по времени публикации, значимые печатные издания юбиляра: Кульков, В. В. Методика предварительного следствия и дознания. Руководство для следователей и дознавателей : практическое пособие / В. В. Кульков, П. В. Ракчеева; под редакцией В. В. Кулькова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. 311 с.; Кульков, В. В. Следственные действия : учебник / В. В. Кульков. М. : Юстиция, 2020. 245 с.; Кульков, В. В., Ракчеева, П. В. Уголовный процесс. Методика предварительного следствия и дознания: учебное пособие для вузов / под ред. В. В. Кулькова, 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. 311 с.

Примечательно, что 2 из 3 указанных выше издания вышли в 2023-м юбилейном для автора году, что говорит о его постоянной активной жизненной научной позиции и востребованности предложенной научной мысли.

Будучи начальником кафедры, В. В. Кульков совместно с коллегами неустанно работал над модернизацией учебно-методического и технико-криминалистического оснащения кабинетов и криминалистической лаборатории кафедры, полигона. Совершенствовались наглядные стенды, была создана в том числе с помощью методистов кафедры В. М. Кабочкина и В. И. Ефимова постоянно действующая криминалистическая фотолаборатория (с научно продуманным технологическим «мокрым» процессом), через которую прошли обучение многие выпускники-юристы РИПЭ, Академии ФСИН России.

Для более плодотворной и творческой работы кафедры В. В. Кульков привлекал в ее состав необходимых, на его профессиональный взгляд, практических работников с определенным потенциалом и компетенциями – сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (Ю. П. Королец, Н. И. Ткаченко, В. В. Фомин, П. Р. Федореев), следователей МВД России (В. В. Кубасов, А. С. Даулетьяров), сотрудника прокуратуры (С. В. Вербин), эксперта (Е. В. Назаркин). Это позволило ему создать профессиональный коллектив, способный решать различные задачи. В свою очередь, работа на кафедре уголовного процесса и криминалистики позволила отдельным сотрудникам повысить свой профессиональный уровень и продолжить службу в различных правоохранительных органах (А. В. Занин, А. С. Даулетьяров, С. В. Вербин, В. В. Кубасов, П. Р. Федореев).

Таким образом, все это характеризовало кафедру уголовного-процесса и криминалистики во главе с ее начальником В. В. Кульковым как динамично-развивающийся живой организм, способный решать различные учебные, организационные, методические задачи, позволило воспитывать профессиональных юристов, специалистов в области уголовного процесса и криминалистики, смежных наук не только для сотрудников уголовно-исполнительной системы, но и для других и правовых сфер Российской государства.

В день 85-летия хотим пожелать Виктору Владимировичу Кулькову крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, семейного благополучия и дальнейших успехов в его плодотворной неиссякаемой научной и творческой жизни.

Информация об авторе

Е. В. Назаркин – кандидат юридических наук, доцент, доцент института по кафедре уголовного процесса и криминалистики.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *Т. Н. Русакова*

Корректор

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *Т. А. Ключникова*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 29.09.2023. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 12,13. Усл. печ. л. 11,28. Тираж 40 экз.

Заказ №

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России

390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России

390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 1999-9917

23313

